

ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ САГА
О ЖЕСТОКОМ И ПРЕКРАСНОМ ДРЕВНЕМ МИРЕ

ДЖИММ. АУЭЛ

Бестселлер высшего класса... Потрясающая работа воображения.

Daily Express

Простая, но захватывающая проза Ауэл дарит истинное удовольствие.

Sunday Mail

ОХОТНИКИ НА МАМОНТОВ

Дети Земли

Джин Ауэл

Охотники на мамонтов

«Азбука-Аттикус»

1985

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Ауэл Д. М.

Охотники на мамонтов / Д. М. Ауэл — «Азбука-Аттикус»,
1985 — (Дети Земли)

ISBN 978-5-389-19840-1

Эта захватывающая сага о жестоком и прекрасном древнем мире принесла ее автору Джин Ауэл всемирную известность и стала одним из самых читаемых литературных произведений нашего времени. Книги, входящие в серию «Дети Земли», были изданы многомиллионными тиражами во многих странах мира. Эйла и Джондалар держат путь через Европу. Они попадают в земли охотников за мамонтами, и Эйла наконец встречает столь долго разыскиваемых ею Других. Ее принимают в племя, ведь молодая женщина обладает неоценимыми достоинствами: она прекрасная охотница и целительница, а также умеет добывать огонь при помощи чудесных камней. Эйла находит здесь друзей и оставляет в прошлом мучительные воспоминания о жизни в клане. Один из ее новых родичей, темнокожий Ранек, не скрывает, что Эйла очень нравится ему, и она не отвергает его ухаживания. Ревность, вспыхнувшая в Джондаларе, пугает Эйлу. Не знакомая с обычаями Других, она приходит в смятение, ей кажется, что Джондалар разлюбил ее. А впереди их ждет долгая зима, в течение которой Эйла должна разобраться в своих чувствах и сделать выбор.

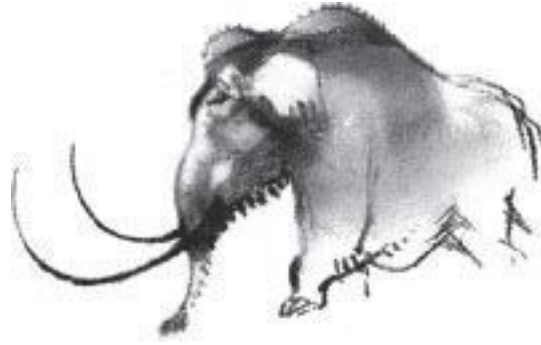
УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-19840-1

© Ауэл Д. М., 1985
© Азбука-Аттикус, 1985

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	21
Глава 3	33
Глава 4	44
Глава 5	57
Глава 6	69
Глава 7	84
Глава 8	99
Глава 9	113
Глава 10	125
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Джин М. Ауэл
ОХОТНИКИ НА МАМОНТОВ

*Посвящается Маршаллу, которым можно гордиться, Беверли,
моей помощнице, а также Кристоферу, Брайану и Мелиссе с любовью*

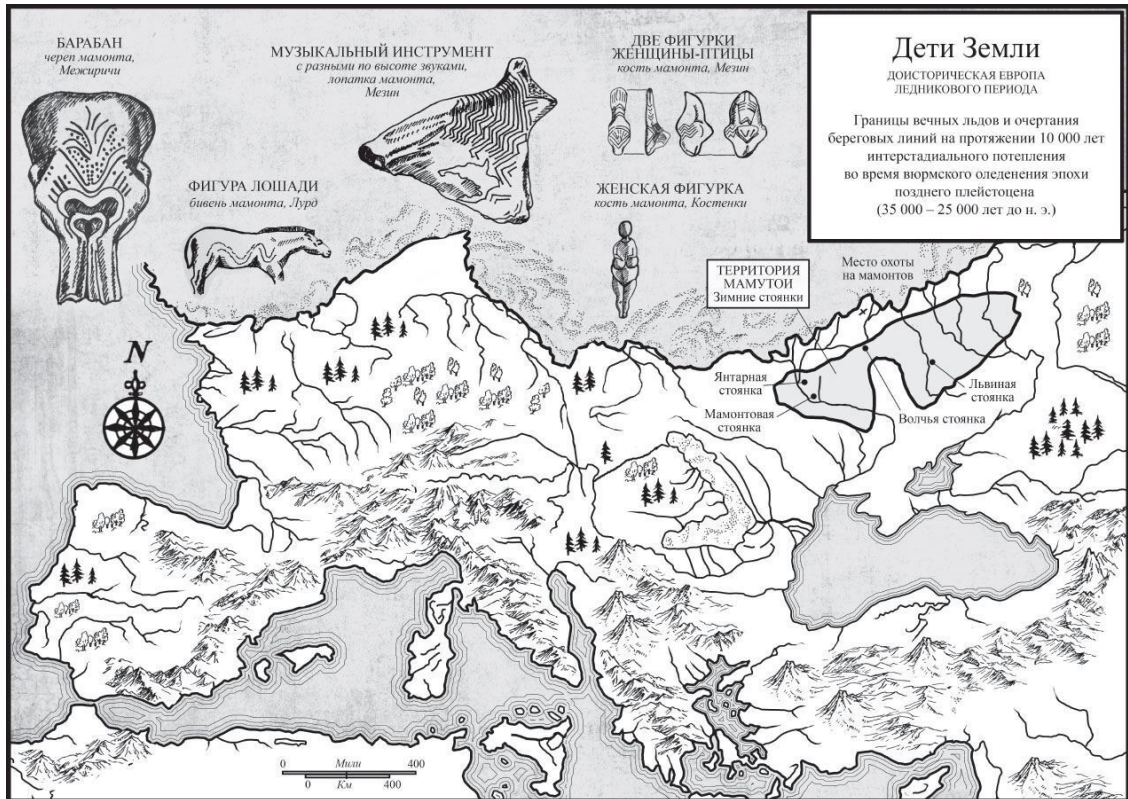
Jean M. Auel THE MAMMOTH HUNTERS
Copyright ©1985 by Jean M. Auel All rights reserved

Карта выполнена Юлией Каташинской

© М. Ю. Юркан, перевод, 1999

© В. И. Шубинский, перевод, 1999

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

Глава 1

Незнакомцы подходили все ближе, и Эйла, задрожав от страха, прижалась к высокому мужчине, стоявшему рядом. Джондалар покровительственно обнял ее, но страх молодой женщины ничуть не уменьшился.

«Какой же он здоровенный!» – подумала Эйла, изумленно глядя на возглавлявшего небольшой отряд мужчину с огненной шевелюрой и бородой. Эйла впервые видела такого высокого человека. По сравнению с ним даже обнимавший ее за плечи Джондалар казался маленьким, хотя он превосходил ростом многих людей. Рыжеволосый был не только самым высоким, он был огромным, как медведь. Его голова покоилась на могучей шее, объема грудной клетки с лихвой хватило бы на двух нормальных мужчин, а крепкие бицепсы могли сравниться по величине с мужским бедром.

Мельком взглянув на Джондалара, Эйла не заметила на его лице даже тени страха, разве что улыбка была несколько напряженной. Эти люди принадлежали к неизвестному племени, а за годы странствий он приучился настороженно относиться к незнакомцам.

– Не припомню, чтобы видел вас прежде, – без всяких предисловий заявил рыжебородый здоровяк. – С какой вы стоянки?

«Он говорит на языке мамутой», – сообразила Эйла, поскольку Джондалар научил ее не только своему родному языку.

– Наш дом далеко отсюда, – сказал Джондалар. – Мы не мамутой. – Он оставил Эйлу и, сделав шаг навстречу незнакомцу, протянул вперед обе руки ладонями вверх – этот традиционный жест дружелюбного приветствия одновременно показывал, что он не прячет никакого оружия. – Я – Джондалар из племени зеландонии.

Рыжебородый не спешил ответить на приветствие.

– Из племени зеландонии? Я не знаю... Постой-ка, однажды мне рассказывали о двух путешественниках, которые жили в западных краях, у речных людей. Похоже, я все-таки слышал о твоём племени.

– Да, мы с братом останавливались у них, – признал Джондалар.

Постояв немного в задумчивости, огненнобородый вдруг стремительно шагнул вперед и обхватил высокого светловолосого мужчину кольцом своих могучих рук; Джондалару показалось, что от этих медвежьих объятий у него сейчас хрустнут кости.

– Так, выходит, мы с тобой родственники! – продолжал мужчина густым басом, и лицо его осветилось широкой улыбкой. – Ведь Толи – дочь моей двоюродной сестры!

Слегка потрясенный Джондалар улыбнулся в ответ:

– Толи?! Женщина из племени мамутой по имени Толи была родственницей моего брата! Она научила меня вашему языку.

– Вот именно! Я же сказал, что мы родственники, – повторил здоровяк и, вспомнив, что поначалу отверг дружеское приветствие Джондалара, крепко сжал его руки, завершая ритуал знакомства. – Я – Талут, вождь Львиной стоянки.

«Все они умеют улыбаться», – заметила Эйла, ненавязчиво поглядывая на незнакомцев. Талут приветливо улыбнулся ей и, окинув молодую женщину оценивающим взглядом, явно одобряющим выбор Джондалара, сказал:

– А где же твой брат? Я вижу, что для этого путешествия ты выбрал себе новую спутницу.

Хотя Джондалар вновь обнял Эйлу за плечи, от ее внимательного взгляда не ускользнуло выражение боли, тенью промелькнувшее по его лицу.

– Ее зовут Эйла, – отогнав печальные мысли, ответил Джондалар.

– Какое странное имя. Она что, из речных людей?

Грубоватая прямота его вопроса в первый момент смутила Джондалара, но вдруг в его памяти всплыл образ Толи, и он улыбнулся при этом воспоминании. Та маленькая, коренастая женщина внешне мало походила на здоровенного бородача, стоявшего сейчас перед ним на берегу реки, и тем не менее они были похожи, как два отщепа, сколотые с одного кремня. Оба отличались открытым, общительным нравом, обоим было трудно смутить, и их прямота порой граничила с наивностью. Джондалар помедлил, не зная, как лучше ответить, а Эйла не собиралась облегчать ему эту задачу.

– Нет, она жила в долине, в нескольких днях пути отсюда, – наконец сказал он.

Талут с недоумением поднял брови:

– Я не слышал, чтобы в наших краях упоминали ее имя. Вы уверены, что она из племени мамутой?

– Нет, скорее, наоборот.

– Тогда из какого же она племени? В этих местах живем только мы, охотники на мамонтов.

– Мне неизвестно, из какого я племени, – вскинув голову, сказала Эйла с оттенком вызова.

Талут посмотрел на нее пронизательным, испытующим взглядом. Женщина произнесла эти слова на его языке, но ее голос и издаваемые ею гортанные звуки были очень странными. Не неприятными, а скорее непривычными. Джондалар тоже говорил с акцентом, обусловленным особенностями его родного языка; но ее необычный говор включал в себя нечто большее, чем акцент. Интерес Талута к этой женщине заметно усилился.

– Что ж, все понятно, однако это не лучшее место для беседы, – подвел итог Талут. – Неззи обрушит на мою голову гнев Великой Матери, если я не приглашу вас к нашему очагу. Гости вносят приятное разнообразие в нашу жизнь, а к нам давненько никто не заглядывал. Львиная стоянка будет рада принять вас, Джондалар из зеландонии и Эйла из Неведомого племени. Так как же, вы принимаете мое приглашение?

– Что скажешь, Эйла? Ты не против погостить у них? – спросил Джондалар, перейдя на язык зеландонии, чтобы она могла ответить искренне, не боясь обидеть Талута отказом. – Не пора ли тебе поближе познакомиться с людьми? Вспомни, разве не об этом говорила тебе Иза? Ведь тебе нужно отыскать людей своего племени. – Ему не хотелось показаться слишком нетерпеливым, но он очень обрадовался приглашению Талута, поскольку за все лето не беседовал ни с кем, кроме Эйлы.

– Я не знаю, – нерешительно сказала она, хмурия брови. – Как они отнесутся ко мне? Он хотел узнать, из какого я племени. Но что я могу ответить? Ведь я и правда не знаю, кто я и откуда. Вдруг я им не понравлюсь?

– Ты понравишься им, Эйла, поверь мне. Я убежден, что все будет в порядке. Талут же пригласил тебя, разве ты не поняла? То есть ему не важно, что ты не помнишь своего племени. И, кроме того, нельзя упускать такой шанс. Как иначе ты сможешь узнать, примут ли они тебя?.. Понравишься ты им или нет? В сущности, ты ничем не отличаешься от этих людей и вполне могла бы родиться и вырасти в этом племени. К тому же не обязательно задерживаться у них надолго. Мы сможем уйти в любое время.

– Мы сможем уйти в любое время? – задумчиво переспросила она.

– Конечно.

Опустив глаза в землю, Эйла старалась привести в порядок свои мысли и чувства. Ей хотелось принять приглашение; она испытывала симпатию к этим людям и с радостью познакомилась бы с ними поближе. Но в то же время она чувствовала страх, и этот страх, свернувшийся в тугий узел где-то внизу живота, терзал и мучил ее. Подняв голову, молодая женщина взглянула в сторону двух лохматых степных лошадей, пощипывающих сочную траву на речном лугу, и ее страх стал еще сильнее.

– А как же быть с Уинни?! Что будет с ней? Они могут обидеть или даже убить ее! Я не могу позволить этого.

Джондалар совершенно забыл о лошадях. «Что эти люди могут сделать с нашими животными?» – подумал он.

– Я не знаю, Эйла, как мамутой отнесутся к Уинни. Но думаю, что они не убьют ее, если мы объясним, что это особое животное, не предназначенное для еды. – Джондалар вспомнил, какое удивление и чувство благоговейного страха он испытал, впервые увидев власть Эйлы над этой лошадей. Интересно будет посмотреть на реакцию мамутой. – У меня появилась идея...

Талут не понимал, о чем разговаривают его новые знакомые, но видел, что женщина чего-то боится, а мужчина пытается уговорить ее. Он также заметил, что и на другом языке Эйла говорит с тем же необычным акцентом. «Этот язык для нее тоже чужой, – решил вождь, – наверняка они беседуют на родном языке Джондалара».

Он с явным удовольствием размышлял об этой загадочной женщине – его интересовало все новое и необычное; таинственное и необъяснимое всегда привлекало его. Но пока Талут не догадывался, сколь сложную загадку представляет собой его новая знакомая... Эйла вдруг громко и пронзительно свистнула. И, точно повинувшись этому свисту, к ней прискакали золотистая кобыла и жеребенок на редкость темной, почти гнедой масти. Животные спокойно стояли среди людей и позволяли Эйле гладить их! Рыжеволосый вождь подавил благоговейный трепет. Такого чуда он еще в жизни не видывал.

«Может, она наделена особыми сверхъестественными силами, как наш Мамут?» – с нарастающим волнением и страхом подумал рыжебородый. Обычно только избранным, только служителям Великой Матери были открыты магические знания, с помощью которых они узнавали, где скрываются животные, и направляли охотников. Но он никогда не видел, чтобы кто-то из них имел такую власть над животными. Лошади послушно явились на ее зов. Значит, она обладает поистине уникальным даром. Конечно, в этом есть нечто пугающее... Однако, подумать только, какую выгоду может принести племени такой дар. Ведь гораздо проще убить послушное животное!

Едва успев оправиться от первого потрясения, Талут вновь был повергнут в трепет. Ухватившись за жесткую золотистую гриву, молодая женщина взлетела на лошадиную спину. Открыв рот от изумления, рыжебородый великан с ужасом смотрел, как Эйла, сидя на лошади, стремительно скачет вдоль берега реки. Соплеменники в полной мере разделяли изумление и страх Талута, но особенно явно это сквозило в округлившись глазах двенадцатилетней девочки. Она робко подошла к вождю и прижалась к нему, ища поддержки.

– Талут, почему лошади слушаются ее? – спросила девочка тихим голосом, в котором помимо удивления и страха слышались нотки восхищения. – Этот маленький жеребенок, он был так близко... Мне тоже захотелось погладить его.

Выражение лица Талута несколько смягчилось.

– Не спеши, Лэти. У тебя будет возможность спросить об этом у Эйлы. Или, может быть, мы узнаем об этом прямо сейчас, – сказал он, вопросительно взглянув на Джондалара.

– Я не уверен, что смогу хорошо объяснить вам это чудо, – ответил он. – Эйла умеет общаться с животными. Она взяла Уинни в свою пещеру, когда та была маленьким жеребенком, и сама вырастила и выкормила ее.

– Уинни?

– Да, примерно так звучит имя, которое она дала кобыле. Оно напоминает конское ржание, и сама Эйла произносит его так, что можно подумать, будто это действительно лошадиное ржание. А жеребенка зовут Удалец. Я сам придумал ему имя по ее просьбе. Так мы, зеландонии, называем тех, кто быстро бежит и одерживает победу в состязаниях. Впервые я увидел Эйлу в тот момент, когда она помогала появиться на свет этому жеребенку.

– Должно быть, зрелище было потрясающим. Вот уж не предполагал, что кобыла может подпустить к себе кого-то в такой момент, – заметил один из стоявших рядом с Талутом мужчин.

Демонстрация верховой езды возымела желаемый эффект, и Джондалар решил, что настал подходящий момент, для того чтобы высказать опасения Эйлы.

– Мне кажется, Талут, что Эйла с радостью приняла бы твоё приглашение, если бы не опасалась за своих питомцев. Ведь вы привыкли охотиться на лошадей, и поскольку Уинни и Удалец не боятся людей, то их можно легко убить.

– Да, правда. Ты словно проник в мои мысли, но это же вполне естественно!

Талут наблюдал за Эйлой, появившейся из-за холма: казалось, навстречу ему скачет некое диковинное создание – получеловек-полулошадь. И он порадовался тому, что не встречал ее на лошади прежде, до их непосредственного знакомства. Такое чудовище могло лишить мужества кого угодно. Талут вдруг подумал о том, какие ощущения может испытывать человек, сидящий на спине лошади. Очень возможно, что подобная поездка окажется не такой уж страшной. И затем он вдруг разразился громким смехом, мысленно представив себе, как сам усаживается на одну из довольно низкорослых, хотя и крепких степных лошадок.

– Пожалуй, мне легче будет скакать с лошадей на плечах, чем ей со мной! – воскликнул он.

Джондалар усмехнулся. Ход мыслей Талута был вполне понятен. На лицах мамутои заиграли улыбки, и Джондалар понял, что все они представили, как скачут на лошади. Ничего удивительного, ведь то же самое представилось и ему, когда он впервые увидел Эйлу, сидевшую на спине Уинни.

* * *

Эйла видела глубоко потрясенные лица мамутои, и если бы Джондалар не ждал ее возвращения, то она не колеблясь отправилась бы напрямик домой, в свою долину. Она вспомнила детские годы: сколько упреков и порицаний вызывали у окружающих ее поступки и действия. Но, прожив три года в одиночестве, она наконец почувствовала вкус свободы и не хотела, чтобы кто-то опять ругал ее только за то, что она следует наклонностям собственной натуры. Сейчас Эйла уже готова была сказать Джондалару, что если у него есть такое желание, то он может один погостить у этих людей; она же собирается ехать домой.

Однако, приблизившись к стоявшим на берегу людям, она увидела, что Талут все еще хохочет, воображая, как бедная лошадь сгибается под его тяжестью. И именно его смех побудил ее изменить принятое решение. Смех стал для нее драгоценным духовным приобретением. Когда она жила у людей клана, ей не разрешали даже улыбаться, а ее смешки вызывали у них страшное беспокойство и тревогу. Только оставаясь наедине с Дарком, она позволяла себе немного посмеяться. Потом Вэбхья и Уинни вновь научили ее радоваться жизни, с ними она жила свободно, не скрывая своих чувств. А Джондалар стал первым человеком, который открыто смеялся одновременно с ней.

Эйла невольно улыгнулась, видя, как заразительно смеется вместе с Талутом этот высокий красивый мужчина. Джондалар поднял голову и встретился с ней взглядом, его невероятно выразительные синие глаза, казалось, излучали магические лучи радости: проникнув в самую глубину ее существа, они разожгли там огонь, воспламенивший каждую клеточку ее тела; живительная, мощная волна любви захлестнула Эйлу, и она поняла, как сильно любит этого человека. Нет, она не сможет одна вернуться в свою долину. Даже сама мысль о том, что они могут расстаться, была настолько нестерпимой, что Эйла почувствовала, как к горлу подступил комок, и ей едва удалось сдержать жгучие слезы.

Возвращаясь со своей короткой верховой прогулки, она подумала, что Джондалар был почти одного роста с рыжебородым, хотя, конечно, не мог похвастать таким могучим телосложением, зато остальные трое мужчин из племени мамутои уступали ее другу. «Нет, один из них совсем мальчик, – поправила себя Эйла. – А за спиной Талута, похоже, прячется еще и девочка». Она поймала себя на том, что исподволь внимательно рассматривает и оценивает этих людей.

Привычным жестом молодая женщина приказала Уинни остановиться и, перекинув ногу через круп лошади, легко соскользнула на землю. Талут направился в ее сторону, чем вызвал некоторое беспокойство животных, и Эйла, стоя между ними, успокаивающе погладила Уинни и обняла за шею пофыркивающего Удальца. Знакомое прикосновение успокоило лошадей, а их близость, в свою очередь, помогала Эйле обрести уверенность, и трудно сказать, кто из них троих сейчас больше нуждался в дружеской поддержке.

– Эйла из Неведомого племени, – начал Талут, не слишком уверенный в правильности своего обращения, хотя, впрочем, оно вполне могло подойти для женщины, наделенной таким необыкновенным даром, – Джондалар объяснил мне, что ты боишься, не обидят ли мои люди этих лошадей, пока вы будете нашими гостями. Я, Талут, говорю тебе, что никто не причинит вреда ни кобыле, ни ее приплоду. И будет так всегда, пока я, Талут, буду вождем Львиной стоянки. Я приглашаю тебя вместе с лошадьми погостить у нас. – Широкая улыбка осветила его лицо, и он, усмехнувшись, добавил: – Иначе никто не поверит нашему рассказу.

Слова вождя немного успокоили Эйлу, кроме того, она чувствовала, что Джондалару хочется принять приглашение. Никакой существенной причины для отказа у нее не было, к тому же ее сговорчивости в немалой степени способствовал дружелюбный смех этого огромного рыжеволосого бородача.

– Да, я согласна, – сказала Эйла.

Талут улыбнулся и удовлетворенно кивнул ей, в который раз удивляясь странности этой женщины, ее загадочному акценту, ее сверхъестественной власти над лошадьми. Кто же она, Эйла из Неведомого племени?

* * *

Переносная палатка Эйлы и Джондалара стояла на берегу стремительно бегущей реки, и сегодня утром, до встречи с обитателями Львиной стоянки, они хотели сложить ее и отправиться в обратный путь. Сейчас речной поток был слишком полноводным, чтобы они могли без трудностей переправиться через него. А поскольку вскоре им все равно предстояло повернуть назад и повторить весь пройденный путь, то такая переправа вообще имела мало смысла. Простирающаяся на восток степная долина, в которой Эйла в одиночестве прожила целых три года, была вполне пригодна для жилья, и поскольку молодая женщина не слишком охотно покидала свою пещеру ради трудных и опасных походов в западные степи, то эти края оставались для нее практически неизведанными. И, отправляясь в нынешний поход, путешественники не имели определенной цели, сначала они направились на запад, потом на север и в итоге повернули к востоку, однако это было долгое странствие, не идущее ни в какое сравнение с кратковременными охотничьими вылазками Эйлы.

Джондалар убедил ее в необходимости такого пробного похода для приобретения опыта кочевой жизни. Ему хотелось вернуться домой вместе с Эйлой, но его племя жило очень далеко на западе. Однако перспектива жизни с незнакомыми людьми в незнакомом месте совсем не привлекала молодую женщину, она боялась покинуть свой маленький надежный мир. Джондалар путешествовал уже много лет, и, хотя ему не терпелось попасть в родные края, он смирился и решил провести зиму вместе с ней в этой восточной долине. Предстоящее путешествие будет очень долгим – вероятно, оно займет целый год, – и в любом случае лучше всего отправиться

в дорогу поздней весной. К тому же он был уверен, что сможет уговорить свою подругу пойти вместе с ним, и даже думать не хотел ни о каких других вариантах.

Эйла нашла его, сильно покалеченного, почти полумертвого, в начале теплого сезона, последние дни которого уже заканчивались, и она знала, какое горе пришлось пережить Джондалару. Раны его заживали медленно, и, пока она ухаживала за ним, молодые люди успели полюбить друг друга, хотя их любовь преодолела множество препятствий, источником которых были существенные различия их прежних жизней и мировоззрений. И по сей день они еще продолжали взаимное познание, открывая друг в друге новые черты характера, особенности и привычки.

Эйла и Джондалар закончили разбирать палатку и, к немалому удивлению и интересу наблюдавших за ними людей, погрузили все свои припасы, пожитки и походное снаряжение на лошадь, хотя мамутой, конечно, ожидали, что их новые знакомые потащат тяжелые заплечные мешки и корзины на своем горбу. Уинни была выносливой и крепкой кобылой, так что порой Эйла и Джондалар ездили на ней вдвоем, но сейчас Эйла решила пойти пешком, чтобы животные видели ее и не боялись присутствия чужих людей. Мамутой двигались впереди, Джондалар вел жеребенка, держа в руке веревку, привязанную к своеобразному подобию уздечки, которую он сам недавно придумал для Удальца, а Уинни послушно следовала за своей хозяйкой.

Вначале тропа шла вдоль реки по широкой долине, отлого поднимающейся к окрестным лугам. Богатые запасы будущего сена – высокие зрелые травы – клонили свои тяжелые семенные головки; сухой порывистый ветер, приносивший с обширных северных ледников массы морозного воздуха, вздымал золотистые волны этого степного моря. Деревья с трудом выжили в открытых степях, редкие рощицы искривленных шишковатых берез и сосен жалась к речному руслу, где их корни находили живительную влагу, – только здесь они могли противостоять иссушающим ветрам. Речные берега прятались в зарослях все еще зеленых камышей и осоки, хотя сильные порывы ветра уже успели обломать их остроконечные листья.

Лэти всю дорогу шла, чуть отстав от группы своих соплеменников, и то и дело оглядывалась на лошадей и загадочную женщину. Но когда путники достигли речной излучины, то девочка, увидев сородичей, побежала вперед: ей хотелось первой сообщить о прибытии гостей. Услышав ее крики, мамутой оторвались от своих дел и изумленно воззрились на приближающихся незнакомцев.

Вскоре к наблюдавшим присоединились и остальные обитатели стоянки. Эйла заметила, что они появляются из большой дыры, черневшей на склоне речного берега. «Вероятно, там находится пещера», – подумала она, хотя таких странных пещер ей еще не доводилось видеть. Входное отверстие было обращено в сторону реки, но возвышение над ним совсем не походило на прихотливо выветренные формы скалистых или земляных берегов. Холмистая поверхность этой необычной пещеры поросла травой, но очертания входа были слишком правильными; вряд ли этот строго симметричный свод мог быть творением самой природы.

Вдруг Эйлу точно осенило – понимание пришло на каком-то глубинном интуитивном уровне: это была не пещера, ведь эти люди не принадлежали к клану! Они не походили на Изу, которую она считала своей единственной матерью, поскольку ничего не помнила о том, как жила до пятилетнего возраста. Они не похожи и на Креба и Брана – низкорослых, крепких мужчин с большими, глубоко посаженными глазами, затененными тяжелыми надбровными дугами; у всех членов клана были покатые, скошенные назад лбы, срезанные подбородки и сильно выступающие вперед челюсти. А эти люди выглядели как она. Должно быть, они похожи на тех людей, у которых она родилась. И ее настоящая мать, вероятно, похожа на одну из этих женщин. Значит, судьба наконец привела ее к Другим! И они живут здесь, в этом удивительном жилище! Осознав важность происходящего, Эйла сквозь сильнейшее волнение почувствовала укол страха.

Оглушительная тишина встретила двух странных чужеземцев и их не менее странных лошадей, когда они приблизились к постоянному зимнему жилищу племени мамутои – Львиной стоянке. Но через мгновение начался настоящий галдеж, казалось, все мамутои вдруг заговорили разом:

– Талут! Кого ты привел на этот раз? Где ты раздобыл таких лошадей? Что ты собираешься делать с ними?.. Откуда они, Талут?..

Кто-то спросил у Эйлы:

– Почему они не убегают?..

Говорливые, общительные мамутои тесной толпой обступили вновь прибывших; всем хотелось получше разглядеть их, а стоявшим в первом ряду удалось даже потрогать странных чужаков и их лошадей. Эйла была потрясена и смущена. Она не привыкла к такому множеству людей, говорящих одновременно. Она вообще еще не привыкла к говорящим людям. Уинни, двигаясь бочком, пыталась отогнать самых любопытных и защитить своего испуганного жеребенка. Она выгибала шею, вскидывала голову и нервно поводила ушами.

Джондалар видел смущение Эйлы и взбудораженное состояние лошадей, но не знал, как объяснить Талуту и его людям, что гостям пока лучше побыть одним. Покрывшись испариной, золотистая кобыла приплясывала в тесном кругу, взмахивая длинным хвостом. Наконец она не выдержала и взвилась на дыбы. Молотя копытами воздух, Уинни громко и испуганно заржала, заставляя людей отступить на почтительное расстояние.

Отчаянная тревога Уинни привлекла внимание Эйлы и помогла ей прийти в себя. Она произнесла имя лошади, напоминавшее по звучанию успокаивающее ржание, и добавила к этому соответствующий жест, который использовала еще до того, как Джондалар научил ее говорить.

– Талут, – решил наконец Джондалар, – никто не должен трогать этих лошадей без разрешения Эйлы! Только она имеет власть над ними. У них добрый нрав, но кобыла может стать опасной, если ее вынудят к этому или если она почувствует, что ее детенышу что-то угрожает. Кто-нибудь может пострадать.

– Отойдите-ка подальше! Вы слышали его? – повелительно крикнул Талут, его рокочущий бас мгновенно утихомирил всех. Как только и люди, и животные успокоились, Талут продолжал уже более мирным тоном: – Эту женщину зовут Эйла. Я обещал ей, что никто не причинит вреда этим лошадям, пока она будет гостить у нас. Я обещал это как вождь Львиной стоянки. А этот мужчина – Джондалар из племени зеландонии – наш родственник, его брат стал мужем женщины из племени шарамудои, в котором живет теперь наша Толи. – Затем, самодовольно усмехнувшись, добавил: – Талут привел гостей!

Мамутои понимающе закивали, выражая одобрение. Они по-прежнему толпились вокруг, разглядывая гостей с нескрываемым любопытством, хотя и отступили чуть подальше, не желая попасть под удары лошадиных копыт. Даже если эти чужаки уйдут тотчас, они уже вызвали достаточно интереса, чтобы вспоминать о такой встрече долгие годы. На последнем Летнем сходе рассказывали о двух появившихся в этих местах чужаках, которые жили на юго-востоке, у речных людей. Мамутои и шарамудои издавна торговали друг с другом, но обитатели Львиной стоянки стали проявлять к этому племени гораздо больше интереса с тех пор, как Толи, их родственница, нашла себе мужа среди речных людей. Однако они даже не надеялись, что один из этих странников не только окажется среди них, но еще приведет с собой женщину, имеющую магическую власть над лошадьми.

– Все в порядке? – спросил Джондалар, обращаясь к Эйле.

– Они напугали Уинни, да и Удальца тоже. Неужели люди всегда говорят все разом, как сейчас? И почему они все так кричат? Как ты умудряешься определить, кто о чем спрашивает? Полная неразбериха! Может, нам лучше распрощаться с ними и отправиться в нашу долину? –

Обняв лошадиную шею, Эйла прижалась к Уинни, успокаивая ее и в то же самое время восстанавливая собственное спокойствие.

Джондалар понимал, что Эйла была встревожена не меньше животных. Шумная людская толпа поразила ее до глубины души. Возможно, им не следует задерживаться здесь надолго. Для начала лучше бы ограничиться общением с двумя-тремя людьми, ведь Эйле надо заново привыкать к людям такого вида, поскольку она всю жизнь прожила среди плоскоголовых. Ему вдруг подумалось о том, что он будет делать, если она не сможет привыкнуть к ним. «Хорошо еще, что она приняла приглашение Талута. Нечего попусту беспокоиться, – решил Джондалар, – поживем – увидим».

– Да, люди иногда кричат и говорят все разом, но обычно говорит кто-то один. И я считаю, Эйла, что они теперь поняли, как надо вести себя с лошадьми, – сказал Джондалар, когда она начала распаковывать висевшие на боках лошади корзины, стянутые вместе широкими кожаными ремнями.

Пока она выгружала их пожитки, Джондалар отвел Талута в сторонку и тихо сказал ему, что лошади да и сама Эйла еще немного нервничают и им нужно время, чтобы привыкнуть к новой обстановке и новым людям.

– Возможно, будет лучше, если ваши сородичи пока оставят их в покое.

Талут все понял и, подойдя к обитателям стоянки, переговорил с каждым, объясняя некоторую сложность положения. Люди понемногу разбрелись, вернувшись к своим обычным делам – приготовлению еды, выделке шкур и обработке кремня, – хотя при этом все продолжали тайком наблюдать за неожиданными гостями, которые, кстати, тоже нарушили их душевный покой. Новые люди всегда возбуждали интерес, однако от женщины, обладающей столь уникальным даром, можно было ожидать чего угодно.

Только горстка детей по-прежнему с откровенным любопытством следила за тем, как мужчина и женщина разгружают корзины, но их присутствие не смущало Эйлу. Она давно не видела детей, с тех пор как покинула клан, и поэтому поглядывала на них с немалой заинтересованностью. Она сняла с кобылы нехитрую упряжь, погладила и приласкала Уинни и подошла к Удальцу, чтобы почесать его лохматую гриву. Ласково обняв жеребенка, она взглянула на Лэти, которая следила за ней восторженными глазами.

– Ты хочешь погладить жеребенка? – спросила Эйла.

– А можно?

– Подойди ко мне. Дай руку. Я должна познакомить тебя с ним.

Она взяла руку Лэти и приложила ее к мохнатой шкуре жеребенка. Удалец повернул голову и, пофыркивая, обнюхал девочку.

Лэти одарила Эйлу счастливой, благодарной улыбкой:

– Я ему понравилась!

– Он любит, когда ему чешут вот здесь. Смотри, – сказала Эйла, показывая девочке особо чувствительные места, которые сама обычно почесывала, лаская животное.

Удалец был в восторге от такого внимания и не скрывал этого, и Лэти тоже была вне себя от радости. Жеребенок понравился ей с первого взгляда. Эйла отвернулась от этой счастливой парочки, чтобы помочь Джондалару, и не заметила приближения еще одного малыша. Когда она вновь поглядела в их сторону, то едва не задохнулась от неожиданности, кровь мгновенно отхлынула от ее лица.

– А можно Ридаг тоже погладит лошадку? – спросила Лэти. – Он не умеет говорить, но я знаю, что он очень хочет.

Ридаг всегда вызывал у людей изумление. Лэти привыкла к этому.

– Джондалар! – срывающимся шепотом воскликнула Эйла. – Этот ребенок... Он мог бы быть моим сыном! Он так похож на Дарка!

Джондалар повернул голову и изумленно вытаращил глаза. Перед ним стоял ребенок, в котором смешались два духа.

По общепринятому мнению, плоскоголовые – те, которых Эйла называла членами клана, – были животными, и подавляющее большинство людей относилось к подобным детям как к отвратительным уродцам – полуживотным-полулюдям. Он сам пережил большое потрясение, когда впервые услышал от Эйлы, что она родила сына смешанных духов. Мать такого ребенка обычно считали парией и изгоняли из племени, боясь, что она, став вместилищем несчастного животного духа, распространит его на других женщин и у них тоже будут рождаться такие уродцы. Некоторые люди считали недопустимым уже само их существование, а то, что один из них живет среди людей, казалось совсем невероятным. Это было страшное потрясение. Откуда мог появиться у них этот мальчик?

Эйла и малыш внимательно разглядывали друг друга, забыв обо всем на свете. «Он слишком хилый для ребенка смешанных тотемов, – подумала Эйла. – Они обычно бывают ширококостными крепышами. Даже Дарк был не таким хрупким. Скорее всего, его худоба связана с какой-то болезнью... – У Эйлы, с детства приобщенной к тайнам врачевания, был наметанный глаз. – Вероятно, у него врожденный недуг той мышцы, что пульсирует и бьется в груди, заставляя кровь бежать по жилам». Но эти предположения она сделала машинально; сейчас все ее мысли занимала внешность мальчика, она пристально разглядывала его лицо, голову, ища сходство и различие между ним и ее собственным сыном.

Как и у Дарка, у него были большие и смысленные карие глаза и совсем не детский взгляд, исполненный знания некой древней мудрости. Эйлу вдруг охватила такая жуткая тоска, что ей стало трудно дышать, – в его взгляде таилось столько боли и страданий, в большей степени душевных, чем физических, от которых ей удалось уберечь Дарка. Волна жалости захлестнула молодую женщину. Внимательно рассмотрев лицо мальчика, она решила, что он не особенно похож на ее сына. Уже в трехлетнем возрасте – когда она последний раз видела Дарка – у него были гораздо более ярко выражены надбровные дуги, типичные для клана, но его лоб был таким же высоким и выпуклым, как у этого ребенка и у нее самой. А одной из особенностей людей клана являлся как раз скошенный, резко отступающий назад лоб.

Углубившись в воспоминания, Эйла подумала, что ее шестилетний сын уже достаточно взрослый, и, вероятно, мужчины клана теперь берут его с собой на охотничьи тренировки, чтобы он привыкал держать в руках оружие. Но охотиться его будет учить Бран, а не Бруд. При мысли о Бруде, наследнике очага Брана, она вспыхнула от гнева. Разве можно забыть, с какой ненавистью и злобой относился к ней этот человек?! Он вынашивал свои злобные замыслы до тех пор, пока ему не удалось наконец отнять у нее ребенка и изгнать из пещеры. Эйла зажмурила глаза; острые как нож воспоминания всколыхнули незаживающую душевную рану. Ей не хотелось верить, что она больше никогда не увидит своего сына.

Открыв глаза, она посмотрела на Ридага и глубоко вздохнула.

«Интересно, сколько лет этому мальчику? Конечно, ростом он не вышел, но по возрасту, должно быть, близок к Дарку, – размышляла Эйла, вновь начиная сравнивать их. – Ридага явно не назовешь смуглым, и его темно-русые волосы – светлее и мягче, чем жесткие каштановые, типичные для людей клана. А вот подбородок и шея, – решила Эйла, – пожалуй, более всего отличают этого малыша от Дарка». У ее сына была такая же, как у нее, длинная шея – он даже давился иногда, проглатывая пищу, чего никогда не случалось с другими детьми в пещере, и, кроме того, у него был срезанный, но четко очерченный подбородок. Да, сходство этого ребенка с людьми клана больше всего выражалось в короткой шее и резко выступающей вперед нижней челюсти. И к тому же, вспомнила Эйла, Лэти сказала, что он не умеет разговаривать.

Неожиданно ход ее мыслей резко изменил свое направление, она осознала, насколько трудна, должно быть, жизнь этого малыша. Одно дело, когда пятилетняя девочка, потерявшаяся во время землетрясения, попадает в среду людей, неспособных к четкой артикуляции речи,

и они учат ее языку жестов, который сами используют для общения. И совсем другое дело – жить с говорящими людьми и не иметь дара речи. Ей вспомнилось, как в детстве она огорчалась из-за того, что не могла общаться с приютившими ее людьми. Но встреча с Джондаларом принесла ей куда большее огорчение, ведь им было ужасно трудно понимать друг друга, прежде чем она вновь научилась говорить. А что бы она делала, если бы не смогла научиться?

Эйла сделала мальчику знак, означавший простое приветствие, – один из первых жестов, который ей показали много лет назад. В глазах Ридага отразилось волнение, он тряхнул головой и озадаченно посмотрел на молодую женщину. «Никто еще не разговаривал с ним на молчаливом языке клана, – поняла она, – но он должен обладать врожденной памятью, присущей всему клану». Мальчик мгновенно воспринял ее жест, Эйла не сомневалась в этом.

– Можно Ридаг погладит маленькую лошадку? – вновь спросила Лэти.

– Да, – ответила Эйла, беря его за руку.

«Какой же он хрупкий и болезненный», – подумала она и тут же осознала все последствия такого состояния. Мальчик не мог бегать, как другие дети. Не мог участвовать в обычных детских играх и потасовках. Ему оставалось лишь наблюдать за ними глазами, полными неутоленного желания.

Джондалар и не предполагал прежде, что лицо Эйлы может быть таким нежным и ласковым, как сейчас, когда она подняла мальчика и посадила его на спину Уинни. Привычным жестом молодая женщина направила животное вперед, и вся троица медленно обошла вокруг стоянки. Гул разговоров мгновенно утих, все люди, затаив дыхание, смотрели на восседавшего на лошади Ридага. Конечно, мамутой, встретившие незнакомцев у реки, уже успели рассказать о верховой езде загадочной женщины, но остальные никогда еще не видели столь диковинного зрелища. Никто даже и представить себе не мог подобную картину.

На пороге странного земляного жилища появилась высокая крупная женщина; она увидела сидевшего на лошади Ридага, и первым ее побуждением было броситься ему на помощь. Ведь всего несколько минут назад эта норовистая кобыла вставала на дыбы, молотя копытами воздух. Но, подойдя поближе, она осознала безмолвную значительность этого события.

Лицо ребенка было исполнено изумления и восторга. Как часто, с тоской следя за играми своих сверстников, он молча сидел в отдалении, переживая из-за собственной слабости или из-за того, что он так не похож на них. Как часто ему хотелось сделать нечто такое, что вызвало бы восхищение или зависть окружающих. И вот наконец это случилось: он ехал на лошади, а все дети стоянки и все взрослые следили за ним восхищенными глазами.

Вышедшая из дома женщина обратила внимание, с какой любовью и пониманием Эйла смотрит на Ридага. «Как могла эта незнакомка так быстро понять внутреннюю боль мальчика? И почему она приняла его с такой легкостью?»

Эйла заметила изучающий взгляд женщины и улыбнулась ей.

– Ты подарила Ридагу огромную радость, – подойдя ближе, с улыбкой сказала женщина и обняла мальчика, которого Эйла только что сняла с лошади.

– Это было так просто, – ответила Эйла.

Женщина кивнула.

– Мое имя – Неззи, – сказала она.

– А меня зовут Эйла.

Обе женщины внимательно и изучающе смотрели друг на друга, в их взглядах не было враждебности; напротив, похоже, они прощупывали почву для будущей дружбы.

В голове Эйлы теснилась масса вопросов, касавшихся Ридага, но она не осмеливалась задать их, боясь показаться невежливой. Была ли Неззи матерью этого мальчика? И если так, то как вышло, что она дала жизнь ребенку смешанных духов? Эйла вновь задалась вопросом, который не давал ей покоя с тех пор, как родился Дарк. Каким образом зарождается новая

жизнь? Ясно было только одно: определенные изменения женского тела говорят о том, что в нем растет ребенок. Но как он попадает внутрь женщины?

Креб и Иза полагали, что зарождение новой жизни происходит тогда, когда женщина проглатывает дух тотема мужчины. Джондалар считает, что Великая Мать соединяет вместе дух мужчины и дух женщины, и когда Она помещает такой соединенный дух внутрь женского тела, то женщина становится беременной. Однако у Эйлы сложилось свое особое мнение. Заметив, что помимо сходства с ней самой ее ребенок обладает чертами, присущими клану, она поняла, что новая жизнь зародилась в ней только после того, как Бруд силой овладел ею.

Эйла содрогнулась от мучительных воспоминаний, но именно испытанные мучения и боль не давали ей забыть об этом, и постепенно она пришла к выводу, что, возможно, зарождение жизни происходит в тот момент, когда мужской орган проникает в сокровенное место женщины, откуда потом и появляется на свет ребенок. Джондалару ее мысли показались очень странными, и он постарался убедить ее, что только по воле Великой Матери может произойти сотворение новой жизни. И сейчас молодая женщина с удивлением поняла, что не разделяет его мнения. Эйла выросла среди людей клана, она стала одной из них, несмотря на то что резко выделялась своей внешностью. И хотя она испытывала отвращение, когда Бруд овладел ею, но понимала, что он просто воспользовался своим правом, а она была обязана подчиниться ему. Однако совсем непонятно, как мог мужчина клана овладеть Неззи против ее воли?

Размышления Эйлы были прерваны волнением, вызванным прибытием еще одной группы охотников. Шедший впереди мужчина откинул назад капюшон, и Эйла с Джондаларом изумленно ахнули. Мужчина казался почти черным! Его кожа была насыщенного темно-коричневого цвета. Он был, возможно, чуть светлее Удальца, чья темно-гнедая масть тоже редко встречалась у степных лошадей. Никогда еще они не видели человека с такой кожей.

Его голову покрывала курчавая шапка жестких черных волос, напоминавших мех муфлона. Глаза его тоже были черными, и в них зажглись насмешливые огоньки, когда он широко улыбнулся, обнажив сверкающие белые зубы, за которыми виднелся розовый язык; такое контрастное сочетание темной кожи и белоснежных зубов было на редкость необычным. Он знал, какое сильное впечатление всегда производит на незнакомцев его внешность, и даже наслаждался их изумлением.

Во всех остальных отношениях этот человек совершенно не отличался от нормального мужчины среднего телосложения. Он был почти одного роста с Эйлой, может быть, на два пальца выше. Однако от него исходила какая-то удивительная жизненная сила, и благодаря некоторой сдержанности движений и легкой самоуверенности он производил впечатление человека, который точно знает, чего хочет, и не тратя попусту времени, добивается своего. При виде Эйлы огоньки в его глазах вспыхнули ярче.

Джондалар оценил живую, магнетическую силу этого взгляда и сердито нахмурил брови. Но светловолосая женщина и темнокожий мужчина ничего не замечали. Ее настолько поразил цвет темной мужской кожи, что она взирала на него с беззастенчивым любопытством и удивлением ребенка. А его привлекли как простодушие и невинность реакции Эйлы, так и ее красота.

Вдруг, точно очнувшись и осознав, что она в упор разглядывает незнакомого мужчину, Эйла густо покраснела и опустила глаза в землю. Джондалар, конечно, объяснял ей, что женщины и мужчины могут сколько угодно разглядывать друг друга и что это вполне естественно, однако у людей клана это считалось проявлением невоспитанности и даже оскорблением, особенно со стороны женщины. Креб и Иза хотели, чтобы клан полностью признал Эйлу, и поэтому они неумолимо заставляли ее следовать своим обычаям; именно полученное в клане воспитание и стало причиной ее замешательства.

Однако ее явное смущение только подогрело интерес темнокожего мужчины. Он привык быть объектом особого женского внимания. Первоначально удивленные его внешностью женщины с удвоенным любопытством стремились узнать, какие еще особенности скрыты от их

взоров. Его порой забавляло, что во время Летних сходов едва ли не каждая женщина страстно желала лично убедиться в том, что его мужские достоинства были такими же, как у других мужчин. В сущности, он спокойно воспринимал все это, но реакция Эйлы была не менее удивительной для него, чем для нее – его цвет. Ему редко случалось видеть, чтобы поразительно красивая взрослая женщина вдруг залилась румянцем, как смущенная юная девушка.

– Ранек, ты уже познакомился с нашими гостями? – крикнул Талут, направляясь в их сторону.

– Нет пока, но я жду этого момента... с нетерпением.

Услышав звук его голоса, Эйла подняла голову и окунулась в блестящую черноту его глаз, полных желания и едва уловимой насмешки. Его взгляд словно раздвигал ее и, проникая в сокровенные глубины ее сущности, касался тех мест, которые прежде были доступны лишь Джондалару. Ее тело откликнулось с неожиданным трепетом, большие серо-голубые глаза потемнели от возбуждения, и с губ сорвался слабый вздох. Чуть подавшись вперед, мужчина сделал традиционный приветливый жест, но не успел назвать своего имени, поскольку высокий незнакомый мужчина, явно пребывавший в дурном расположении духа, решительно встрял между ними.

– Я – Джондалар из племени зеландонии, – быстро сказал он, протягивая вперед руки, – а женщину, с которой я путешествую, зовут Эйла.

«Что-то сильно расстроило Джондалара, – безошибочно поняла Эйла, – похоже, ему чем-то не понравился этот темнокожий мужчина». Она привыкла понимать людей без слов, по выражению лица, позам или жестам, и обычно внимательно следила за Джондаларом, ожидая молчаливой подсказки, которая могла бы помочь ей выбрать правильную линию поведения. Безмолвный язык клана был очень точен, каждый жест заключал в себе строго определенную информацию, однако мимика и жесты людей, чье общение строилось на языке слов, были гораздо менее содержательными, и Эйла пока не могла доверять собственному восприятию. Конечно, легко было выучить слова, но при таком общении возникало немало сложностей. Вот сейчас, например, совершенно непонятно, почему вдруг изменилось настроение Джондалара. Она видела, что он рассердился, но не знала почему.

– Приветствую тебя, друг, – сказал темнокожий, обмениваясь с Джондаларом крепким рукопожатием. – Меня зовут Ранек, мое имя известно среди мамутои. Говорят, если не врут конечно, что я лучший резчик Львиной стоянки, – заявил он с самоуничижительной улыбкой и добавил: – Странствуя с такой прекрасной спутницей, ты должен ожидать, что она неизменно будет привлекать мужское внимание.

На сей раз уже Джондалар пришел в замешательство. Дружелюбие и чистосердечие Ранека показали ему, каким глупым было его поведение, и он с привычной болью вспомнил о брате. Как и этот резчик, Тонолан был таким же радушным и уверенным в себе, и когда они встречали во время путешествия новых людей, то именно он делал первый шаг к дружескому общению. Джондалар же вечно расстраивался из-за собственной глупости, зачастую начиная новое знакомство с враждебных выпадов. В лучшем случае это можно было отнести на счет его дурного характера или воспитания.

Однако сильная вспышка гнева была настолько удивительной, что застала его врасплох. Укол жгучей ревности поразил его новизной ощущений, вернее, неожиданно вызвал давно забытые воспоминания. Джондалар отчаянно пытался совладать с собой. Ведь, в сущности, этот высокий красивый мужчина, наделенный природным обаянием и горячим сердцем и обладавший большим опытом по части любовных игр, был более привычен к тому, что женщины ревновали его друг к другу.

«Почему же меня задело, что другой мужчина проявил внимание к Эйле? – подумал Джондалар. – Ранек прав, она действительно очень красива, и такое отношение вполне естественно. К тому же Эйла имеет право выбрать мужчину по собственному желанию...» Воз-

можно, ее привязанность к нему объяснялась только тем, что он был первым нормальным мужчиной, которого она встретила, и это еще не значит, что она будет любить его вечно. Эйла видела, как Джондалар улыбнулся Ранеку, но, судя по напряженной спине, его раздражение не ослабло.

– Ранек всегда легкомысленно отзывается о своем мастерстве, хотя у него нет привычки приуменьшать другие свои достоинства, – сказал Талут, направляясь вместе с гостями к странной земляной пещере, возвышавшейся на речном берегу. – В этом смысле он и Уимез – одного поля ягоды, хотя среди мастеров такое встречается сплошь и рядом. Уимез принимает учеников в свою мастерскую так же неохотно, как Ранек, сын его очага, говорит о его таланте. А на самом деле Ранек – лучший резчик по кости среди всех мамутои.

– Значит, у вас есть искусный мастер по кремню? – с надеждой спросил Джондалар, тут же забыв о вспышке ревности и уже предвкушая встречу с опытным мастером, владеющим его ремеслом.

– Да, и он тоже лучший среди лучших. Львиная стоянка славится своими дарованиями. У нас лучший резчик по кости, лучший мастер по кремню и мудрейший и старейший Мамут, – гордо заявил вождь.

– И, кроме того, вождь столь внушительных размеров, что люди предпочитают не спорить с ним, вне зависимости от того, согласны они с его мнением или нет, – добавил Ранек с кривой усмешкой.

Талут молча ответил ему тем же, зная, что колкости Ранека обычно направлены на то, чтобы занижить оценку своего собственного таланта. Однако они не удерживали Талута от хвастовства. Он гордился своей стоянкой и с готовностью сообщал об этом всем и каждому.

Эйла внимательно следила за тонкостями словесной перепалки двух мужчин: старший – настоящий гигант с огненными волосами и светло-синими глазами, младший – темнокожий и узкокостный, – и поняла, что их объединяет глубокая привязанность и преданность, хотя трудно было представить себе двух более не похожих друг на друга людей. Оба они были охотниками на мамонтов, оба принадлежали к племени мамутои и преданно любили свою Львиную стоянку.

Талут вел их прямо к сводчатому проходу, который Эйла разглядела раньше. Похоже, это был вход в своеобразный холм или, возможно, гряду холмов, почти незаметных на склоне, спускавшемся к широкому речному руслу. Эйла видела, как люди входят и выходят оттуда. Понятно, что там было нечто вроде пещеры или жилого помещения, выкопанного в плотно утрамбованной земле. Нижнюю часть этой холмистой гряды окружал травяной пояс, а к вершине поднимались лишь отдельные островки растительности. Это земляное жилище так хорошо сочеталось с окружающей природой, что его можно было вообще не заметить – его выдавало только сводчатое входное отверстие.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что на округлой вершине этого холма хранится множество любопытных приспособлений и различных предметов. И вдруг Эйла увидела нечто такое, отчего у нее перехватило дыхание.

Прямо над входом был укреплен череп пещерного льва!

Глава 2

Спрятавшись в крошечной узкой расщелине почти отвесного скалистого склона, маленькая Эйла с ужасом следила за огромным пещерным львом, просунувшим внутрь свою лапу. Она закричала от боли и страха, когда эта когтистая лапища наконец коснулась ее голого бедра и оставила на нем четыре глубокие параллельные царапины. «Сам дух Великого Пещерного Льва избрал тебя и, оставив на твоём теле свои отметины, показал, что стал твоим тотемом», – объяснял когда-то Креб, удивляясь, что Эйла прошла это тяжелейшее испытание, которое даже мужчине трудно выдержать, а ведь она была всего лишь пятилетней девочкой. А потом началось землетрясение – ощущение содрогавшейся и уходящей из-под ног земли вызвало приступ тошнотворного страха...

Она тряхнула головой, пытаясь отогнать ожившие воспоминания.

– Что случилось, Эйла? – спросил Джондалар, заметив, как помрачнело ее лицо.

– Я увидела львиный череп, – ответила она, указывая на украшение, закрепленное над дверным проемом, – и вспомнила те времена, когда Пещерный Лев избрал меня и стал моим тотемом!

– Мы – члены Львиной стоянки, – с гордостью провозгласил Талут, хотя уже не раз упоминал об этом.

Он не понимал, о чем гости разговаривали на языке зеландонии, но видел, какой интерес они проявили к львиному талисману.

– Пещерный Лев имеет большое значение для Эйлы, – пояснил Джондалар. – Она говорит, что дух этой огромной кошки ведет и защищает ее.

– Тогда ты будешь чувствовать себя у нас как дома, – с довольным видом сказал Талут, широко улыбаясь Эйле.

Она заметила, что Неззи ведет Ридага, и вновь подумала о своем сыне.

– Наверное, так и будет, – сказала она.

Молодая женщина задержалась перед входом, чтобы выяснить, как он сделан, и улыбнулась, рассмотрев, из чего именно был сформирован такой ровный и симметричный свод. Все оказалось очень просто, хотя она не могла понять, как можно сделать нечто подобное. Два огромных бивня, мамонта или другого животного таких же размеров, были вкопаны в плотно утрамбованную землю, а их верхние острые концы соединились вместе, причем вершина свода закреплялась с помощью полой трубки, вероятно отколотой от кости ноги мамонта.

Тяжелая мамонтовая шкура плотно закрывала вход, такой высокий, что даже Талут, откинув занавес, мог пройти внутрь, не нагнув головы. В этом просторном помещении находился еще один завешенный шкурой дверной проем, расположенный прямо напротив первого. Эйла и Джондалар спустились в эту круглую прихожую, чьи толстые стены наклонно поднимались вверх, сливаясь с куполообразным потолком.

Медленно продвигаясь ко второму входу, Эйла рассматривала стены, представлявшие своеобразную мозаику из костей мамонта; на стенных крючках была развешана верхняя одежда обитателей стоянки, здесь же находились ряды полок с запасами топлива, разнообразной утвари и кремневых орудий. Подняв край занавеса, Талут шагнул в следующее помещение и отступил в сторону, пропуская гостей.

Миновав внутренний дверной проем, Эйла спустилась в помещение первого очага, кухни, и замерла в изумлении при виде огромного количества удивительных предметов, поражающих не только своими формами, но и яркостью расцветок. Назначение множества вещей было совершенно непостижимо, и она остановила взгляд на тех немногих, которым могла дать мало-мальски вразумительное объяснение.

В центральной части этого помещения горел большой костер, над которым, шипя и потрескивая, жарился здоровенный окорок, насаженный на вертел. По краям этого очага были вкопаны в землю две вертикально стоявшие бедренные кости мамонта, завершавшиеся коленными чашечками, на которых и покоились концы вертела. Вилка, сделанная из большого разветвленного оленьего рога, служила в качестве ручки: с ее помощью мальчик поворачивал тяжелый вертел. Узнав одного из детей, что недавно толпились на улице, разглядывая Уинни, Эйла улыбнулась ему. И мальчик тоже робко улыбнулся ей в ответ.

«Удивительно, насколько просторно это земляное жилище, – подумала Эйла, когда ее глаза попривыкли к тусклому внутреннему свету, – оно выглядит таким опрятным и уютным». Кухонный очаг был всего лишь первым в череде очагов, протянувшихся по средней линии этого большого дома. В общей сложности длина жилища составляла более восьмидесяти футов, а ширина – около двадцати футов.

«Семь костров», – медленно сосчитала Эйла про себя, незаметно прижимая пальцы к бедру и припоминая счетные слова, которым ее научил Джондалар.

Эйла отметила, что в доме довольно тепло. Очаги прогревали полуподземное жилище лучше, чем пещеры, которые стали привычным местом ее обитания. На самом деле здесь было даже жарко, решила она, заметив, что люди, суетившиеся у дальних очагов, очень легко одеты.

Весь дом освещался ровным, но неярким, тускловатым светом. Своды поднимались примерно на одну высоту – футов двенадцать или около того, – и над каждым очагом в потолке было оставлено отверстие для выхода дыма, через которое проникали лучи дневного света. На наклонных стенах, сооруженных из костей мамонта, были развешаны запасы трав и зерна, одежда и домашняя утварь, но центральная часть потолка была сделана из перекрещивающихся рогов северного оленя.

Вдруг Эйла почувствовала вкусный знакомый запах, от которого у нее едва не потекли слюнки. «Должно быть, готовят мясо мамонта!» – подумала она. Ей не доводилось пробовать жирного и нежного мамонтового мяса с тех пор, как она покинула пещеру клана. Помимо этого в воздухе витали и другие восхитительные ароматы, как знакомые, так и совершенно неизвестные, но в целом этот чудесный букет запахов напомнил ей, что она проголодалась.

Талут вел гостей по центральному, хорошо утоптанному проходу, тянувшемуся через все жилище; они миновали несколько очагов, и Эйла заметила, что вдоль стен располагаются широкие лежанки, укрытые меховыми шкурами. Сидевшие на них люди переговаривались друг с другом или просто отдыхали. Эйла медленно шла мимо них, чувствуя, что все провожают ее взглядами. В стенах виднелось еще несколько сводчатых дверных проемов, подпертых мамонтовыми бивнями. Эйла с интересом поглядывала на них, но не решалась спросить, что скрывается за тяжелыми занавесами.

«Это жилище напоминает пещеру, – думала она, – большую уютную пещеру. Однако все эти сводчатые входы и мощные длинные кости мамонтов, используемые в качестве стоек и опор для стен, очевидно, говорят о том, что это не просто природная пещера, случайно обнаруженная в речном берегу. Удивительно, неужели мамутой сами выстроили такую махину!»

Первое кухонное помещение, в котором жарилось мясо, было больше остальных, за исключением четвертого очага, куда Талут и привел гостей. Вдоль стен располагались лежанки, очевидно никем не занятые, – на них не было меховых покрывал, что позволяло рассмотреть их конструкцию.

Углубив центральную часть, мамутой специально оставили по бокам широкие платформы земли, укреплявшие костяные стены. Кроме того, поверхность этих земляных платформ была выложена костями мамонтов, образовалось что-то вроде жесткой сетки, отверстия которой были заполнены травой; на этот каркас можно было спокойно класть объемистые кожаные тюфяки, набитые шерстью мамонта. Покрытая меховыми шкурами, платформа превращалась в теплую и удобную лежанку или кушетку.

«Странно, – подумал Джондалар, – неужели у этого очага никто не живет?» Обстановка помещения, в которое их привели, казалась достаточно скудной, но, несмотря на это, оно имело вполне жилой вид. В выложенном камнями очаге пылали угли, на некоторых лежанках были сложены меха и шкуры, а на крючках висели пучки высушенных лекарственных трав.

– Наши гости обычно живут здесь, у очага Мамонта, – объяснил Талут, – если Мамут не возражает. Я должен спросить его.

– Конечно, Талут, они могут располагаться здесь.

Голос донесся откуда-то сзади, где находилась одна из свободных скамей. Джондалар обернулся и, приглядевшись, заметил, что одна из меховых шкур зашевелилась. Затем обозначилось лицо с двумя горящими глазами – на верхнюю часть правой щеки была нанесена зигзагообразная татуировка, которая, словно дорожка, бегущая через овраги, спускалась вниз по глубоким морщинам, оставленным невероятно долгой жизнью. То, что Джондалар принял за зимний мех какого-то животного, оказалось большой белой бородой. Старец, сидевший на кушетке, скрестив ноги, изменил позу, и две его тощие и длинные нижние конечности опустились на земляной пол.

– Что так поразило тебя, мужчина из зеландонии? Ты не заметил меня? А твоя подруга знала, что я здесь, – сказал старец громким выразительным голосом, который не слишком вязался с его почтенным возрастом.

– Ты правда знала, Эйла? – спросил Джондалар, но женщина, похоже, не слышала его.

Эйла и старец неотрывно смотрели в глаза друг другу; казалось, между ними возникла незримая связь, позволявшая проникнуть сквозь телесную оболочку и познать самую суть человеческой души. Затем молодая женщина опустилась на землю перед старым Мамутом. Не поднимая головы, она сидела перед ним, скрестив ноги.

Джондалар был явно смущен и озадачен. Она воспользовалась языком жестов, на котором – судя по ее рассказам – общались между собой люди клана. Женщине клана надлежало принять именно такую позу, выражавшую уважение и почтение, если она хотела получить разрешение для продолжения молчаливого разговора. Джондалар помнил тот единственный раз, когда она села в такую позу перед ним. Тогда ей хотелось сказать ему нечто важное, нечто такое, что она еще не могла выразить по-другому; в то время Эйла выучила слишком мало слов и не могла рассказать ему о своих чувствах. Ему было непонятно, каким образом язык, состоящий из поз, жестов и отдельных звуков, может быть более выразительным, чем язык слов, но самым невероятным казалось то, что эти люди вообще были способны общаться друг с другом.

Ему не понравилось, что она ведет себя здесь подобным образом. Джондалар даже покраснел, увидев, что она, никого не стесняясь, решила воспользоваться языком плоскоголовых, ему захотелось броситься к ней и поднять с земли, пока никто не понял ее действий. Эта поза вызывала у него чувство неловкости и тревоги; в его представлении такое почтительное благоговение можно было выражать лишь Дони, Великой Земной Матери. И, кроме того, он считал, что ее жизнь в клане должна остаться их тайной, в которую не стоило посвящать никого из племени мамутои. Конечно, наедине с ним Эйла могла вести себя свободно, но ведь эти люди пока ни о чем не догадываются, а ему хотелось, чтобы она произвела на них хорошее впечатление, чтобы они полюбили ее. И поэтому им вовсе не стоило рассказывать о ее прошлом.

Мамут стрельнул в него пронизательным взглядом и вновь внимательно и задумчиво посмотрел на Эйлу, затем он наклонился вперед и положил руку ей на плечо.

Эйла подняла голову и увидела перед собой добрые мудрые глаза и лицо, изборожденное множеством мягких складочек и морщинок. Татуировка под его правым глазом вдруг напомнила ей о темной пустой глазнице, и она с бьющимся сердцем подумала, что перед ней стоит сам Креб. Но этого не могло быть, тот старый Мог-ур, который воспитывал ее вместе с Изой, был уже мертв, так же как и Иза. Кто же тогда этот странный человек, вызвавший у нее такую

бурю чувств? Почему она вдруг вспомнила язык клана и села перед ним в эту почтительную позу? И откуда он узнал, что именно такого жеста она ждала в ответ?

– Поднимайся, дитя. Мы поговорим с тобой позже, – сказал Мамут. – Тебе надо отдохнуть и подкрепиться. Вот лежанки, на которых вы будете спать, – добавил он, показывая на пристенные скамьи, словно знал, что ей крайне важно получить подобное словесное разрешение. – У нас много свободных меховых шкур и тюфяков.

Эйла с благодарностью взглянула на него и встала на ноги. Ловкость ее движений свидетельствовала о многолетней привычке, что позволило наблюдательному старику еще немного продвинуться в постижении этой загадочной женщины. За время короткого разговора он успел узнать об Эйле и Джондаларе гораздо больше, чем любой другой человек на стоянке. И, кроме того, у него было еще одно преимущество. Лишь ему одному из всех мамутой удалось приоткрыть покров тайны, прятанной прошлую жизнь Эйлы.

* * *

Мамонтовое жаркое, обрамленное гарниром из корнеплодов, овощей и фруктов, было уложено на большое блюдо, сделанное из тазовой кости какого-то гигантского животного, после чего эту гору мяса вынесли на поляну, чтобы насладиться трапезой на свежем воздухе, пронизанном лучами позднего послеполуденного солнца. Мясо мамонта на вид было таким же сочным и нежным, как и то, что когда-то ела Эйла, однако она с легкой тревогой подумала о том, удастся ли ей попробовать его. Кто знает, какие правила этикета существуют в этом племени. В определенных, главным образом торжественных, случаях женщины клана питались отдельно от мужчин. Хотя обычно они рассаживались семейными группами, но даже тогда мужчины приступали к еде первыми.

Эйла, естественно, не знала, что мамутой оказывают почтение гостям, предоставляя им право первыми выбрать лучшие куски мяса, и не знала также, что трапезу традиционно открывала именно женщина – в знак преклонения перед Великой Матерью. Поэтому, когда еду вынесли на поляну, Эйла робко отступила назад и, спрятавшись за спиной Джондалара, незаметно наблюдала за действиями окружающих. На лицах людей отразилось беспокойство, и все они почтительно расступились, ожидая, когда она начнет трапезу. Однако Эйла упорно пятилась назад, пытаясь скрыться в последних рядах.

Некоторые обитатели стоянки заметили ее упорное отступление и, обмениваясь улыбками, начали отпускать шуточки по этому поводу. Но Эйле было совсем не до смеха. Она поняла, что делает что-то не так, и вопросительно взглянула на Джондалара, надеясь на подсказку. А он просто отошел в сторону, пропуская ее вперед. Наконец Мамут пришел ей на помощь. Он взял ее за руку и подвел к костяному блюду с внушительными, аппетитными кусками мамонтового жаркого.

– Эйла, мы надеемся, что ты возьмешь первый кусок, – сказал он.

– Но ведь я – женщина! – запротестовала она.

– Именно тебе и полагается открывать трапезу. Мы должны воздать честь Великой Матери, и, согласно нашим обычаям, женщина должна выбрать первый и самый лучший кусок, не ради собственной выгоды, а как дань уважения к Мут, – объяснил старец.

Недоумение постепенно исчезло из глаз Эйлы, и она с благодарностью посмотрела на Мамута. Взяв слегка изогнутую тарелку из куска отполированного бивня, она с величайшей серьезностью и тщательностью выбрала лучший кусок жаркого. Джондалар улыбнулся ей, одобрительно кивнув. Теперь все остальные могли подойти к блюду и взять себе кусок по душе. Покончив с едой, мамутой сложили свои тарелки в кучу, Эйла решила последовать их примеру.

– Я уже было подумал, что ты показывала нам новый танец, – произнес веселый голос за ее спиной.

Обернувшись, Эйла встретила взглядом с черноглазым темнокожим мужчиной. Ей было неизвестно значение слова «танец», но, увидев широкую дружелюбную улыбку Ранека, она тоже заулыбалась в ответ.

– Говорил ли тебе кто-нибудь, как ты красива, когда улыбаешься? – спросил он.

– Красива? Я?.. – Она рассмеялась и недоверчиво встряхнула головой.

Джондалар как-то говорил ей почти то же самое, но Эйла вовсе не считала себя красавицей. Среди членов клана, вырастившего ее, не было таких высоких и худосочных людей, как она; Эйла переросла их всех задолго до зрелости. И лицом она тоже явно не вышла: ни у кого не было такого выпуклого лба и нелепой выступающей кости, которую Джондалар называл подбородком. Поэтому Эйла привыкла себя считать слишком большой и уродливой.

Ранек с интересом наблюдал за ней. Она рассмеялась с такой детской непосредственностью, как будто искренне думала, что он сказал что-то очень смешное. А он ожидал совсем другой реакции. Быть может, застенчивой усмешки или завлекательной, многообещающей улыбки, но серо-голубые глаза Эйлы казались совершенно бесхитростными, и в том, как она вскинула голову, отбросив непослушную прядь волос, не было даже намека на самоуверенность или застенчивость.

Более того, она двигалась с естественной грацией молодого животного – возможно, львицы или лошади. И от нее исходил ток удивительного обаяния, природу которого Ранек не мог до конца определить, но в него явно входили искренность, и чистосердечие, и еще нечто таинственное, нечто присущее только ей одной. Она выглядела совсем невинной, как дитя, радостно открывающее мир, и в то же время она была женщиной до мозга костей – высокой и, бесспорно, потрясающе красивой женщиной.

Он разглядывал ее с удвоенным любопытством. Ее густые, от природы волнистые волосы золотились под солнцем, как поля зрелых колосьев, по которым гнал волну свежий ветер; большие, широко расставленные глаза обрамляли длинные ресницы, более темного оттенка, чем волосы. Как талантливый ваятель, Ранек со знанием дела изучал изящные черты ее лица, исполненную силы грацию тела, и когда его глаза скользнули по ее налитой груди и соблазнительным бедрам, то в них появилось выражение, смутившее молодую женщину.

Она вспыхнула и отвела взгляд. Конечно, Джондалар говорил ей, что у людей принято открыто смотреть друг на друга, однако она не была уверена, что ей нравится излишне пристальное разглядывание. Под таким взглядом она чувствовала себя беззащитной и уязвимой. Обернувшись в сторону Джондалара, она увидела, что он стоит к ней спиной, но его напряженная поза сказала ей больше, чем слова. Он был сердит. Почему он опять рассердился? Неужели она чем-то вызвала его гнев?

– Талут! Ранек! Барзек! Смотрите-ка, кто идет! – призывно крикнул чей-то голос.

Все заинтересованно оглянулись. На вершине холма появились несколько человек, они уже двигались вниз по склону. Неззи и Талут пошли вверх по тропе, молодой парень стремительно побежал к ним навстречу. Они встретились где-то на середине пути и обменялись сердечными объятиями. Ранек тоже поспешил к вновь прибывшим и обнял пожилого мужчину, его приветствие было более сдержанным, но все же радушным и теплым.

Эйла почувствовала странную опустошенность, видя, как обитатели стоянки покидают своих гостей, желая приветствовать друзей и родственников; они все вместе весело смеялись и шутили, спеша обменяться приветствиями и новостями. А она, Эйла, принадлежит к Неведомому племени. Ей некуда пойти, у нее нет дома, в который можно вернуться, нет семьи, где ее ждут с объятиями и поцелуями. Иза и Креб любили ее, но они умерли, а сама она была мертва для тех, кого любила. Уба, дочь Изы, любила ее, как родная сестра; они не были кровными родственниками, но их породнила любовь. И все-таки Уба уже не откроет для нее свое сердце и душу, если увидит Эйлу вновь; откажется верить собственным глазам; просто не увидит ее. Ведь Бруд проклял Эйлу, обрек ее на смерть. Теперь она мертва для клана.

И может быть, даже Дарк уже не вспоминает о ней? Эйле пришлось оставить его в семье Брана. Даже если бы ей удалось выкрасть сына, то все равно их было бы только двое. А если бы с ней вдруг что-то случилось, то он остался бы один. Лучше всего было оставить его в семье. Уба любит мальчика и позаботится о нем. Все любили его – кроме Бруда. Но Бран не даст его в обиду и научит охотиться. Да, ее сын вырастет сильным и смелым и будет метать камни из пращи так же метко, как она; будет быстро бегать и...

Внезапно Эйла обратила внимание, что один из обитателей стоянки все же остался внизу. Ридаг стоял у входа в земляной дом, опираясь на костяную раму свода, и во все глаза следил за толпой счастливых и смеющихся людей, медленно спускавшихся с холма. Тогда Эйла попыталась взглянуть на происходящее его глазами: все шли обнявшись, кто-то нес малышом на плечах, а остальные дети прыгали и скакали вокруг, напрашиваясь на такую же верховую прогулку. «Как он тяжело дышит, – подумала Эйла, – видимо, очень сильно взволнован».

Направляясь к мальчику, Эйла заметила, что Джондалар идет туда же.

– Я хочу отнести к ним Ридага, пусть покатается на моей спине, – сказал он. От его глаз тоже не укрылась печаль ребенка, и они оба подумали об одном и том же.

– Да, доставь ему эту маленькую радость, – сказала Эйла. – Уинни и Удалец могут снова забеспокоиться, увидев новых людей. Лучше мне остаться с ними.

Она смотрела, как Джондалар поднял темноволосого малыша и, посадив его к себе на плечи, начал подниматься по тропе навстречу жителям Львиной стоянки. Высокий, почти под стать Джондалару, подросток, которого так сердечно приветствовали Талут и Неззи, протянул руки к мальчику, с искренней радостью приветствуя его, потом он поднял Ридага и пересадил к себе на плечи, так что обратно к дому малыш поехал уже на другой лошадке. «Его любят здесь», – порадовалась Эйла и вспомнила, что в клане ее тоже любили, несмотря на странную внешность.

Поймав взгляд Эйлы, Джондалар улыбнулся ей. От его внимания и чуткости на душе у Эйлы вдруг стало необыкновенно легко и радостно; она смущенно подумала о том, что всего несколько минут назад чувствовала себя ужасно несчастной. Нет, теперь она уже не одинока. У нее есть Джондалар. Ей нравилось, как звучит его имя... Она полностью погрузилась в воспоминания, все ее мысли и чувства занимал сейчас этот высокий молодой мужчина.

Джондалар... Можно сказать, что он был первым человеком из племени Других, которого она встретила, поскольку детские годы стерлись из ее памяти; первый человек, похожий на нее, с такими же голубыми глазами, только более темного оттенка; его глаза были невероятно синими, и с трудом верилось, что такие вообще бывают.

Джондалар... Первый человек, оказавшийся выше ее ростом; первый человек, с которым она могла открыто смеяться, и первый, который плакал от горя, узнав о гибели брата.

Джондалар... Она не сомневалась, что он был послан ей в дар. Именно благодаря ее тотему, Пещерному Льву, нашла она этого мужчину в своей долине, когда уже потеряла надежду найти Других, найти людей, похожих на нее.

Джондалар... Человек, вновь научивший ее говорить, выражать мысли словами, и этот новый язык понравился ей куда больше, чем язык жестов, принятый в клане. Джондалар, чьи ловкие и чуткие руки могли делать красивые орудия, расчесывать жеребенка или посадить малыша к себе на плечи. Джондалар, открывший ей тайны ее собственного тела, только с ним она познала наслаждение, которое могут подарить друг другу мужчина и женщина. Он полюбил ее, и она всем сердцем полюбила его, совершенно потрясенная силой этого всеобъемлющего чувства.

Эйла шла по берегу к излучине реки, там она оставила Удальца, привязав его длинной веревкой к низкорослому деревцу. Тыльной стороной ладони она вытерла мокрые от слез глаза – переполнявшие ее чувства были столь непривычны и новы для нее. Она коснулась амулета –

этот кожаный мешочек всегда был с ней; когда-то она привязала к нему тонкий ремешок и с тех пор постоянно носила на шее. Ощупав содержимое мешочка, она задумалась о своем тотеме.

«Дух Великого Пещерного Льва... Креб множество раз говорил, что с таким могущественным тотемом будет очень трудно жить. И он был прав. Испытания оказались действительно трудными, однако всегда очень ценными и важными для дальнейшей жизни. Избранная тобой женщина благодарит свой тотем за помощь и защиту, за все ниспосланные дары. Духовные дары, открывшие тайные знания, и живые дары, позволившие познать радость общения с Уинни, Удальцом и Вэбхья, а самое главное, с Джондаларом».

Когда Эйла подошла к жеребенку, Уинни тут же присоединилась к ним, приветствуя свою хозяйку радостным ржанием. Молодая женщина прильнула к шее кобылы, чувствуя себя усталой и опустошенной. Слишком много новых людей; она не привыкла к такому долгому общению, и, кроме того, эти люди, говорившие на малопонятном языке, были слишком шумными. От головной боли у нее стучало в висках, ломило даже спину и шею. Уинни топталась, переминаясь с ноги на ногу и пододвигая Эйлу все ближе к Удальцу, пока она не почувствовала, что плотно зажата между их теплыми телами; морда лошади тяжело давила на ее плечо, усугубляя боль, но Эйла терпеливо сносила лошадиные ласки.

– Ну, довольно! – сказала она наконец, похлопав жеребенка по боку. – Ты, Удалец, уже слишком большой. Нечего так давить на меня. Посмотри-ка на себя! Видишь, как ты вырос. Ты уже почти догнал свою мать! – Эйла приласкала его, потом погладила Уинни и слегка обтерла ее, заметив, как потускнела от высохшего пота ее шкура. – Тебе тоже досталось, правда? Ничего, позже я хорошенько вычищу и расчешу тебя ворсянкой. Но сейчас на стоянку пришли новые люди, и, вероятно, они не обойдут тебя своим вниманием. Придется потерпеть. Они не будут такими навязчивыми, когда привыкнут к тебе.

Как-то незаметно для себя Эйла перешла на более близкий ей язык, сформировавшийся за годы уединенной жизни, когда она общалась только с животными. Он состоял частично из жестов и тех немногочисленных слов, которые могут произносить люди клана, но к ним добавились звукоподражание голосам животных и какие-то ласковые словечки, придуманные для разговоров с сыном. Несведущий человек, скорее всего, даже не придал бы значения движению ее рук и счел бы ее бормотание чудным набором звуков и без конца повторяющихся слов, похожих на похрюкивание или ворчание. Никому бы даже в голову не пришло назвать это языком.

– А Джондалар, может быть, расчешет Удальца! – повернувшись к жеребенку, добавила Эйла и вдруг замерла, с безотчетной тревогой подумав о своем возлюбленном. Вновь коснувшись амулета, она пыталась понять, что именно так тревожит ее. – О Великий Пещерный Лев, Джондалар теперь тоже находится под твоим покровительством, ты избрал и отметил его. На его бедре остались следы твоих лап, так же как и на моем. – Она излагала свои мысли на древнем безмолвном языке, выражая их жестами; только на таком языке надлежало общаться с миром духов. – Дух Великого Пещерного Льва, избранный тобой мужчина ничего не знает о тотемах. Этот мужчина не ведает о предстоящих ему проверках, не ведает о тяжелых испытаниях, о дарах и тайных знаниях, посылаемых могущественным тотемом. Взывающая к тебе женщина знает о своей избранности и уже поняла, насколько трудна ее судьба. Эта женщина обращается к духу Пещерного Льва... и просит защитить того мужчину... просит...

Эйла замерла, не вполне понимая, о чем хочет просить. Ей не хотелось просить покровителя о том, чтобы он уберег Джондалара от испытаний, не хотелось лишать его тех благ и преимуществ, которые обязательно получает человек, преодолевший трудности, не хотелось даже, чтобы дух облегчил его судьбу. Она пережила много тяжелых невзгод, благодаря которым приобрела удивительные знания, опыт и способность проникновения в сущность вещей, поэтому ей стало ясно: чем серьезнее испытание, тем значительнее получаемые преимущества. Собравшись с мыслями, Эйла продолжила общение со своим тотемом.

– О дух Великого Пещерного Льва, избранная тобой женщина просит тебя помочь избранному тобой мужчине познать ценность его могущественного тотема, понять необходимость и сокровенную суть испытаний, какими бы трудными они ни были... – закончила она и облегченно опустила руки.

– Эйла?

Обернувшись на зов, она увидела Лэти.

– Да?..

– Ты, кажется... занята... Я не хотела мешать тебе.

– Нет, я все закончила.

– Талут просит тебя прийти и привести лошадей. Он уже сказал всем, чтобы не подходили слишком близко, пока ты не разрешишь. Они не будут заставлять их нервничать. Мне кажется, что его внушения перепугали кое-кого из наших людей. Ты пойдешь?

– Я пойдешь, – сказала Эйла и, улыбнувшись, добавила: – Ты, наверное, хочешь прокатиться на спине лошади?

Лицо девочки осветилось радостной, широкой улыбкой.

– Можно? Правда?!

«Когда она вот так улыбается, то становится похожей на Талута», – подумала Эйла и, медленно вспоминая слова, сказала:

– Может быть, ваши гости не тревожиться, когда видеть тебя на... тебя на спине Уинни. Смотри, вот большой камень... помогать тебе забраться.

Девочка ехала верхом на лошади, рядом бежал резвый жеребенок, а впереди шла Эйла. Когда вся компания, обогнув излучину, оказалась в поле зрения мамутой, все разговоры мигом прекратились. Люди, уже видевшие такое зрелище, несмотря на то что сами еще испытывали трепетное волнение, с наслаждением наблюдали за выражением испуганного изумления, отразившегося на лицах вновь прибывших.

– Смотри, смотри, Тули, я же говорил тебе! – сказал Талут, обращаясь к темноволосой женщине, которая хотя и не обладала такой огненной шевелюрой, но своими внушительными размерами была под стать вождю. Она возвышалась над Барзеком, мужчиной из последнего очага, – тот стоял рядом с ней, обнимая ее за талию. Возле них топтались два мальчика – тринадцати и восьми лет, – тоже принадлежавшие к этому очагу, и их шестилетняя сестра, с которой Эйла успела познакомиться.

Подойдя к земляному дому, Эйла помогла Лэти сойти на землю, затем успокаивающе погладила Уинни, которая уже нервно расширяла ноздри, принюхиваясь к запахам незнакомых людей. Девочка подбежала к нескладному рыжеволосому парню, лет эдак четырнадцати, почти такому же высокому, как Талут, и если сбросить со счетов то, что подросток еще не достиг полного физического расцвета, то эти двое были похожи как две капли воды.

– Пойдем, познакомись с Эйлой, – сказала Лэти и, взяв его за руку, потянула за собой в сторону женщины с лошадьми. Он последовал за девочкой, не оказывая видимого сопротивления. Джондалар выгуливал Удальца вдоль берега, чтобы дать тому немного успокоиться. – Это мой брат Дануг, – сообщила Лэти. – Он давно не был дома, но будет опять жить с нами. Теперь он знает все на свете об обработке кремня. Правда, Дануг?

– Я знаю далеко не все, Лэти, – немного смущенно ответил он.

Эйла улыбнулась.

– Я приветствую тебя, – сказала она, протягивая к нему руки.

Юноша смутился еще больше. Ведь он был сыном Львиного очага, и ему первому надлежало приветствовать гостя. Однако он был так потрясен видом красивой незнакомки и ее властью над животными, что ответил ей неловким рукопожатием и пробормотал слова приветствия. В этот самый момент, не раньше и не позже, Уинни возмущенно фыркнула и взвилась

на дыбы, и он быстро отдернул руку, чувствуя, что по каким-то причинам лошадь не одобряет его поведения.

– Уинни скорее привыкнет к тебе, если ты погладишь ее и позволишь ей обнюхать тебя, – сказал Джондалар, понимая замешательство подростка. У него сейчас трудный период – он вышел из детского возраста, но еще не стал мужчиной. Поэтому Джондалар, показывая, как лучше обращаться с лошадью, постарался вовлечь Дануга в разговор, чтобы уменьшить его замешательство. – Значит, ты учился искусству обработки кремня? – спросил он.

– Да, я давно работаю с кремнем. Уимез начал заниматься со мной с раннего детства, – с гордостью сказал парень. – Конечно, он и сам – искусный мастер, но ему хотелось, чтобы я познакомился с другими методами обработки и научился оценивать качество самого кремня. – С удовольствием поддержав разговор на излюбленную тему, Дануг почувствовал себя гораздо увереннее, и к нему вернулись и природная живость, и общительность.

В глазах Джондалара загорелся огонек заинтересованности.

– Я тоже учился обработке кремня у лучшего мастера нашего племени. Он отыскал богатое кремневое месторождение, мы прожили с ним там довольно долго, отбирая лучшие желваки. Я был тогда примерно в твоём возрасте. Знаешь, мне бы хотелось познакомиться с твоим учителем.

– Чего проще, давай я познакомлю тебя с ним, ведь я – сын его очага и главный, хотя и не единственный потребитель его орудий, – произнес кто-то за спиной Джондалара.

Обернувшись на голос Ранека, Джондалар увидел, что все обитатели стоянки столпились вокруг них. Рядом с темнокожим мужчиной стоял незнакомец, которого тот недавно так тепло приветствовал. Они были примерно одного роста, но, кроме этого, Джондалар не смог найти в их внешности ничего общего. У пожилого мужчины были обычные голубые глаза, прямые темно-русые волосы, в которых уже серебрилась седина, и черты лица не имели ни малейшего сходства с экзотическими чертами Ранека. «Должно быть, Великая Мать выбрала дух другого мужчины для этого ребенка его очага, – подумал Джондалар. – Но почему Она одарила его таким странным цветом кожи?»

– Уимез из очага Лисицы Львиной стоянки, лучший кремневый мастер племени мамутой, – произнес Ранек с подчеркнутой официальностью, – позволь познакомить тебя с нашими гостями: Джондаларом из зеландонии, который, по-видимому, тоже приобщен к твоему искусству... – (Джондалару послышалась какая-то скрытая насмешка или ирония в его словах, хотя он не мог понять, отчего у него возникло такое ощущение), – и его прекрасной спутницей, Эйлой, женщиной из Неведомого племени, на редкость обаятельной и... загадочной. – Широко ухмыльнувшись, Ранек бросил на Эйлу многозначительный взгляд, и она вновь поразила агатовому блеску его черных глаз и белизне зубов, которая подчеркивалась темным цветом кожи.

– Приветствую вас, – просто сказал Уимез, его лаконичность была прямо противоположна красноречию Ранека. – Вы работаете с камнем?

– Да, обработка кремня стала моим ремеслом, – ответил Джондалар.

– Я принес с собой несколько прекрасных образцов. Недавно мы нашли новые выходы кремня и откололи несколько свежих желваков прямо из меловых отложений.

– А у меня в запасе есть отбойник и хорошая проколка, – сразу заинтересовавшись, сказал Джондалар. – А вы пользуетесь проколками?

Осознав, что разговор принял чисто профессиональное направление, Ранек со страдальческим видом взглянул на Эйлу.

– Я мог бы предугадать, что это случится, – заявил он. – Знаешь, какое ужасное бытие уготовано человеку, если он принадлежит к очагу гениального мастера по обработке кремня? И хуже всего не то, что тебе постоянно приходится вытряхивать осколки камня из одежды или постели, а то, что тебе прожужжат все уши этими каменными разговорами. А уж с тех пор, как Дануг проявил некоторый интерес к этому ремеслу... В общем, с тех пор я слышу только одну

песню: камень, камень, камень... – Добрая усмешка Ранека противоречила его сетованиям, и, очевидно, все не раз слышали его шуточные жалобы, поскольку никто, кроме Дануга, не обратил на них никакого внимания.

– Я не знал, что это так раздражает тебя, – огорченно сказал юноша.

– Да не слушай ты его шуточки, – успокоил Уимез Дануга. – Неужели ты не видишь, что Ранек просто распушил хвост перед хорошенькой женщиной.

– Сказать по правде, Дануг, я очень благодарен тебе, – заявил Ранек, чтобы уменьшить огорчение Дануга. – Хорошо уже то, что ты пошел к нему в ученики, иначе он постоянно приставал бы ко мне, надеюсь, что я пойду по его кремневым стопам.

– Ишь чего вспомнил. Это было давно, когда мы еще только вернулись из долгих странствий. А дома я быстро понял, что ты питаешь интерес лишь к тем орудиям, которыми можно резать бивни, – заметил Уимез и, хитро улыбнувшись, добавил: – И уж если ты жалуешься, что тебе колко спать на кремневых отщепах, то лучше давай поговорим о том, сколько костяной пыли оседает на нашу еду.

Два этих совершенно непохожих человека обменялись добрыми улыбками, и Эйла с облегчением поняла, что они шутят, поддразнивая друг друга лишь на словах. Она также отметила, что, несмотря на разный цвет их кожи и экзотические черты лица Ранека, у этих мужчин – одинаковые улыбки и сходная пластика движений.

Вдруг из земляного дома донеслись громкие крики:

– Лучше уж помолчи, старуха! Это касается только меня и Фрали...

Разъяренный голос принадлежал мужчине из шестого, предпоследнего очага. Эйла вспомнила, что уже познакомилась с ним.

– Не пойму я, почему она выбрала тебя, Фребек! Моя бы воля, так никогда бы вам не бывать вместе! – визгливо кричал ему в ответ женский голос.

Вдруг тяжелый входной занавес отлетел в сторону и из дома выбежала старуха, тащившая за собой плачущую молодую женщину. Следом появились два озадаченных мальчика: один – лет семи, а второму не было и двух лет, поскольку он еще даже не носил штанов и неуверенно ковылял за братом, посасывая палец.

– В том-то и беда. Она слишком долго слушалась тебя. И почему ты вечно суешь нос не в свои дела?!

Мамутой спокойно продолжали свои разговоры, как будто ничего не случилось, – они уже давно привыкли к их ссорам. Но Эйла изумленно взидала на Крози. Ни одна женщина клана не могла позволить себе вот так спорить с мужчиной.

– Фребек и Крози опять что-то не поделили, не обращай внимания, – сказала Трони.

Эйла вспомнила, что видела эту женщину, кормившую грудью ребенка, в пятом очаге. Этот Олений очаг располагался сразу за очагом Мамонта, где поселили их с Джондаларом.

Когда им показывали жилище, Эйла успела немного поговорить с этой симпатичной молодой женщиной, и ей захотелось познакомиться с ней поближе. Торнек, муж Трони, поднял трехлетнего малыша, прижимавшегося к матери; отец пока не испытывал особой любви к своему маленькому сыну, захватившему все права на материнскую грудь. Они были дружной и любящей молодой парой, и Эйла порадовалась, что именно они живут по соседству. Там же жил Манув, который завел с Эйлой разговор во время дневной трапезы и рассказал, что раньше он был хозяином пятого очага, пока Торнек еще не достиг зрелости, и что двоюродный брат Мамута был мужем его матери. Еще он порадовал ее, сказав, что проводит много времени у четвертого очага. Эйла всегда с особым трепетом относилась к пожилым людям.

Однако соседство с другой стороны – третий очаг – немного тревожило ее. Там, в Лисьем очаге, жил Ранек. Эйла не могла сказать, что он ей не понравился, но вот Джондалар относился к нему довольно странно. Правда, в этом помещении мужчин было всего двое. И поскольку они занимали мало места, то второй очаг, где жили Неззи, Талут и Ридаг, был совсем близко.

Эйле понравились и другие дети Львиного очага: Лэти и Руги – младшая дочь Неззи, почти ровесница Ридага. А только что она познакомилась с Данугом, который тоже показался ей довольно симпатичным.

Талут подошел к Эйле вместе с высокой, крупной женщиной, за которой следовали Барзек и куча ребятишек, поэтому Эйла решила, что это одна семья.

– Эйла, я хочу представить тебе мою сестру Тули из очага Зубра, она является вождем Львиной стоянки, так же как и я.

– Я рада познакомиться с тобой, – сказала женщина, протягивая руки в традиционном жесте. – Именем Великой Матери я приветствую тебя на нашей земле.

Как вожди, брат и сестра были равны по статусу, и она с большим удовольствием исполняла свои обязанности.

– Я приветствую тебя, Тули, – ответила Эйла, пытаясь приглушить изумленный блеск своих глаз.

Когда Джондалар впервые поднялся с постели после болезни, она с удивлением обнаружила, что он выше ее ростом. Но сейчас Эйла была совершенно потрясена, увидев еще более высокую женщину. Живя в клане, она привыкла считать, что людей выше ее просто не существует. Однако помимо роста Тули отличалась могучим телосложением. Пожалуй, в этом плане с ней мог соперничать только ее родной брат. Ее гордый вид и величественная осанка отлично гармонировали с физическими данными и с неоспоримым достоинством женщины, матери и главы стоянки, вполне довольной собой и своей жизнью.

Тули поразила странному акценту гостя, но сейчас ее больше волновала другая проблема, и, со свойственной ее племени прямоотой, она не замедлила сообщить об этом:

– Я не знала, что очаг Мамонта будет занят, когда пригласила Бранага погостить у нас. Будущим летом они с Диги заключат союз. А пока он может остаться у нас всего на пару дней, и я знаю, что Диги была бы рада пожить с ним, удалившись на время от своей сестры и братьев. Конечно, вы – наши гости, и она не осмелится попросить вас, но мне-то известно, как ей хочется перебраться в очаг Мамонта на эти дни, если вы не будете возражать.

– Очаг большой. Места всем хватит. Я не возражать, – сказала Эйла, чувствуя себя неловко. Зачем ее спрашивают, ведь это их дом?

Гости и хозяйка еще продолжали разговаривать, когда из земляного жилища появилась молодая женщина в сопровождении молодого мужчины. Эйла внимательно посмотрела на эту пару. На вид эта женщина была ее ровесницей, только немного шире в кости и опять-таки выше ростом! У нее были темно-русые волосы и приветливое лицо, которое многие назвали бы миловидным, а шедший рядом с ней молодой человек явно считал ее настоящей красавицей. Ее внешность не слишком поразила Эйлу, но она с восхищением разглядывала женскую одежду.

Узкие, обтягивающие ноги штаны и туника почти совпадали по цвету с ее волосами. Богато украшенная темно-оранжевая длинная туника с разрезом впереди была подпоясана ремешком, подчеркивающим стройность фигуры. Красный цвет считался в клане священным. И у Эйлы была единственная вещица красного цвета – мешочек Изы. В нем хранились корешки для изготовления особого ритуального напитка. Она по-прежнему берегла его и хранила в своей лекарственной сумке вместе с различными травами, которые использовала для приготовления чудодейственных настоев. Однако она и подумать не могла, что увидит целую тунику, покрашенную красной охрой.

– Какая красота! – устремив восхищенный взгляд на женщину, сказала Эйла, не дожидаясь, когда их представят друг другу.

– Тебе понравилось? Это облачение прислала мне в подарок мать Бранага для моего Брачного ритуала, ведь следующим летом мы с ним заключим союз. И мне так захотелось похвастаться, что я сразу же нарядилась в него.

– Я никогда не видела ничего более красивого! – сказала Эйла, широко раскрыв глаза.

Молодая женщина радостно улыбнулась.

– Тебя ведь зовут Эйла, правда? А меня зовут Диги, а его – Бранаг. Жаль только, что через несколько дней он должен отправиться домой, – сказала она с огорченным видом. – Но после будущего Летнего схода мы уже не расстанемся. Мы собираемся перебраться к моему брату Тарнегу. Пока он живет у очага своей жены, но хочет построить новое жилище и ждет меня, чтобы мы с ним на пару могли стать во главе этой новой стоянки.

Эйла, заметив, как Тули одобрительно улыбается дочери, вспомнила о ее просьбе.

– Диги, очаг Мамонта большой, много пустых лежанок. Ты и Бранаг можете жить в очаге Мамонта. Ведь он тоже гость... Если Мамут не возражать. Ты спросить Мамута.

– О, его первой женой была мать моей бабушки. Я не раз спала у его очага. Мамут ведь не будет возражать, правда? – сказала Диги, поглядывая на шамана.

– Конечно, Диги. Вы с Бранагом можете погостить у меня, – сказал старик. – Только помни, что тебе еще долго не удастся лечь спать. – (Диги улыбнулась в ожидании продолжения.) – У нас гости, Дануг вернулся после целого года странствий, прибыл твой будущий муж, и Уимез завершил удачную торговую сделку... Поэтому я полагаю, что есть прекрасный повод собраться сегодня вечером всем вместе у очага Мамонта да послушать разные истории.

Мамутой дружно заулыбались. Они ждали такого объявления, хотя оно ничуть не уменьшило их нетерпения. Каждый знал, что сбор у очага Мамонта обещает множество интересных рассказов, обсуждение новостей и, возможно, еще какие-то развлечения, и, конечно, все с радостью ожидали наступления вечера. Они с удовольствием слушали как новые рассказы о жизни других стоянок, так и старые, хорошо известные им байки. Им было интересно посмотреть, как отреагируют чужаки на события и приключения, случившиеся с обитателями их собственной стоянки, услышав истории, которыми мамутой захотят поделиться с ними.

Джондалар также понимал, что означает подобный сбор, и это тревожило его. Как много захочет рассказать им Эйла? Как воспримут ее рассказ на Львиной стоянке? Ему хотелось поговорить с ней наедине и предостеречь ее. Но, подумав, он решил, что его слова только рассердят и огорчат ее. Она во многом была похожа на мамутой – такая же прямая и честная в выражении своих чувств и мыслей. Да, в сущности, его вмешательство было бесполезно. Эйла все равно не умеет лгать. В лучшем случае она могла лишь удержаться от излишней откровенности.

Глава 3

Времени до вечера было еще много, и Эйла позаботилась об Уинни, хорошенько вычистив ее шкуру сначала куском мягкой кожи, а потом сухой ворсистой шишкой. Это привычное занятие подействовало успокаивающе не только на лошадь, но и на саму Эйлу.

Джондалар составил ей компанию, он прошелся ворсянкой по любимым местам Удальца, чтобы этот непоседа хоть немного постоял спокойно и позволил расчесать его лохматую зимнюю шкуру. Теплый и мягкий подшерсток жеребенка стал гораздо гуще, это напомнило Джондалару о приближении холодов. «Интересно, где мы проведем эту зиму», – подумал он. У него пока не было уверенности в том, уживется ли Эйла с мамутой, но, по крайней мере, и лошади, и обитатели стоянки уже не чурались друг друга.

Эйла тоже заметила, что все стало спокойнее, однако волновалась о том, как проведут ночь ее питомцы, пока она будет спать в этом земляном доме. Ведь они привыкли жить с ней в одной пещере. Джондалар заверил ее, что все будет в порядке, поскольку обычные дикие лошади всегда спят на свежем воздухе. В итоге она решила привязать Удальца поблизости от входа, зная, что Уинни не уйдет далеко без своего малыша и что кобыла обязательно разбудит ее своим ржанием в случае возникновения опасности.

С наступлением темноты ветер стал гораздо холоднее, и, когда Эйла и Джондалар направились к дому, в воздухе уже запахло снегом, однако у очага Мамонта, находившегося в середине этого полуподземного жилища, где собрались уже все обитатели стоянки, было тепло и уютно. Многие задержались, чтобы набрать немного еды – блюдо с остатками дневной трапезы теперь принесли в дом: там были маленькие белые и мучнистые на вкус земляные орехи, дикая морковь, брусника и куски мамонтового жаркого. Мамутой накладывали себе овощи и фрукты либо руками, либо с помощью пары палочек, используемых как щипцы, но Эйла заметила, что у каждого человека, кроме самых маленьких ребятишек, имеется специальный нож для еды. Забавно было наблюдать, как некоторые из едоков зажимают в зубах кусок мяса, а затем, взмахивая ножом, отсекают маленький кусочек, умудряясь при этом сохранить в целостности свой нос.

Водонепроницаемые коричневые бурдючки, сделанные из мочевых пузырей и желудков разных животных, ходили по кругу из рук в руки. Талут предложил выпить и Эйле. Напиток обладал кислым, не очень-то приятным запахом, но на вкус оказался сладковатым и сильно обжигающим. Сделав глоток, Эйла отклонила второе предложение. Бражка пришлась ей явно не по вкусу, хотя Джондалар, похоже,пил ее с наслаждением.

Переговариваясь и посмеиваясь, люди занимали места на лежанках вдоль стен или на меховых шкурах и соломенных циновках, раскинутых на земляном полу. Эйла вертела головой, прислушиваясь к разговорам, когда вдруг уровень шума значительно понизился. Оглянувшись, она увидела старого Мамута, спокойно стоявшего за очагом, в котором горел небольшой костерок. Наконец затихли последние разговоры, и шаман, завладев всеобщим вниманием, медленно поднял маленький факел и держал его над костром, пока тот не воспламенился. Люди, затаив дыхание, напряженно следили, как он с торжественным видом направился к темной нише, расположенной в стене, и разжег огонь в маленьком каменном светильнике. Сухой фитиль из лишайника зашипел в мамонтовом жиру и вспыхнул, осветив стоящую за светильником небольшую женскую фигурку, вырезанную из бивня мамонта, пышные формы которой явно подчеркивали главное достоинство женщины – священный дар материнства.

«Эта фигурка... Почему она кажется мне такой знакомой? – вдруг тревожно подумала Эйла. – Ведь я никогда прежде не видела ничего подобного. Вероятно, это и есть одна из доний, о которых рассказывал Джондалар. Он считает, что доний хранят дух Великой Земной Матери. Или, возможно, его частицу. Разве может такая маленькая фигурка вместить весь дух? Хотя кто знает, каковы его истинные размеры».

Эйла углубилась в воспоминания, и перед ее мысленным взором возник другой ритуал: тогда ей вручили один из ее амулетов – темный камешек, который она носила в кожаном мешочке на шее. Этот маленький кристалл двуокиси марганца хранил частицу духа каждого члена клана, а не только ее семьи. Его вручили ей, когда посвящали в целительницы, а она отдала в обмен на него частицу своего собственного духа. Смысл ритуала состоял в том, что отныне если она спасет чью-то жизнь, то исцеленный человек, в свой черед, не будет чувствовать себя обязанным отдать ей нечто столь же важное и ценное. Такую церемонию проводили с каждой целительницей.

Она немного тревожилась, вспоминая иногда, что у нее не забрали этот камень духов, когда она была проклята. Креб забрал его у Изы после смерти этой старой целительницы, чтобы духи живых людей не последовали за ней в мир духов, но никто не отобрал этот амулет у Эйлы. Значит, она до сих пор хранит частицы духа всех членов клана. А ведь теперь она мертва для них, неужели вместе с ней Бруд обрек на смерть и всех остальных?

«Но разве я мертва?» – мысленно спрашивала сама себя Эйла. Она уже не раз задавалась этим вопросом и пришла к выводу, что это не так. Она поняла, что сила этого смертельного проклятия заключается в священной вере, то есть, уверовав в него, дорогие тебе люди не признают больше твоего существования, когда тебя изгоняют из племени... В сущности, любой одинокий странник находится под угрозой смерти. Но она почему-то не умерла. Что помогло ей избежать такого конца? И самое главное, что может случиться с кланом, если она действительно умрет? Причинит ли ее смерть вред тем, кого она любит? Может быть, погибнет весь клан? Кожаный мешочек с амулетом показался вдруг ей очень тяжелым, словно вобрал в себя вес ответственности, напомнив Эйле, что у нее на шее сейчас – судьба целого клана.

Из состояния задумчивости Эйлу вывели странные ритмичные звуки. Мамут, держа в руке утолщенный с одного конца отросток оленьего рога, постукивал им по черепу мамонта, украшенному геометрическими символами и линиями. Эйле показалось, что до нее доносятся не только ритмичные удары, и она стала более внимательно смотреть и слушать. Внутренние полости черепа придавали звучанию богатую окраску, которая, однако, зависела не только от резонансных свойств этого своеобразного инструмента. Старый шаман ударял по разным точкам, отмеченным на костяном барабане, в соответствии с чем изменялись высота и качество звука. Но эти вариации были настолько изящными и сложными, что возникало ощущение, будто Мамут вытягивает из барабана слова, заставляя говорить этот старый мамонтовый череп.

Тихим и низким грудным голосом старец затянул грустный монотонный напев в строго определенной тональности. Вскоре звуки барабана и голоса сплелись в причудливую мелодию, и постепенно к ним стали присоединяться другие голоса, доносившиеся из разных концов просторного помещения; многоголосый хор тихо подтягивал мелодию, привнося в нее новые вариации, но выдерживая единую тональность. Ритм главного барабана был подхвачен другими инструментами. Оглянувшись, Эйла увидела, что Диги играет на втором костяном барабане. А затем Торнек начал постукивать роговым молоточком по другому костяному инструменту, сделанному из мамонтовой лопатки, которая была покрыта рядами красных зигзагообразных линий. Низкие голоса черепных барабанов соединялись с более высоким голосом лопатки, порождая мощное резонирующее созвучие, и весь земляной дом наполнился звуками этой удивительно красивой ритмичной мелодии. Эйла невольно стала раскачиваться в такт музыке и заметила, что в это ритмическое движение вовлечены и остальные участники ритуального действия. Внезапно мелодия оборвалась, и все замерло.

Тишина была заполнена напряженным ожиданием, но это кратковременное безмолвие быстро закончилось. Ведь сегодня не предвиделось никакой официальной церемонии, просто обитатели стоянки собрались вместе, чтобы провести приятный вечер в общении друг с другом, посвятив его интересным разговорам – излюбленному человеческому занятию.

Тули начала с объявления о том, что согласие сторон достигнуто и Брачный ритуал Диги и Бранага будет совершен следующим летом. Несмотря на то что это известие не было неожиданностью, мамутой возбужденно загомонили, высказывая слова одобрения и поздравления. Молодая пара светилась от счастья. Затем Талут попросил Уимеза поведать собравшимся о своей торговой миссии, и они узнали, что ходовыми товарами будут соль, янтарь и кремень. Джондалар с интересом слушал многочисленные вопросы и комментарии, а Эйла ничего не могла понять и решила, что позже все выяснит у Джондалара. Далее Талут спросил об успехах Дануга, чем вызвал крайнее замешательство подростка.

– У него есть талант – чуткая рука и острый глаз. Еще несколько лет работы – и он станет отличным мастером. Его с сожалением отпустили домой. Дануг многому научился, этот год не прошел для него даром, – доложил Уимез.

И вновь собравшиеся одобрительно загудели, бурно высказывая похвалы в адрес юного мастера. Затем наступило относительное затишье, заполненное разговорами между собой вполголоса, но наконец Талут повернулся к Джондалару, и шелест голосов стал гораздо громче и возбужденнее.

– Поведай же нам, человек из племени зеландонии, каким ветром занесло тебя к очагу Львиной стоянки племени мамутой? – спросил он.

Джондалар, отхлебнув сладковатой браги из коричневого бурдючка, окинул взглядом затихших в ожидании людей и улыбнулся Эйле. «Ему уже приходилось рассказывать о своих странствиях!» – подумала она, с легким удивлением осознав, что он решает, каким путем повести свой рассказ. Устроившись поудобнее, она тоже приготовилась слушать.

– Это долгая история, – начал он.

Люди одобрительно закивали. Именно такую историю им и хотелось послушать.

– Земли моего племени находятся очень далеко отсюда, далеко-далеко на западе, и даже если вы дойдете до истока реки Великой Матери, что несет свои воды в море Беран, то путь до моей земли все еще будет неблизким. Мы живем у реки, так же как и вы, но наша река течет к Великой Воде с запада. Племя зеландонии объединяет много людей. Подобно вам, мы – Дети Земли. Вы называете Ее Мут, мы называем Дони, но, так или иначе, Она есть Великая Земная Мать. Мы занимаемся охотой и торговлей, и порой наши люди отправляются в долгие путешествия. Мой брат и я решили отправиться в такое путешествие. – Джондалар на мгновение закрыл глаза и болезненно нахмурил брови. – Тонолан... мой брат... был очень веселым и любил приключения. Он стал любимцем Великой Матери.

Его боль явно была неподдельной. Каждый понял, что это не просто хитрый ход для привлечения внимания к своему рассказу. И хотя он еще ничего не объяснил, все догадались, что произошло с его братом. У них тоже обычно говорили в таких случаях, что Мать раньше забирает к себе тех, кого любит. Джондалару вовсе не хотелось выставлять свои чувства напоказ, горькие воспоминания навалились на него внезапно, и сейчас он испытывал легкое смущение. Однако такая утрата, как правило, встречает всеобщее понимание. Его непритворное горе вызвало у слушателей сочувствие, и они стали относиться к нему с гораздо большей теплотой, выходявшей за рамки простой вежливости и любопытства, которые обычно проявляли мамутой к миролюбиво настроенным чужакам.

Глубоко вздохнув, Джондалар собрался с мыслями и продолжил прерванный рассказ:

– Это далекое путешествие задумал Тонолан, мне просто захотелось немного проводить его до стоянки, где жили несколько наших родственников, однако потом я передумал и отправился странствовать вместе с ним. Мы пересекли небольшой ледник, возвышающийся к югу от Донау – реки Великой Матери, и решили пройти по ней до самого моря. Никто не верил, что нам удастся осуществить задуманное, да я и сам, в общем-то, не был уверен в этом, но мы упорно продолжали путь, пересекая приток за притоком и встречаясь с множеством разных людей. Однажды – это случилось в первое лето – мы удачно поохотились и спокойно сидели

у костра, заготавливая мясо впрок, как вдруг нас окружили воины незнакомого племени. Они стояли плотным кольцом, направив на нас свои копья...

Голос Джондалара вновь обрел уверенность, захватывающая история его приключений привлекла всеобщее внимание. Он был искусным рассказчиком и умел поддерживать неослабевающий интерес к своей истории. Сопереживание слушателей было достаточно очевидным, люди пораженно покачивали головами, издавали одобрительные возгласы, а зачастую и взволнованные восклицания. «Странно все-таки ведут себя эти говорящие на языке слов люди, они не могут молчать, даже когда слушают», – подумала Эйла.

Она, как и остальные, была захвачена рассказом Джондалара, но в какой-то момент поймала себя на том, что наблюдает за собравшимися у очага людьми. Маленькие дети устроились на коленях взрослых, а те, что постарше, сидели отдельной группой и не сводили горящих глаз с обаятельного странника. Больше других, похоже, увлекся Дануг. Он сидел не шелохнувшись и, подавшись вперед, с явным восхищением внимал рассказчику.

– ...Тонолан спустился в это глубокое ущелье, рассчитывая, что львица ушла и ему ничего не угрожает. Но вдруг раздался рев пещерного льва...

– И что случилось потом? – спросил Дануг.

– Остальное вам должна рассказать Эйла. Я мало что помню об этом.

Все глаза устремились на нее. Эйла потрясенно молчала. Она не ожидала этого; прежде ей никогда не приходилось говорить перед такой большой аудиторией. Джондалар ободряюще улыбнулся ей. Мысль предоставить ей слово не случайно пришла ему в голову – ведь ей надо привыкать общаться с людьми, а это можно сделать не иначе, как заставив ее говорить на их языке. Ее жизнь очень заинтересовала мамутой, и ей не раз еще придется рассказывать о своих приключениях. И сейчас, когда в памяти каждого еще свежи воспоминания о ее удивительной власти над лошадьми, история о пещерном льве будет выглядеть более правдоподобной. Джондалар понимал, что после этой потрясающей истории покров тайны, окутывающий Эйлу, станет еще плотнее, но надеялся, что они удовлетворятся этим рассказом, и тогда у нее не будет возможности поведать им о своем более отдаленном прошлом.

– Так что же случилось потом, Эйла? – опять спросил Дануг, мечтая скорее услышать продолжение.

Шестилетняя Руги с молчаливой робостью взирала на своего большого брата, который целый год не был дома, однако, вспомнив прежние времена, когда они, усаживаясь плотным кружком, рассказывали разные истории, она немедленно решила забраться к нему на колени. Обняв сестру, Дануг отрешенно улыбнулся ей, но его напряженный взгляд был по-прежнему устремлен на Эйлу.

Она оглянулась вокруг и, заметив, что все лица обращены в ее сторону, попыталась заговорить, но от волнения у нее пересохло в горле, хотя ладони были неприятно влажными.

– Да, так что же случилось? – повторила Лэти, которая сидела рядом с Данугом, держа на коленях Ридага.

Большие карие глаза мальчика были полны ожидания. Он приоткрыл рот и тоже произнес что-то, но никто не понял его просьбы, кроме Эйлы. Она знала значение подобных восклицаний, поскольку слышала их раньше и даже научилась произносить их. Люди клана не были полностью немыми, но у них были ограниченные способности артикуляции. Поэтому они и придумали для общения богатый и всеобъемлющий язык жестов, а слова использовались лишь для усиления их значения. Она поняла, что Ридаг просит ее продолжить историю и его восклицание исполнено смысла. Эйла улыбнулась, глядя в глаза мальчика.

– Я была с Уинни, – сказала Эйла.

В сущности, кличка кобылы была просто звукоподражанием мягкому ржанию. И слушавшие не поняли, что она произнесла имя лошади. Вместо этого они сочли, что это было некое

удивительное украшение начала истории. Они улыгнулись, выражая одобрение и побуждая ее продолжать в том же духе.

– Она скоро имеет маленькую лошадь. Очень большой живот... – сказала Эйла и вытянула вперед руки, показывая, что кобыла была в тягости. Мамутой ответили ей понимающими улыбками. – Уинни надо гулять, и мы ездили каждый день. Короткие прогулки... по знакомым местам. Однажды мы ехать на запад, а не на восток. Посмотреть новую долину, – продолжала Эйла, обращая свои слова к Ридагу.

Джондалар учил ее всем языкам, которые знал сам, в том числе и языку мамутой, но она говорила на них не так свободно и правильно, как на его родном языке, который узнала самым первым. У нее был удивительный выговор, а ее акцент казался очень странным и почти необъяснимым. К тому же она с трудом подыскивала слова и еще больше смущалась из-за этого. Но, подумав о мальчике, который вообще был не способен говорить, она решила все же пересилить свое смущение и продолжить рассказ. Ведь он просил ее об этом, и она не хотела обмануть его надежды.

– Я слышать лев...

Сама не сознавая почему, Эйла вдруг зарычала. Может быть, из-за горящего ожиданием взгляда Ридага или из-за того, что он едва не свернул голову, чтобы лучше видеть и слышать ее. Или, возможно, просто сработала пробуждающаяся интуиция хорошего рассказчика, и Эйла угрожающе зарычала, очень точно воспроизведя львиный рык. Она услышала сначала сдавленные испуганные вздохи, потом нервные смешки и возгласы одобрения благодарных слушателей. Ее способность подражать голосам животных была просто невероятной, что явно придавало неожиданно волнующий оттенок ее рассказу. Джондалар тоже одобрительно улыгнулся и кивнул ей.

– Я слышать, кричит человек. – Она взглянула на Джондалара, и ее глаза наполнились печалью. – Я остановиться... что делать? Уинни... большая... в животе малыш... – Изображая жеребенка, она издала слабые повизгивающие звуки, за что была вознаграждена сияющей улыбкой Лэти. – Я беспокоиться за лошадь, но человек кричал, и я слышать лев снова. Я вдруг слушать внимательно... – Она умудрилась изобразить львиное рычание так, что в нем присутствовал какой-то игривый оттенок. – Я узнать Вэбхья и тогда спускаться в ущелье. Я понимать, что он не тронуть лошадь.

Эйла видела изумленные взгляды. Она произнесла незнакомое слово, хотя Ридаг мог бы знать его, если бы его судьба сложилась иначе. Эйла объясняла Джондалару, что «Вэбхья» означает «младенец» на языке клана.

– Вэбхья – это лев, – попыталась объяснить она. – Я знать маленький лев, Вэбхья был... как малыш. Я спускаться в ущелье. Заставить лев уйти. Но я найти один мужчина мертвый. Другой мужчина, Джондалар, искалечить очень плохо. Уинни везти его обратно в долину.

– М-да! – раздался чей-то насмешливый и недоверчивый голос. Эйла оглянулась и поняла, что это сказал Фребек, мужчина, который днем спорил со старухой. – Неужели ты хочешь убедить нас, что уговорила льва оставить в покое раненого человека?

– Это не обычный лев, а Вэбхья, – возразила Эйла.

– Что это значит? Объясни попонятнее.

– «Вэбхья» – слово клана. Означать «ребенок, малыш». Маленький лев жить со мной, и я дать ему это имя. Вэбхья – мой знакомый лев. Лошадь тоже знать его. Уинни не бояться этот лев.

Эйла расстроилась: что-то в ее объяснении было не так, но она не могла понять, что именно.

– Ты жила вместе со львом? Вот уж не поверю, – ухмыльнулся Фребек.

– Ты не веришь ей? – сердитым голосом спросил Джондалар.

Этот мужчина, в сущности, обвинил Эйлу во лжи, а Джондалар слишком хорошо знал, насколько правдива эта история.

– Эйла никогда не лжет, – сказал он, вставая, чтобы развязать пояс, стягивавший его кожаные штаны. Приспустив их сбоку, он обнажил пах и бедро, обезображенное ужасными багровыми шрамами. – Лев напал на меня, и Эйла не только спасла меня от его когтей. Она – искусная целительница. Если бы не она, то я отправился бы в мир иной вслед за моим братом. И я скажу тебе еще кое-что. Я видел, как она ездила на спине этого льва точно так же, как ездит на лошади. Меня ты тоже назовешь лжецом?

– Никто никогда не называл лжецом гостя Львиной стоянки, – бросив на Фребека гневный взгляд, сказала Тули, пытаясь охладить слегка накалившуюся атмосферу. – Мне кажется очевидным, что ты был сильно покалечен. И все мы своими глазами видели, как эта женщина... Эйла... ездит на лошади. Я не нахожу никакой причины сомневаться в твоих или ее словах.

Повисла напряженная тишина. Эйла в недоумении поглядывала на настороженные лица людей. Она не знала, что означает слово «лжец», и не могла понять, почему Фребек сказал, что не верит ей. Эйла выросла среди людей, общавшихся посредством движений. Помимо жестов язык клана включал в себя мимику и многочисленные позы, передававшие тончайшие оттенки смысла. Очень трудно, практически невозможно было солгать на таком телесном языке. В лучшем случае человек мог отказаться упомянуть о чем-то, и даже тогда можно было понять, о чем он умалчивает, хотя никому не возбранялось хранить тайны. Эйла не умела лгать.

Однако она понимала напряженность ситуации. Она ясно видела молчаливое раздражение и враждебность на лицах людей. И также видела, что они пытаются скрыть свои истинные чувства. Талут поймал мимолетный взгляд Эйлы, обращенный в сторону темнокожего мужчины. Он задумчиво посмотрел на Ранека, и ему в голову пришла хорошая идея. Он понял, как можно снизить напряжение и вернуть разговор в нужное русло.

– Да, это была отличная история, Джондалар, – пророкотал Талут, тоже грозно глянув на Фребека. – Всегда интересно послушать о тех удивительных приключениях, что случаются во время долгих путешествий. А не хочешь ли ты послушать рассказ о другом великом путешествии?

– Конечно хочу, – ответил Джондалар.

Все собравшиеся наконец облегченно вздохнули и заулыбались. Эту историю и сами мамутой любили послушать, к тому же им редко случалось наблюдать за реакцией людей, которые еще не слышали ее.

– Это история Ранека... – начал Талут.

Эйла заинтересованно посмотрела на Ранека.

– Мне бы хотелось узнать, как человек с коричневой кожей появиться на Львиной стоянке, – медленно подбирая слова, сказала Эйла.

Ранек улыбнулся ей, но обратился к главе своего очага:

– Это, конечно, моя история, но рассказывать-то тебе, Уимез.

Джондалар вновь сел на свое место, не слишком уверенный, что ему нравится тема новой истории – или, возможно, повышенное внимание Эйлы к этому мужчине, – и все-таки это было лучше, чем почти явная враждебность. К тому же история действительно обещала быть интересной.

Кивнув Эйле, Уимез слегка откинулся назад и, с улыбкой глянув на Джондалара, начал свое повествование:

– Понимаете, молодой человек, нас с вами объединяет не только любовь к кремневым орудиям. В молодости я тоже совершил дальнее путешествие. Сначала я взял курс на юго-восток, миновал море Беран и направился дальше к берегам огромного моря, расположенного гораздо южнее. Это южное море имеет много названий, поскольку на его берегах живет множество разноязычных племен. Обогнув это море с востока, я направился на запад, чтобы позна-

комиться с южным побережьем. Земля там покрыта густыми лесами, солнце очень горячее, и дожди льют нещадно, не то что у нас. Конечно, в пути было множество приключений, но лучше приберечь их для следующего раза. А сейчас я расскажу вам историю Ранека. Странствуя на запад по южному берегу, я знакомился с разными племенами. Кое-где я останавливался и жил какое-то время, узнавая много нового и делясь собственным опытом. Однако мне не сиделось на одном месте, и вскоре я вновь отправлялся в дорогу. Я хотел пройти на запад как можно дальше. Спустя несколько лет я оказался неподалеку от пролива, которым заканчивается южное море. Я думаю, Джондалар, что именно за этим проливом и начинается ваша Великая Вода. Там я познакомился с людьми с такой темной кожей, что они казались просто черными, и там же я встретил одну женщину... Женщину, которая завладела моими мыслями и чувствами. Может, поначалу меня привлекла ее необычная внешность... ее чужеземные одежды, цвет кожи, горящие черные глаза... Все в ней было удивительно: неотразимая улыбка... манера танцевать, ее плавные, изящные движения... Я никогда еще не встречал столь пленительной женщины.

Уимез говорил спокойным суховатым тоном, но сама история была настолько захватывающей, что не нуждалась в дополнительном приукрашивании. Однако когда этот коренастый, предельно сдержанный человек упомянул о темнокожей женщине, то его манера речи заметно изменилась.

– Когда она согласилась жить со мной, я решил навсегда остаться с людьми этого племени. С юных лет меня тянуло работать с камнем, и я научился у них делать наконечники копий. Они обрабатывали камень с двух сторон, понимаешь? – Его вопрос был обращен к Джондалару.

– Да, обе поверхности, как у рубила.

– Только их наконечники не такие большие и грубые. У них отработана хорошая техника. Я тоже показал им кое-какие вещи. В общем, я был вполне согласен жить по их обычаям, особенно после того, как Великая Мать благословила мою жену ребенком. Когда родился мальчик, она попросила меня дать ему имя – такой уж у них обычай. Я выбрал имя Ранек.

«Вот и объяснение, – подумала Эйла. – Его мать была темнокожей».

– Что же заставило вас вернуться домой? – спросил Джондалар.

– Сложности начались через несколько лет после рождения Ранека. Темнокожее племя, в котором я жил, перебралось в те места с юга, но некоторые племена издавна жили там. Стоянки никак не могли поделить охотничьи территории. Мне почти удалось убедить их встретиться и спокойно обсудить все. Однако в каждом племени нашлось несколько горячих голов, которые решили взяться за оружие. Одна смерть влекла за собой другую – кровь за кровь, – и в конце концов началась настоящая война, стоянка против стоянки. Мы построили оборонительные укрепления, но этого оказалось недостаточно. Врагов было гораздо больше. Война продолжалась, они устраивали засады, убивая нас поодиночке. Через какое-то время вид человека со светлой кожей начал внушать страх и ненависть. Несмотря на то что я уже давно был членом их племени, люди перестали доверять мне и даже Ранеку. Его кожа была более светлой, чем у остальных, и черты лица тоже выделялись на общем фоне. Я поговорил с матерью Ранека, и мы решили уйти из племени. Прощание было тягостным, здесь были их друзья и родные, но оставаться было опасно. Некоторые горячие головы даже не хотели отпускать нас, однако с помощью верных друзей мы тайно покинули стоянку ночью. Путь наш лежал на север, к проливу. Я знал некоторые из живущих там племен, они умели делать легкие маленькие лодки, на которых иногда переправлялись на другой берег. Нас предостерегали, что мы выбрали плохой сезон для переправы. Даже при самых лучших условиях такое плавание было чревато массой опасностей. Но я стремился уехать как можно скорее и решил рискнуть. Конечно, это было неправильное решение, – сказал Уимез напряженным глухим голосом. – Наша лодка опрокинулась. До другого берега смогли добраться только мы с Ранеком и одна связка вещей.

Помедлив немного, он продолжил рассказ:

– Мы были еще очень далеко, и наш путь в родные края занял много времени, но в конце концов мы прибыли сюда во время Летнего схода.

– И сколько же всего лет ты странствовал? – спросил Джондалар.

– Десять лет, – сказал Уимез и улыбнулся. – Наше возвращение вызвало страшный переполох. Никто уже не ожидал вновь увидеть меня, а тем более с Ранеком. Неззи, моя младшая сестра, даже не узнала меня, правда, она была совсем ребенком, когда я ушел из дома. Тем летом она и Талут как раз прошли церемонию Брачного ритуала и основали эту Львиную стоянку вместе с Тули, ее двумя мужьями и детьми. Они пригласили меня присоединиться к ним. Неззи усыновила Ранека, хотя он по-прежнему считался сыном моего очага. Но она заботилась о нем как о собственном ребенке даже после рождения Дануга.

Уимез уже закончил свой рассказ, но все по-прежнему смотрели на него с молчаливым ожиданием, надеясь на продолжение. Большинство обитателей стоянки, конечно, много знали о его приключениях, однако казалось, запас их неисчерпаем – он всегда удивлял их либо совсем новой историей, либо рассказывал старую, отыскивая новые подробности.

– Да, мне кажется, Неззи могла бы стать всеобщей матерью, случись такая возможность, – заметила Тули, вспоминая времена возвращения Уимеза. – Моя Диги тогда была совсем крошечной, и Неззи никак не могла наиграться с ней.

– Ну мне-то она больше чем мать! – сказал Талут и с игривой улыбкой похлопал свою пышнотелую жену пониже спины.

Он дотянулся до очередного бурдючка с горячительным напитком и, сделав несколько хороших глотков, послал его по кругу.

– Отлично, Талут! Пожалуй, я тоже могу воспользоваться материнским правом! – подавляя усмешку, сказала Неззи, пытаясь придать своему голосу сердитый оттенок.

– Это что, обещание? – спросил Талут.

– Уж ты-то должен понимать, братец, что я имела в виду, – заметила Тули, не желая принимать игривый тон Талута. – Она не смогла отказаться даже от Ридага. Все равно он не жилец на этом свете. Он такой хворый, стоило ли за него бороться...

Эйла перевела взгляд на мальчика. Замечание Тули огорчило его. Тули говорила без злого умысла, вовсе не желая обидеть Ридага. Но Эйла поняла, что ему не нравится, когда о нем говорят как об отсутствующем. Но он ничего не мог поделать с этим. Ведь мальчик не мог высказать свои чувства, а Тули, недолго думая, решила, что раз Ридаг ничего не говорит, значит он ничего не понимает и не чувствует.

«Хорошо бы услышать историю этого ребенка», – подумала Эйла, но попросить не решилась, боясь показаться бесцеремонной. Однако Джондалар сделал это за нее, стремясь удовлетворить собственное любопытство.

– Неззи, ты не хочешь рассказать нам о Ридаге? Мне кажется, Эйле это было бы особенно интересно, да и мне тоже.

Собираясь с мыслями, Неззи наклонилась в сторону Лэти и, забрав у нее мальчика, посадила к себе на колени.

– Мы охотились на гигантских северных оленей с ветвистыми рогами, – задумчиво сказала наконец Неззи, – и как раз начали строить загон для них – это лучший способ охоты на таких большерогих оленей. И помню, я очень удивилась, заметив странное существо, прятавшееся неподалеку от нашего лагеря. Редко кто встречал в наших краях самок плоскоголовых, тем более бродивших в одиночку.

Эйла подседа поближе к Неззи и внимательно слушала, стараясь не упустить ни слова.

– Заметив, что я смотрю на нее, она даже не пыталась убежать, пока я не подошла поближе. И тут мне стало ясно, что она беременна. Я подумала, что она, может быть, голодает, и оставила немного еды возле того места, где она пряталась. Утром еда исчезла, и я решила,

что буду подкармливать ее, пока мы не закончим охоту. По-моему, и на следующий день я видела ее несколько раз, хотя точно не знаю. А вечером когда я сидела у костра, кормя Руги, то увидела ее снова. Она еле передвигалась и казалась совсем больной, и тогда я поняла, что она вот-вот родит. Я не знала, что делать. Мне хотелось помочь, но она попыталась спрятаться. А вокруг становилось все темнее. Я рассказала обо всем Талуту, и он, взяв с собой несколько человек, отправился искать ее.

– Да, та ночь выдалась особенной, – сказал Талут, вспомнив о своем участии в этой истории. – Я думал, нам предстоит долгие блуждания, прежде чем мы сможем окружить ее со всех сторон. Но стоило мне прикрикнуть на нее, как она тут же опустилась на землю, словно только этого и ждала. Похоже, она не слишком испугалась меня, и, когда я поманил ее, она встала и последовала за мной, точно понимала, что я не причиню ей вреда.

– Не представляю даже, как она добрела до лагеря, – продолжала Неззи, – схватки были очень сильными. Женщина быстро поняла, что мы хотим помочь ей, правда, я толком не знала, как это сделать. Трудно было даже сказать, удастся ли ей выдержать роды. Хотя она ни разу не вскрикнула. Ну, в общем, к утру она родила сына. Мы с удивлением увидели, что младенец был помесью духов. Отличия сразу бросались в глаза. Роженица была настолько слаба, что я решила показать ей сына. Это могло вдохнуть в нее новые силы, и мне почудилось, что она только этого и ждет. Однако, как я и подозревала, состояние ее было очень плохим, – должно быть, она потеряла слишком много крови. Положение было практически безнадежным. Она умерла еще до восхода солнца. Все твердили, чтобы я оставила умирать младенца рядом с матерью, но я подумала, что смогу выкормить его. Ведь все равно я кормила Руги, и молока у меня с лихвой хватило бы на двоих. Так что мне было совсем не трудно приложить его к своей груди. – Она нежно обняла сидевшего на коленях Ридага. – Я понимала, что он слабый ребенок. Возможно, мне и не следовало делать этого, но я полюбила Ридага как собственное дитя и совсем не жалею, что вырастила его.

Откинув назад голову, Ридаг посмотрел на Неззи своими большими сияющими карими глазами, затем обнял ее за шею худенькими ручками и прижался головой к ее груди. Неззи крепче обняла его, слегка укачивая, как младенца.

– Кое-кто говорит, что он животное, потому что не умеет разговаривать, но я знаю, он все понимает, и он вовсе не «мерзкий уродец», – добавила она, бросив злобный взгляд на Фребека. – Только Великая Мать может знать, почему смешались сотворившие его духи.

Эйла с трудом сдерживала слезы. Она еще не знала, как эти люди относятся к слезам; ее «мокнущие» глаза всегда тревожили членов клана. Вид этой женщины с ребенком пробудил в ней печальные воспоминания. С одной стороны, ей было очень горько из-за того, что она не могла обнять своего сына. А с другой стороны, она вновь загрустила, вспомнив Изу, которая взяла ее в свою семью и заменила ей мать. Хотя Эйла была так же не похожа на членов клана, как Ридаг – на обитателей Львиной стоянки. Однако больше всего Эйле хотелось сейчас найти слова, чтобы высказать Неззи свои чувства, свою благодарность за ее любовь к Ридагу... Высказать, как это важно для нее самой. Непонятно почему, но Эйла вдруг почувствовала, что если она сможет как-то помочь Неззи, то это станет своеобразной данью памяти Изе.

– Неззи, он все понимает, – тихо сказала Эйла. – Он – не животное и не плоскоголовый. Он – ребенок клана и в то же время ребенок Других.

– Я знаю, Эйла, что он – не животное, – сказала Неззи, – но что значит «клан»?

– Мать Ридага принадлежала к клану. Вы говорите, что они плоскоголовые, а они называют себя кланом, – объяснила Эйла.

– Что ты имеешь в виду, говоря: «Они называют себя кланом»? Они же не могут говорить, – возразила Тули.

– Да, у них мало слов. Но они говорят. Они говорят руками.

– Откуда ты знаешь? – спросил Фребек. – С чего это ты так уверена в этом?

Джондалар глубоко вздохнул и задержал дыхание, со страхом ожидая ее ответа.

– Раньше я жила в клане. Я говорила на языке клана, пока Джондалар не научил меня говорить словами, – сказала Эйла. – Я считала клан своим племенем.

Когда смысл сказанного ею дошел до сознания слушателей, то над очагом повисла оглушительная тишина.

– Ты хочешь сказать, что жила с плоскоголовыми?! Ты жила с этими мерзкими животными! – с отвращением воскликнул Фребек, вскакивая и отбегая в сторону. – Неудивительно, что она так плохо говорит. Она ничем не лучше их, раз жила вместе с ними. Все они – просто грязные твари, включая и твоего выродка, Неззи.

Тут вся стоянка возмущенно зашумела. Даже если кто-то и разделял его мнение, все равно Фребек зашел слишком далеко. Мало того что преступил границы вежливости по отношению к гостям, так еще и оскорбил жену вождя. Правда, его давно раздражало, что он живет в стоянке, которая приютила у себя «мерзкого выродка». И к тому же он еще не пришел в себя от язвительных уколов матери Фрали, нанесенных ему в сегодняшней схватке, продолжившей давнишнюю войну. Поэтому Фребеку хотелось выплеснуть на кого-то свое раздражение.

Талут взревел, защищая Неззи и Эйлу. Тули, перекрикивая его, пыталась защитить честь стоянки. Крози, злобно усмехаясь, то поносила Фребека, то запугивала Фрали, и остальные тоже орали во весь голос, высказывая свои мнения. Эйла переводила растерянный взгляд с одного лица на другое, и ей жутко захотелось заткнуть уши, чтобы не слышать этого безумного ора.

Неожиданно Талут громовым голосом потребовал тишины. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы утихомирить разбушевавшиеся страсти. Затем послышались звуки барабана Мамута, что завершило восстановление порядка, и все мамутой спокойно расселись по местам. Когда барабан затих, Талут сказал:

– Я полагаю, что прежде, чем высказывать какие-либо суждения, мы должны выслушать рассказ Эйлы.

Все мамутой с готовностью повернулись в ее сторону, с жадным интересом ожидая, что скажет эта таинственная женщина. Эйла молчала в нерешительности, ей не хотелось больше ничего рассказывать этим крикливым грубым людям, но она чувствовала, что у нее нет выбора. Тогда, гордо вздернув подбородок, она подумала: «Ладно, я расскажу им то, что они так жаждут услышать, но утром я распрощаюсь с ними».

– Я не знаю... Я совсем не помню своего детства, – начала Эйла. – Только землетрясение... и пещерного льва, который оставил шрамы на моей ноге. Иза говорить, она найти меня у реки... Есть какое-то слово, Мамут?.. Когда человек ничего не чувствует?..

– Без сознания.

– Да, Иза говорить, что я лежать без сознания. Мне было мало лет, меньше Ридага. Возможно, пять лет. Когти пещерного льва оставить кровавые следы на моя нога. Иза быть... целительница. Она лечить меня. Креб... Креб был Мог-ур... как Мамут... посвященный человек, он знать мир духов. Креб учил меня говорить язык клана... Они заботиться обо мне. Я не принадлежать клан, но они заботиться обо мне.

Она старательно вспоминала язык мамутой, все то, чему успел научить ее Джондалар. Замечание Фребека о том, что она плохо говорит, задело ее больше, чем остальные высказывания. Эйла взглянула на Джондалара. Лицо его выражало тревогу. Похоже, он хотел предостеречь ее от чего-то. Она не могла понять причину его беспокойства, но подумала, что, возможно, не стоит рассказывать все до конца.

– Я выросла в клане, но уйти... чтобы найти Других, похожих на меня... Тогда мне было... – она запнулась, вспоминая соответствующее счетное слово, – четырнадцать лет. Иза говорить мне, Другие жить на севере. Я долго ходить, не найти никого. Потом я найти хорошую долину и пещеру и остаться там, чтобы готовиться к зиме. Убить лошадь для зимнего

запаса и увидеть маленькая лошадь, ее ребенок. Я скучать одна. Маленькая лошадь была как ребенок. Я заботиться о ней. Позже найти маленький лев, плохо искалеченный... Я взять лев тоже, вылечить, но он расти большой и уйти... найти львицу. Я жить в долине три года одна. Потом встретить Джондалара.

Эйла умолкла. Никто не проронил ни слова. Ее более чем незатейливый рассказ – простое перечисление основных событий ее жизни – мог быть только правдой, однако поверить в него было очень трудно. Он породил множество новых вопросов и почти не дал ответов. Неужели плоскоголовые действительно приютили и вырастили ее? Неужели они действительно умели говорить или, по крайней мере, общаться друг с другом? Неужели они действительно способны на человеческие чувства и тоже принадлежат к человеческому роду? И как относиться к ней? Можно ли считать человеком того, кого вырастили плоскоголовые?

В наступившей тишине Эйла задумчиво смотрела на Неззи и Ридага, и ей припомнился один давний случай из жизни клана, когда она была еще совсем маленькой. Креб учил ее ручному языку, но был один жест, который она поняла самостоятельно. Этот жест часто использовали, общаясь с детьми, и дети постоянно делали его, обращаясь к женщинам, которые растили их. Иза обрадовалась, когда Эйла впервые подала ей такой же знак.

Эйла склонилась вперед и обратилась к Ридагу:

– Я хочу показать тебе слово. Слово, которое ты сможешь сказать руками.

Он выпрямился, в глазах его вспыхнули огоньки жадного интереса. Он давно научился понимать человеческую речь и сейчас понял все, о чем говорилось. Однако рассказ о языке жестов вызвал у него смутное волнение. Чувствуя на себе пристальные взгляды всех обитателей стоянки, Эйла сделала некий жест – строго выверенное движение.

Озадаченно нахмурившись, мальчик неловко попытался скопировать его. И тогда вдруг из сокровенных глубин его существа к нему пришло древнее родовое знание, и лицо его озарилось светом понимания. Он быстро сделал совершенно правильный жест, и Эйла, улыбнувшись, кивнула ему. Потом мальчик повернулся к Неззи и повторил этот жест. Она взглянула на Эйлу.

– Он сказать тебе «мама», – пояснила Эйла.

– Мама? – потрясенно повторила Неззи, она на мгновение зажмурила глаза, пытаясь сдержать счастливые слезы, и нежно прижала к себе ребенка, которого полюбила с момента его появления на свет. – Талут! Ты видел? Ридаг только что сказал «мама». Я даже не мечтала, что доживу до того дня, когда Ридаг назовет меня мамой.

Глава 4

Настроение на стоянке было подавленное, все точно онемели, не зная, что сказать; умы и души находились в полном смятении. Кем же на самом деле были эти чужаки, так внезапно появившиеся в их краях? Мужчине, заявлявшему, что он пришел из далеких западных земель, было легче поверить, чем женщине, что она прожила три года в соседней долине. Но самым невероятным было то, что прежде она жила в стаде плоскоголовых. История этой женщины угрожала разрушить стройный и привычный мир их понятий и представлений, однако трудно было усомниться в ее правдивости.

Расчувствовавшись после первого молчаливого слова ребенка, Неззи со слезами на глазах понесла Ридага в кровать. Все остальные восприняли это как знак того, что вечер рассказов закончился, и начали разбредаться по своим очагам. Эйла воспользовалась этой возможностью, чтобы незаметно выскользнуть из земляного дома. Натянув свою парку – теплую меховую куртку с капюшоном, – она вышла на свежий воздух.

Уинни, узнав ее, тихо заржала. Неуверенно нащупывая путь в темноте, следуя на звук лошадиного фырканья, Эйла дошла до своих питомцев.

«Как дела, Уинни? Вам с Удальцом хорошо здесь? Наверное, не лучше, чем мне». Эйла мысленно обращалась к лошадям, используя также особый язык, на котором обычно общалась с ними. Вскинув голову, Уинни радостно погарцевала вокруг своей хозяйки и положила голову ей на плечо. Эйла обхватила руками лохматую шею и уткнулась лбом в теплую шкуру лошади, которая так долго была ее единственным другом. Удалец топтался возле них, и они постояли немного, прижавшись друг к другу, забыв на время о всех странных событиях этого дня.

Убедившись, что с лошадьми все в порядке, Эйла спустилась к самому берегу реки. Здесь, вдали от людей, от их шумного жилища, царило удивительное спокойствие. Она вздохнула полной грудью. Ночной воздух был сухим и прохладным. Когда Эйла откинула назад меховой капюшон, по ее волосам пробежали холодные синие искорки. Она подняла голову и задумчиво посмотрела на небо.

Новая луна, игнорируя бесчисленное космическое сообщество, повернула свой сияющий глаз к более далеким мирам, чьи движущиеся по кругу огоньки дразнили обещанием бесконечной свободы, но в реальности могли предложить лишь вселенскую пустоту. Высокая паутинка облаков ослабляла звездный свет, однако именно благодаря этой вуали более явно обозначались мерцающие ореолы созвездий, а припорошенные светло-серой пылью черные небеса казались более близкими и успокаивающими.

Эйла испытывала смятение, ее раздирали противоречивые чувства. Там, в земляном доме, жили Другие, которых она так долго искала. Они принадлежали к тому виду людей, среди которых она родилась. Если бы землетрясение не распорядилось иначе, она могла бы вырасти в подобном племени, в теплом, уютном доме. Но вместо этого ее вырастил клан. Она узнала обычаи клана, и теперь жизнь похожих на нее людей казалась ей чуждой. Конечно, она смогла выжить только благодаря клану. Однако сейчас она уже не могла вернуться туда и в то же время вовсе не была уверена, что сможет стать членом племени Других.

Эти люди слишком шумны и неорганизованны. Иза сказала бы, что они просто невоспитанны. Тот же Фребек, к примеру, встревает в разговор, когда ему заблагорассудится, не спрашивая разрешения, а потом все вдруг начинают говорить одновременно, пытаясь перервать друг друга. Она подумала, что даже Талут вынужден кричать, чтобы добиться порядка, хотя он – вождь этого племени. Брану никогда не приходилось так кричать. Его крик можно было услышать в единственном случае – если он хотел предупредить кого-то о надвигающейся опасности. Каждый член клановой семьи всегда четко осознавал присутствие вождя. И Брану достаточно было сделать одно легкое движение, чтобы завладеть вниманием любого человека.

Ей также не нравилось, как мамутой отзывались о членах клана, называя их плоскоголовыми или стадом животных.

«Почему так трудно понять, что они – тоже люди? – думала Эйла. – Возможно, немного иного склада, но такие же разумные существа. Неззи понимала это. Несмотря на суждения своих сородичей, она знала, что мать Ридага была женщиной и что дитя, которому она дала жизнь, – вполне нормальный младенец. Хотя, конечно, в нем смешались два духа, как в моем сыне и как в маленькой дочке Оды, которую я видела на Сходбище клана. Интересно, почему у той умершей женщины родился ребенок смешанных духов?.. Духи! Неужели действительно духи делают детей? Клан считает, что младенец начинает расти в животе женщины после того, как дух мужского тотема побеждает духа женского тотема. А Джондалар и мамутой верят, что Великая Земная Мать выбирает и смешивает дух мужчины и женщины и этот смешанный дух проникает в женское тело. Так кто же из них прав? Неужели только мне одной кажется, что именно благодаря мужчине, а вовсе не духу младенец начинает расти в животе женщины? И эта новая жизнь зарождается с помощью полового органа... с помощью мужского копья, или кудесника, как называл его Джондалар. Зачем же иначе мужчина и женщина делят дары Радости, сливаясь в единое целое? Когда Иза рассказывала мне об одном снадобье, то говорила, что оно укрепляет ее тотем и что у нее уже много лет нет детей, потому что она принимает этот настой. Может, так оно и есть, но ведь я не принимала его, пока жила одна, и все равно у меня не появилось ни одного ребенка. Нет, похоже, что новая жизнь не может зародиться сама по себе. Только после прихода Джондалара я вновь подумала о том, что стоит поискать то растение с яркими желтыми цветами и накопать корней антилопьего шалфея. После того как Джондалар показал мне, что при совокуплении можно не чувствовать боли, после того, как он показал, какие чудесные ощущения могут испытывать одновременно мужчина и женщина... Интересно, что будет, если я перестану принимать тайное снадобье Изы? Возможно, тогда во мне зародится новая жизнь? Возможно, у меня родится ребенок от Джондалара... если он введет свой мужской орган туда, откуда появляются дети...»

От этой мысли ее щеки окрасились ярким румянцем, и она почувствовала сладостное покалывание в отвердевших сосках груди. «Сегодня уже не удастся ничего выяснить, – подумала она, – ведь я выпила этот настой утром. Однако что будет, если завтра я заварю самый обычный чай? Смогу ли я тогда зачать ребенка от Джондалара? Хотя вовсе не обязательно ждать до завтра. У нас впереди есть сегодняшняя ночь...»

Эйла усмехнулась, осознав, к чему привели ее размышления: «Ты хочешь, чтобы он скорее обнял тебя, прижался губами к твоим губам и...» Она вздрогнула, предвкушая грядущие наслаждения, и, закрыв глаза, отдалась сладким чувственным воспоминаниям.

– Эйла! – вдруг крикнул чей-то беспокойный голос.

Она резко обернулась на этот звук. Погрузившись в мир внутренних ощущений, она не услышала приближения Джондалара, и тон его голоса совершенно не гармонировал с нахлынувшими на нее чувствами. Они мгновенно рассеялись, как волшебный сон. Джондалар явно чем-то обеспокоен, что-то тревожит его с самого начала, с тех пор как они прибыли на Львиную стоянку. Как же ей выяснить, в чем причина его тревоги?

– Да, это я, – сказала она.

– Что ты делаешь здесь? – раздраженно спросил он.

А что она могла делать?

– Я хотела почувствовать тишину, дышала свежим воздухом и думала о тебе, – ответила она, постаравшись дать как можно более исчерпывающий ответ.

Такое объяснение оказалось неожиданным для Джондалара, хотя он, в сущности, и сам толком не знал, какой ответ надеялся получить. Он никак не мог разрубить тугой узел гнева и тревоги, эти чувства будоражили все его существо с тех пор, как появился этот темнокожий мужчина. Эйла, похоже, нашла его очень привлекательным, и Ранек постоянно поглядывал на

нее. Джондалар пытался подавить свой гнев и убедить себя в том, что его собственное поведение просто глупо. Ей нужны новые друзья. Ведь он был всего лишь первым мужчиной, которого она узнала, но это вовсе не означало, что он останется единственным.

Однако, когда Эйла проявила явный интерес к прошлому Ранека, Джондалар весь вспыхнул от горячей ярости и одновременно содрогнулся от ледящего душу страха. Зачем она хотела узнать побольше об этом странном человеке, который так упорно разглядывал ее? Наверняка ее пленила его чужеземная внешность. И в тот момент высокий светловолосый мужчина едва смог подавить желание немедленно увести Эйлу от этих людей, а чуть позже сам расстроился из-за того, что едва не поддался этому собственническому порыву. Она имеет право выбирать себе друзей, и между ней и Ранеком были пока всего лишь приятельские отношения. Они ведь только разговаривали да смотрели друг на друга.

Когда Эйла одна вышла из дома, Джондалар, заметив, как сверкнули ей вслед черные глаза Ранека, быстро натянул свою парку и отправился за ней. Он увидел, что Эйла стоит у реки, и, сам не зная почему, внушил себе, что она думает о Ранеке. Поэтому ее ответ сначала поразил его, но затем он почувствовал облегчение и улыбнулся.

– Мне следовало помнить, что на свой вопрос я получу совершенно полный и честный ответ. Значит, ночная тишина и свежий воздух... ты – удивительная женщина, Эйла.

Она тоже улыбнулась ему, хотя не вполне понимала, что удивительного она сделала, но поскольку на его губах заиграла улыбка и голос вновь стал спокойным и радостным, то былое ощущение сердечной теплоты вернулось, и Эйла порывисто шагнула навстречу Джондалару. Несмотря на почти полную темноту и тусклый звездный свет, который позволял увидеть лишь общие очертания, Джондалар почувствовал скрытый смысл ее порыва и не замедлил с ответом. В следующее мгновение Эйла была уже в его объятиях, их губы встретились, и все сомнения и тревоги окончательно улетучились из ее головы. Она готова пойти за ним хоть на край света, жить с любимыми племенами, принять их странные обычаи и традиции, только бы Джондалар всегда оставался с ней.

Оторвавшись от его губ, Эйла, прищурившись, посмотрела на него:

– Помнишь, я спрашивала тебя о принятых у вас знаках? Что мне следует сказать, когда я хочу, чтобы ты обнял меня и пронзил своим мужским копьем?

– Да, помню, – криво усмехнувшись, ответил он.

– Ты сказал, достаточно поцелуя или просто просьбы. Я прошу тебя. Можешь ли ты поднять свое копье?

Она была на редкость серьезна и искренна и настолько соблазнительна в этот момент, что он склонил голову и нежно поцеловал ее; его лицо находилось так близко, что она почти видела яркую синеву его лучащихся любовью глаз.

– Эйла, моя смешная и прекрасная женщина, – сказал он. – Знаешь ли ты, как сильно я люблю тебя?

Но, обнимая ее, Джондалар вдруг почувствовал себя виноватым. Если он так любит ее, то почему его смущает ее прошлое? Когда Фребек, тот вздорный человек, с отвращением отшатнулся от нее, Джондалару хотелось провалиться сквозь землю. Ему вдруг стало стыдно, что он привел ее и что ее могут принять за его подругу. Спустя мгновение он уже ненавидел себя за это. Ведь он любит ее. Как же можно стыдиться женщины, которую любишь?

Тот темнокожий мужчина, Ранек, совершенно не стыдился проявлять свои чувства. Как он смотрел на Эйлу, сияя белозубой улыбкой и поедая ее горящими черными глазами, в которых было столько веселого обаяния и откровенного желания. Видя, как Ранек смотрит на Эйлу, Джондалар с трудом сдерживал себя, чтобы не наброситься на него с кулаками. И всякий раз, вспоминая об этих взглядах, он вновь закипал от гнева. Он так сильно любил ее, что ему была невыносима даже мысль о том, что она может предпочесть какого-то другого мужчину, кото-

рого не будет смущать ее прошлое. Он даже не предполагал, что вообще способен на такую безумную любовь. Но почему же тогда он стыдится своей возлюбленной?

Джондалар с жаром поцеловал ее, до боли сжимая в своих объятиях, и с почти безумным пылом покрыл поцелуями ее лицо и шею.

– Знаешь ли ты, милая, что чувствует человек, познавший наконец любовь? Эйла, ты даже представить не можешь, как сильно я люблю тебя.

Он был настолько серьезен и пылок, что она испытала какой-то болезненный страх – не за себя, а за него. Она любила Джондалара даже больше, чем могла выразить словами, но любовь, которую испытывал он к ней, была несколько иной. Его чувство было ненамного сильнее, но гораздо более требовательным и бросающимся в глаза. Казалось, он боится потерять то, что считал своим собственным завоеванием. Тотемы, а в особенности могущественные тотемы, открывали путь к знанию и испытывали избранных ими людей именно таким страхом. Эйла попыталась найти способ, позволявший изменить направление изливания столь горячих чувств.

– Я смогу представить это, когда твое копьё будет готово к бою, – сказала она с легкой усмешкой.

Но надежды Эйлы не оправдались, он не ответил на ее игривый тон. Вместо этого он начал неистово целовать ее, все крепче прижимая к себе, пока наконец Эйле не показалось, что сейчас у нее хрустнут ребра. Затем, зарывшись головой в ее парку, он проник под рубашку и, припав губами к ее груди, попытался развязать пояс, стягивавший ее кожаные штаны.

Никогда еще она не видела его таким неистовым и нетерпеливым, таким сгорающим от страсти. Обычно он бывал более нежным и внимательным к ее желаниям. Он знал ее тело лучше, чем она сама, и получал наслаждение от своих искусных любовных игр. Но на сей раз главным было его вожделение. Понимая, что ему нужно, она покорно отдалась на волю этого мощного изъясления его любви. Сейчас их чувственная жажда была одинаково сильной. Эйла ловко развязала пояс, и ее одежда упала на землю, затем помогла раздеться и ему.

Сама не сознавая как, она оказалась лежащей на жестком речном берегу. Бросив мимолетный взгляд на туманную звездную россыпь, Эйла закрыла глаза. Джондалар опустился на нее, их губы слились в страстном поцелуе, и его требовательный язык так жадно исследовал изгибы ее рта, словно хотел найти там то, что с такой же требовательностью искал его горячий и напряженный половой член. Эйла вся раскрылась ему навстречу; разведя бедра, она помогла ему погрузиться в ее влажные от желания глубины. Когда он вошел в нее, Эйла судорожно вздохнула и услышала какой-то сдавленный стон, затем, почувствовав, как он погружается все глубже, она выгнулась вперед.

Даже в своем неистовстве он с восхищенным изумлением подумал об Эйле, о том, как они потрясающе подходят друг другу, ее глубины точно соответствовали его размерам. Ее жаркое лоно полностью поглотило его член, и почти в тот же момент Джондалар почувствовал приближение кульминации. Краткое мгновение он пытался бороться с собой, но у него ничего не вышло. Полностью подчинившись своей страсти, он погрузился в нее вновь и вновь, овладевая ее лоном, и задрожал всем телом, ощущая близость неизъяснимого блаженства.

– О Эйла!.. – задыхаясь, воскликнул он. – О моя Эйла, моя милая Эйла! Я люблю тебя!

– Джондалар, Джондалар, Джондалар...

Наконец, освободившись от сокровенных соков, Джондалар со стоном зарылся лицом в ее волосы и опустошенно и обессиленно рухнул на нее, прижимая ее к земле. Эйла почувствовала, как острые камни впиваются в ее спину, но не обратила на это внимания.

Немного погодя он слегка приподнялся и с нежной озабоченностью взглянул на нее.

– Извини меня, – смущенно сказал он.

– Почему ты извиняешься?

– Все произошло слишком быстро, ты была еще не готова... Ты не смогла разделить со мной дар Радости.

– Я была готова, Джондалар. Я тоже обрела дар Радости. Ведь я сама попросила тебя. Моя Радость заключается в твоей Радости. Моя Радость в твоей любви, в твоём горячем чувстве ко мне...

– Но ты же не достигла наивысшей точки, не испытала всей полноты наслаждения, как я.

– Это не так уж важно. Я испытала другое чувство – чувство другой Радости. Разве я всегда должна достигать той наивысшей точки?

– Нет, наверное, нет, – задумчиво сказал он и добавил: – К тому же ночь еще только началась. Давай-ка поднимайся. Здесь довольно холодно. Пойдем лучше в дом, в нашу теплую постель. Диги и Бранэг наверняка уже лежат обнявшись за опущенным пологом. Ведь скоро им придется расстаться до будущего лета, и они явно жаждут остаться наедине друг с другом.

Эйла улыбнулась:

– Однако они не такие жадные, как ты. – Ей показалось, что он покраснел, хотя темнота и не позволяла видеть этого. – Я люблю тебя, Джондалар. Люблю всего тебя, все, что ты делаешь... Даже твою жадность... – Она отрицательно мотнула головой. – Нет, не так, это не то слово.

– Думаю, ты хочешь сказать слово «страстность».

– Я люблю даже твою страстность. Да, правильно. По крайней мере, твой язык я знаю лучше, чем язык мамутой. – Она помедлила. – Фребек сказал, что я неправильно говорю, Джондалар. Как ты считаешь, я смогу когда-нибудь научиться правильно говорить?

– Я тоже не совсем правильно произношу их слова. Ведь мой родной язык имеет свои особенности. А Фребек – просто вредный тип, от него одни неприятности, – сказал Джондалар, помогая ей встать. – И знаешь, что удивительно, в каждой пещере, на каждой стоянке, в любом племени обязательно есть подобный смутьян. Не обращай на него внимания, да и на других – тоже. Ты очень хорошо говоришь. Я восхищаюсь тем, как быстро ты усваиваешь языки. Скоро ты будешь говорить на языке мамутой гораздо лучше меня.

– Я должна правильно научиться произносить слова. У меня нет другого выхода, – мягко сказала она. – Здесь никто не говорит на языке жестов, к которому меня приучили с детства, а для клана я умерла. – Она на мгновение закрыла глаза, испытывая чувство мрачной опустошенности.

Отгнав эти грустные мысли, Эйла начала одеваться, но вдруг остановилась.

– Подожди-ка, – сказала она, вновь снимая свой наряд. – Очень давно, когда я достигла женской зрелости, Иза рассказала мне все, что следует знать женщине клана об интимных отношениях между мужчиной и женщиной, хотя она и сомневалась, что я когда-нибудь найду себе пару и что эти знания мне действительно понадобятся. Обычаи Других, конечно, могут быть совершенно иными, ведь даже свои чувства они проявляют иными способами, но это будет первая ночь, которую я проведу в жилище Других, и мне кажется, я должна совершить очистительный обряд после наших любовных развлечений.

– Что ты имеешь в виду?

– Я собираюсь искупаться в реке.

– Эйла, может, не стоит? Сейчас так холодно и темно. Это даже опасно.

– Я не буду заплывать далеко. Просто сполоснусь у берега, – сказала она, сбрасывая парку и снимая через голову нижнюю рубашку.

Река была уже по-осеннему холодной. Джондалар следил за Эйлой с берега, и ему достаточно было окунуть руку, чтобы понять, насколько там холодно. Ее желание совершить такое купание напомнило ему об очистительных обрядах, предшествующих ритуалу Первой Радости, и он решил, что легкое омовение ему тоже не повредит. Наконец продрогшая Эйла вышла из воды. Он принял ее в свои согревающие объятия, мохнатый бизоний мех его парки высушил ее тело, затем Джондалар помог ей надеть рубашку и парку.

Река вернула Эйле бодрость и свежесть, и, когда они вошли в земляное жилище, все ее тело приятно горело. Большинство людей уже улеглись спать. Красневшие в очагах угли были присыпаны золой, и голоса звучали приглушенно. Первый очаг оставался пустым, хотя на блюде еще лежали куски остывшего мамонтового жаркого. Когда они тихонько проходили через помещение Львиного очага, Неззи поднялась со своего места и задержала их.

– Эйла, я просто хотела поблагодарить тебя, – сказала она, бросив взгляд на одну из возвышавшихся у стены лежанок. Проследив за ее взглядом, Эйла увидела на широкой кровати очертания трех маленьких раскинувшихся тел, укрытых меховым покрывалом. Лэти и Руги делили это ложе с Ридагом. Дануг вольготно устроился на второй лежанке, а на третьей, вытянувшись во всю длину, лежал Талут. Он приподнялся на локте в ожидании Неззи и с улыбкой смотрел на Эйлу. Она кивнула ему и тоже улыбнулась, не вполне уверенная, правильно ли она поступила.

Неззи залезла под бочок к рыжеволосому гиганту, а гости двинулись к следующему очагу, стараясь ступать как можно тише, чтобы никого не потревожить. Эйла почувствовала на себе чей-то взгляд и посмотрела в сторону пристенных лежанок. В темном провале между створками полога виднелись два горящих глаза и белозубая улыбка. Заметив, как напряглась спина Джондалара, молодая женщина быстро отвела взгляд. Ей показалось, что она услышала тихий смех, но потом поняла, что это был храп, доносившийся с лежанки, расположенной у противоположной стены.

В помещении большого четвертого очага одна из кроватей была завешена тяжелой кожаной полстью, отгораживавшей ее от узкого центрального прохода. Судя по доносившимся оттуда звукам и шорохам, эта лежанка была уже занята. Эйла заметила, что большинство спальных мест в этом длинном доме имели подобные занавесы, крепившиеся к мамонтовым костям сводчатой стены или к вертикальным кольям, вкопанным в землю. Однако не все занавесы использовались. Кровать Мамута, темневшая у противоположной стены, была открыта. Старик лежал под покрывалом, но Эйла знала, что он не спит.

Джондалар зажег лучину от горячих углей очага и, прикрывая ее рукой, понес к изголовью выделенной им лежанки. Там, в стенной нише, находился довольно плоский камень с выдолбленным посередине чашеобразным углублением, наполовину заполненным жиром. Джондалар зажег фитиль, напоминавший сплетенную из травы косичку, и огонь этого каменного светильника озарил стоявшую за ним фигурку Великой Матери. Затем он развязал ремни, стягивавшие два створа кожного полога, и, когда они развернулись, скрыв их лежанку, Джондалар поманил к себе Эйлу.

Приподняв край занавеса, она проскользнула внутрь и залезла на возвышение, покрытое множеством меховых шкур. Усевшись в центре широкой лежанки, освещенной тускловатым, мерцающим светом и отгороженной занавесом, Эйла вдруг осознала, как надежно и уютно их маленькое ночное пристанище. Здесь они могли уединиться, забыв о существовании всего остального мира. Она вспомнила, как в детстве набрела на маленькую пещеру, где часто укрывалась потом, когда ей хотелось побыть в одиночестве.

– Какие они умные, Джондалар. Я и представить себе не могла, что можно придумать нечто подобное.

Джондалар вытянулся на постели рядом с ней, радуясь ее восторгу.

– Значит, тебе понравился этот полוג?

– О да. Это дает ощущение уединения, хотя ты и знаешь, что окружен людьми. Да, мне здесь нравится, – сказала она с сияющей улыбкой.

Приблизив Эйлу к себе, Джондалар нежно поцеловал ее и заметил:

– Эйла, ты так прекрасна, когда улыбаешься.

Она посмотрела на его лицо, озаренное внутренним светом любви: на его неотразимые ярко-синие глаза, которые в отблесках огня приобрели фиолетовый оттенок; на длинные бело-

курые волосы, разметавшиеся по меховому покрывалу; на волевой подбородок и высокий лоб, которые так сильно отличались от срезанных подбородков и покатых лбов членов клана.

– Почему ты обрезаешь бороду? – спросила она, дотрагиваясь пальцами до жесткой щетины на его подбородке.

– Не знаю. Наверное, просто привычка. Летом без нее прохладнее и щеки не так чешутся... А к зиме я обычно опять отпускаю ее. Она согревает лицо в мороз. А что, тебе не нравятся бороды?

Она недоуменно подняла брови:

– Но при чем тут я? Борода-то растет у мужчин, они и должны выбирать – брить ее или отпускать. Я спросила просто потому, что до встречи с тобой никогда не видела безбородых мужчин. А почему ты спросил, нравятся ли мне бороды?

– Потому что я хочу угодить тебе, чтобы ты была довольна. Если тебе нравится борода, то я ее отпущу.

– Это не имеет значения. Важна не твоя борода, а ты сам. Ты сам угождаешь мне... нет, не так. – Она расстроено покачала головой. – Ты даешь мне удовольствие... Радость... Ты сам удовлетворяешь меня... – сбивчиво говорила она, пытаясь подобрать более точное выражение.

Он усмехнулся ее неловким попыткам и невольной двусмысленности словесных оборотов.

– Мне бы хотелось пройти с тобой ритуал Первой Радости.

Он вновь обнял и поцеловал ее. Эйла уютно устроилась у него под боком, но Джондалар вдруг перевернулся на живот и, приподнявшись, заглянул ей в глаза.

– Я хочу повторить нашу первую ночь, – прошептал он. – Теперь для этого созданы все условия, и даже доний наблюдает за нами.

Он повернул голову в сторону ниши, где за каменным светильником стояло символическое изваяние женщины-матери, вырезанное из бивня мамонта.

– И это будет первая ночь... в племени Других, – закрыв глаза, пробормотала Эйла, осознавая важность этого момента и испытывая радостное волнение.

Обняв ладонями ее лицо и поцеловав сомкнутые веки, Джондалар посмотрел на Эйлу нежным любящим взглядом, думая, что в жизни не видел никого красивее этой женщины. Она немного отличалась от женщин зеландонии. У Эйлы были более высокие скулы и широко расставленные глаза, обрамленные пушистыми ресницами, хотя ее густые волосы золотились, как зрелые осенние травы. Четко очерченное лицо заканчивалось упрямым, немного заостренным подбородком.

На изгибе ее шеи, у самой ключицы, виднелся маленький прямой шрам. Слегка коснувшись его губами, Джондалар почувствовал, как она вздрогнула от неожиданного удовольствия. Вновь приподнявшись и взглянув на ее лицо, он поцеловал кончик ее узкого прямого носа и уголок полных губ, чуть изогнувшихся в обещании улыбки.

Он чувствовал ее внутреннее напряжение.словно маленькая колибри, она была неподвижна, но полна трепетного волнения, которое можно было только почувствовать; ее глаза были по-прежнему закрыты, и она заставляла себя лежать спокойно и ждать. Джондалар немного понаблюдал за ней, продлевая сладостное предвкушение, затем поцеловал ее губы и, приоткрыв их, провел языком по изгибам ее рта, чувствуя, что это ей понравилось. На сей раз он был не напористым завоевателем, а нежным любовником, который вел ее в неизведанный мир наслаждений и побуждал к ответным ласкам.

Не отрывая от нее взгляда, Джондалар сел на постели, Эйла открыла глаза и улыбнулась ему. Он снял свою рубаху и помог ей освободиться от туники. Мягко опустившись вместе с ней на меховое ложе, он припал губами к ее отвердевшему соску и начал посасывать его. Она судорожно вздохнула, ощущая, как острые стрелы желания пронзили ее тело. Почувствовав

теплую влагу, смочившую ее ноги, она с удивлением подумала, почему так происходит. Ведь Джондалар даже не коснулся ее лона, а только дотронулся до груди.

Он ласкал и слегка покусывал ее, пока Эйла наконец не прогнулась ему навстречу, тогда он перешел к более решительным действиям. Она постанывала от наслаждения. А Джондалар занялся другой грудью, проводя языком по ее пышной округлости и набухшему бутону соска. Дыхание Эйлы стало прерывистым и затрудненным. Он оставил в покое ее грудь и, покрыв поцелуями шею, стал покусывать мочку уха; его дыхание щекотало чувствительную кожу ушной раковины, а ладони поглаживали ее плечи и груди. Все ее тело уже трепетало от чувственного наслаждения.

Джондалар вновь запечатлел поцелуй на ее губах, и его влажный теплый язык скользнул вниз по подбородку, пробежал по шее, по ложбинке между грудями и остановился на маленьком углублении пупка. Его кудесник уже начал наполняться сокровенными соками и упрямо рвался на свободу из тесной одежды. Но Джондалар сначала развязал ее пояс и, стянув с нее кожаные штаны, вновь склонился к ее пупку, продолжая двигаться в том же направлении. Он лизнул ее мягкие лобковые волосы и спустился ниже. Коснувшись языком маленькой отвердевшей выпуклости, Джондалар почувствовал, как вздрогнуло все ее тело, и отклонился назад. Эйла слабо вскрикнула, испытывая легкое разочарование.

Развязав собственный пояс, Джондалар снял штаны, выпустив наконец из темницы свой рвущийся на волю член. Эйла взяла его в руку, и ее трепетные пальцы начали поглаживать восставшую и наполненную соками мужскую плоть, пробегая по всей ее длине и лаская мягкую кожу. Джондалару было приятно, что его размеры не пугали ее, как это не раз случалось со многими женщинами, видевшими его в моменты возбуждения. Эйла склонилась к нему, и он почувствовал, как ее теплый рот вобрал в себя его отвердевший член. В этот момент Джондалар порадовался, что уже успел утолить свою безумную любовную жажду на берегу реки и теперь мог вполне контролировать себя.

– Эйла, сейчас мой черед подарить тебе Радость, – сказал он, мягко поднимая ее голову.

Она взглянула на него потемневшими от страсти, горящими глазами, потом понимающе кивнула и поцеловала его. Удерживая ее за плечи, Джондалар опустил Эйлу на меховое покрывало и вновь покрыв поцелуями ее губы, лицо и шею, усиливая ее восприимчивость к дарам Радости. Обхватив ладонями ее груди, он попеременно сосасывал соски, затем его язык опять соскользнул в разделявшую их ложбинку и, направившись к пупку, начал двигаться вокруг него по расходящейся спирали, пока не достиг мягких волосков на легком всхолмлении.

Раздвинув ее бедра, Джондалар слегка развел руками мягкие складки и припал губами к сокровенной влаге. По ее телу пробежала дрожь сильнейшего наслаждения, и она закричала, прогибаясь ему навстречу. Джондалар ощутил, что скоро уже не сможет сдерживать нарастающее желание. Ему нравилось доставлять ей Радость, чувствовать, как ее тело откликается на его искусную любовную игру. Это любовное искусство было сродни его профессиональному мастерству. Работая с кремнем, он испытывал радость, откалывая тонкие ровные пластинки. И он был по-настоящему счастлив, сознавая, что с ним Эйла впервые познала истинную Радость. До этого ей приходилось испытывать лишь боль и насилие, и именно он пробудил в ней способность воспринимать дар Радости, которым Великая Земная Мать наделила Своих детей.

Джондалар нежно прикоснулся к ней, исследуя малейшие изгибы ее тела и выясняя наиболее чувствительные точки; он возбуждал в ней желание, щекоча ее влажным языком и проникая ловкими пальцами в сокровенные глубины. Когда, откинувшись на меховое ложе, Эйла начала двигаться ему навстречу, он понял, что она готова принять его. Она судорожно дышала, убыстряя движения, и Джондалар, обнаружив, что сам уже не в силах сдерживаться, задействовал наконец своего восставшего кудесника. Его сокровенные соки уже жаждали выхода, когда она прикоснулась к нему рукой и воскликнула:

– Джондалар... О-о-о... Джондалар!..

Эйла уже не осознавала ничего, кроме него, кроме его восставшего мужского естества. Она хотела его, хотела ощутить в себе всю его полноту. Почти бессознательно она направила его, помогая найти верный путь, и наконец он вошел в нее, чувствуя приближение высшего наслаждения. Чуть отклонившись назад, он вновь и вновь погружался в нее, проникая все глубже и глубже; ее глубины полностью соответствовали его размерам.

Движения Джондалара были пока не слишком быстрыми, ему хотелось, чтобы она тоже приблизилась к этой высшей точке. Он намеренно продлевал эти мгновения, словно хотел, чтобы они никогда не кончались, однако он не в силах был больше ждать. Каждый новый толчок мог завершиться кульминацией. В слабо мерцающем свете их блестящие от пота тела слаженно двигались, инстинктивно выбирая новый ритм этого постепенно ускоряющегося животворного биения.

Тяжело дыша, они полностью отдались во власть всепоглощающего напряженного движения, объединив все свои силы и желания, мысли и чувства. Затем, почти неожиданно, эта напряженность резко возросла, и сладостная чувственная волна вдруг вознесла их обоих на вершину бесконечного блаженства. И в последнем напряжении сил они, казалось, пытались продлить ощущение этого полнейшего слияния, но вот их мышцы расслабились и тела замерли в блаженном покое.

Они неподвижно лежали, восстанавливая дыхание; потрескивающий, ослабевший огонек светильника внезапно вспыхнул последний раз и погас окончательно. Спустя некоторое время Джондалар приподнялся и лег рядом с ней, пребывая в каком-то блаженном туманном состоянии – между сном и бодрствованием. Но Эйла была еще вполне бодр, ее открытые глаза с легким волнением вглядывались в темноту; впервые за долгие годы она слышала в ночи звуки людских голосов.

Тихое воркование, видимо, принадлежало жениху и невесте, которые обосновались на соседней лежанке, а с противоположной стороны слышалось неглубокое, свистящее дыхание уснувшего шамана. Из помещения следующего очага доносился мужской храп, а из первого очага – периодические восклицания и стоны Талута и Неззи, явно обменивавшихся дарами Радости. В другой стороне заплакал ребенок. Затем раздался чей-то успокаивающий голос, и плач внезапно прекратился. Эйла улыбнулась: можно было не сомневаться, что младенца приложили к материнской груди. Чуть дальше определенно шел какой-то спор, гневные голоса взвились в последнем приглушенном крике негодования и тоже затихли. А из последнего очага доносилось лишь частое сухое покашливание.

Самым ужасным временем ее одинокой жизни в долине были именно ночи. Днем она всегда могла найти себе какое-то приятное или полезное занятие, но по ночам застывшая пустота пещеры действовала ужасно угнетающе. Поначалу, слыша только звук собственного дыхания, Эйла даже боялась уснуть, и сны ее были очень тревожными. В пещере клана было всегда многолюдно, и худшими из возможных наказаний считались изгнание и смертное проклятие, когда человека обрекали на одиночество и полные опасностей скитания.

Эйла на собственной шкуре убедилась, что это было действительно ужасное наказание. И в данный момент она понимала это лучше, чем когда-либо. Сегодня Эйла впервые встретила с людьми, которых в клане называли Другими, и сейчас, лежа в темноте, слыша звуки окружавшей ее жизни и тихое дыхание Джондалара, она наконец почувствовала себя дома.

– Джондалар? – тихо позвала она.

– Хм...

– Ты уже спишь?

– Нет, не совсем еще, – пробормотал он.

– Они очень приятные люди. Ты был прав. Мне действительно нужно было прийти сюда и познакомиться с ними.

Его затуманенное сознание мгновенно прояснилось. Он всем сердцем надеялся, что, встретившись с похожими на нее людьми и познакомившись немного с их жизнью, она перестанет так сильно бояться их и поймет, что они совсем не страшные. Джондалар странствовал уже много лет. Путешествие в родные края обещало быть долгим и трудным, и ему хотелось, чтобы она сама решила уйти туда вместе с ним. Но пока родным домом для нее была ее долина. Там имелось все необходимое для выживания, ей удалось даже создать свой маленький мир, отсутствие людей в котором заменялось дружелюбными животными. Эйле не хотелось покидать этот мир; более того, ей хотелось уговорить Джондалара остаться.

– Я знал, Эйла, что они понравятся тебе, – убедительно произнес он, – когда ты узнаешь их получше.

– Неззи напоминает мне Изу. Как ты считаешь, почему такой ребенок, как Ридаг, мог родиться у той женщины из клана?

– Кто может знать, почему Великая Мать дала ей ребенка смешанных духов. Пути Великой Матери неисповедимы.

Эйла немного помолчала.

– Не думаю, что она забеременела оттого, что Великая Мать соединила духов разных людей. Мне кажется, в этом был замешан мужчина из племени Других.

Джондалар нахмурился:

– Я знаю, ты считаешь, что мужчины каким-то образом способствуют зарождению новой жизни, но как могла самка плоскоголовых познать мужчину?

– Да, это непонятно, ведь женщины клана никогда не ходят поодиночке и сторонятся Других. И, кроме того, мужчины клана всегда оберегают своих женщин. По их представлениям, дети зарождаются с помощью духа мужского тотема, и они не хотят, чтобы дух мужчины из племени Других оказался слишком близко. Да и сами женщины опасаются этого. На Сходбищах клана всегда рассказывали новые истории о том, какие несчастья случились по вине Других, особенно с женщинами.

– Но ведь мать Ридага не боялась Других, – продолжила Эйла. – Неззи говорила, что она следовала за ними два дня, а потом послушно отправилась в лагерь вслед за Талутом. Любая другая женщина клана просто убежала бы от него. Должно быть, она раньше знала кого-то из Других, и он обошелся с ней хорошо или, по крайней мере, не причинил ей вреда, раз она не испугалась Талута. Конечно, ей была необходима помощь, но почему она решила искать ее у Других?

– Может, она просто увидела, что Неззи кормит младенца? – предположил Джондалар.

– Может быть. Но это не объясняет, почему она бродила в одиночестве. И я могу придумать единственное тому объяснение. Она была проклята и изгнана из своей семьи. Женщин клана проклинаят крайне редко. Им вообще не свойственно применять такое наказание к своим соплеменникам. Скорее всего, в этой истории замешан мужчина Других...

Эйла помедлила немного и задумчиво добавила:

– Наверное, мать Ридага очень хотела, чтобы ее ребенок появился на свет. Надо было набраться большой смелости, чтобы приблизиться к Другим, даже если она знала кого-то из них раньше. И это случилось после того, как она поняла, что у нее будет ребенок и что этот ребенок будет отличаться от людей клана. Они, так же как и вы, не любят детей смешанных духов.

– Как ты можешь быть так уверена, что она знала какого-то мужчину, не принадлежавшего к клану?

– Она пришла к Другим, чтобы родить ребенка, а это означает, что в клане отказались помочь ей и она по каким-то причинам надеялась получить помощь от Талута и Неззи. Не знаю, когда именно все это произошло, но я уверена, что у нее был мужчина из племени Других,

который разделил с ней дары Радости... или, может быть, просто взял ее силой. Да, Джондалар, она знала, что вынашивает и родит от него ребенка.

– Но почему ты думаешь, что именно благодаря мужчине зарождается новая жизнь?

– Ты сам поймешь это, Джондалар, если хорошенько подумаешь. Вспомни того подростка, что вернулся сегодня домой, Дануга. Он выглядит в точности как Талут, только гораздо моложе. И я считаю, что именно Талут положил начало его жизни, когда они с Неззи делили дары Радости.

– Если все обстоит так, как ты говоришь, то скоро у них появится еще один ребенок, поскольку они с Талутом опять делили дары Радости. Однако я не уверен в этом, – сказал Джондалар. – Мужчины и женщины часто делят дары Радости. Они ниспосланы нам Великой Земной Матерью, и чем чаще ты пользуешься ими, тем больше почитаешь Ее. Однако женщины получают Ее дары часто, а рожают редко. Нет, Эйла, если мужчина ценит дары Великой Матери, почитает Ее, то Она может выбрать его дух и смешать его с духом его жены. Тогда, если будет избран именно его дух, ребенок окажется похожим на него, как Дануг похож на Талута, но решает все только Великая Мать.

Эйла нахмурилась в темноте, мучительно размышляя над вопросом, на который пока не могла найти ответа.

– Не знаю, почему женщина рождает детей так редко. Может, для зарождения новой жизни надо несколько раз разделить дары Радости, а возможно, для этого надо выбрать определенное время. Может быть, нужно, чтобы дух мужского тотема обрел особое могущество, чтобы победить духа женского тотема, или, может быть, выбор остается за Великой Матерью, но все же Она выбирает определенного мужчину и придает его кудеснику животворную силу. Ты же не можешь с уверенностью сказать, каким образом Она осуществляет свой выбор. Разве ты знаешь, каким образом смешиваются духи? Возможно, они смешиваются внутри женщины, когда она делит дары Радости с мужчиной.

– Никогда не слышал ничего подобного, – сказал Джондалар, – но я думаю, это вполне возможно. – Теперь он, задумчиво нахмурив брови, уставился в темноту. Джондалар молчал так долго, что Эйла уже подумала, не заснул ли он, но наконец услышала его голос: – Эйла, если то, что ты говоришь, правда, то ты вскоре можешь зачать ребенка, ведь мы часто делим с тобой дары Великой Матери.

– Да, я думаю, так оно и будет, – сказала Эйла, с восторгом воспринимая эту мысль.

– Тогда нам нельзя больше делить Ее дары! – резко приподнимаясь, воскликнул Джондалар.

– Но почему? Я хочу зачать от тебя ребенка, Джондалар. – Голос Эйлы звучал явно расстроено.

Джондалар перевернулся на живот и обнял ее.

– И я хочу того же, только сейчас – неподходящее время. Нам предстоит долгое путешествие. Пройдет год, а то и больше, прежде чем мы доберемся до моего дома. И этот путь будет вдвойне опасен, если в тебе начнет расти ребенок.

– А разве мы не можем просто вернуться на время в мою долину? – предложила она.

Такое предложение встревожило Джондалара. Он подумал, что если они вернутся в ее долину, чтобы она могла спокойно родить ребенка, то уже не уйдут оттуда никогда.

– Нет, Эйла, мне кажется, что это неразумно. Там нас будет всего двое. И я не смогу помочь тебе. Нужно, чтобы рядом были женщины. Порой роды проходят трудно, и женщина может даже умереть, – сказал он искаженным от боли голосом. Не так давно он был свидетелем такого случая.

Эйла понимала, что он прав. Она сама едва не умерла, рождая сына. Если бы не Иза, возможно, она и не выжила бы. Похоже, действительно сейчас не время заводить детей, даже от Джондалара.

– Видимо, ты прав, – сказала Эйла, испытывая горькое разочарование. – Возможны разные осложнения... Я... мне хотелось бы, чтобы рядом были женщины, – согласилась она.

Джондалар вновь надолго умолк.

– Эйла, тогда, может быть... – начал он нерешительно, срывающимся от напряжения голосом, – может быть, нам не следует спать с тобой в одной постели... ведь мы... Хотя, с другой стороны, деля дары Радости, мы воздаем честь Великой Матери, – с тяжелым вздохом пробурчал он.

Эйла не могла объяснить ему, почему они могут и дальше делить с ним дары Радости. Иза велела ей никому не рассказывать о тайном снадобье, и в особенности мужчинам.

– Мне кажется, тебе не надо беспокоиться об этом, – сказала она. – Ведь я не уверена, что именно мужчина помогает зачать ребенка, а если выбор остается за Великой Матерью, то Она может сделать его в любое время, разве не так?

– Да, именно это и тревожит меня. Однако, если мы будем пренебрегать Ее дарами, Она может разгневаться. Мы должны всячески почитать Ее.

– Джондалар, раз уж наша судьба в Ее руках, то пусть Она и решает ее. Мы найдем какой-нибудь выход, если Она остановит свой выбор на нас. Я не хочу обижать Ее, отказываясь от даров Радости.

– Действительно, ты права, Эйла, – с некоторым облегчением произнес Джондалар.

С глубоким сожалением Эйла решила, что ей придется продолжить прием снадобья, предотвращающего зачатие, однако этой ночью ей снилось, что у нее родилось много детей: одни – светловолосые и голубоглазые, а другие – похожие на Ридага и Дарка. И только под утро ее сон вдруг стал совершенно иным, зловещим и исполненным какого-то таинственного духовного смысла.

Она увидела во сне двух своих сыновей, двух братьев, которые даже не подозревали о том, что они братья. Один был высокий и белокурый, как Джондалар, а в другом она узнала Дарка, хотя его лица ей не удалось разглядеть. Два брата шли навстречу друг другу по бескрайней, голой и продуваемой ветрами степи. Она почувствовала безотчетную тревогу, должно было случиться нечто ужасное, нечто такое, чего она не могла предотвратить. Затем она с ужасом поняла, что один из ее сыновей может убить другого. Видя, что они сошлись совсем близко, она попыталась добежать до них, но вдруг на пути ее выросла густая и вязкая стена. Там, за туманной пеленой, они уже стояли друг против друга, угрожающе поднимая руки. Эйла отчаянно закричала...

– Эйла! Эйла! Что с тобой? – спрашивал Джондалар, трясая ее за плечи.

Внезапно рядом с ними появился Мамут.

– Проснись, дитя! Просыпайся! – воскликнул он. – Это всего лишь знак... Некое послание свыше. Проснись, Эйла!

– Но один из них умрет! – в отчаянии кричала она, продолжая пребывать под впечатлением сна.

– Значение твоего сна может быть совсем другим, Эйла, – успокаивающе сказал Мамут. – Совсем не обязательно, что... один из братьев будет убит. Ты должна научиться понимать истинный смысл своих снов. У тебя есть священный дар. Он очень велик, но тебе недостает знаний.

Сознание Эйлы прояснилось, и она увидела двух высоких мужчин, склонившихся над ней, два озабоченных лица: одно – молодое и красивое, а второе – старое и мудрое. Джондалар держал разожженный факел, полагая, что свет скорее вернет ее в реальный мир. Она приподнялась на локтях и попыталась улыбнуться.

– Ну что, все в порядке? – спросил Мамут.

– Да, да... Мне жаль, что я разбудила вас, – произнесла Эйла на языке зеландонии, забыв, что шаман не сможет понять ее.

– Не волнуйся, мы поговорим обо всем позже, – с мягкой улыбкой сказал Мамут и направился к своей лежанке.

Джондалар предложил ей тоже еще немного поспать, и, забираясь под покрывало, Эйла успела заметить, что приоткрывшиеся было пологи у других лежанок вновь плотно закрыты. Испытывая смущение оттого, что стала причиной ночного переполоха, она прижалась к боку Джондалара, положив голову на его предплечье. «Как хорошо, что он так любит меня, что он здесь, рядом со мной», – успокоенно думала Эйла, вновь погружаясь в сон, как вдруг глаза ее удивленно раскрылись.

– Джондалар, – прошептала она, – как Мамут узнал, что мне снилось, будто мои сыновья встретились и один из них может убить другого?..

Но Джондалар уже крепко спал.

Глава 5

Внезапно что-то разбудило Эйлу; продолжая неподвижно лежать под покрывалом, она напряженно прислушивалась к тишине. И вдруг отчетливо услышала чьи-то громкие стенания. Казалось, кто-то стонет от невыносимой боли. Обеспокоенная, она приподняла край занавеса и взглянула в ту сторону, откуда доносились стоны. В проходе шестого очага с воздетыми вверх руками стояла Крози, всем своим видом показывая, как она несчастна, и явно рассчитывая вызвать сочувствие.

– Он разобьет мое сердце! Он убьет меня! Этот негодяй настраивает против меня мою собственную дочь! – прижимая руки к сердцу, вопила Крози, точно она уже умирала. Несколько человек обернулись и посмотрели на нее. – О-о-о! Я отдала ему свою собственную плоть... Мою плоть и кровь...

– Отдала!.. Да ты пока еще ничего не дала мне! – орал Фребек. – А вот я отдал тебе Брачный выкуп за Фрали.

– Хорошенький выкуп! Да там и посмотреть-то не на что. Я могла бы получить за нее гораздо больше, – огрызнулась Крози; ее сетования были не более искренними, чем стенания. – Она пришла к тебе с двумя детьми. Разве это не доказательство благосклонности к ней Великой Матери? Ты унизил ее достоинство своими жалкими подарками. И, мало того, ты унизил и ее детей. Взгляни на нее! Великая Мать вновь благословила ее ребенком! Конечно, я отдала ее, бедняжку, за тебя, потому что душа у меня добрая да жалостливая...

– И потому, что никто не хотел брать Крози в придачу к ее дважды благословенной дочери, – добавил чей-то голос, прерывая ее монолог.

Эйла обернулась, чтобы выяснить, кто это сказал. На нее с улыбкой смотрела молодая женщина, та, что примеряла вчера красивое праздничное платье.

– Если у тебя есть желание еще поспать, то ты можешь спокойно забыть о них, – сказала Диги. – Что-то они сегодня начали браниться спозаранку.

– Нет, пора вставать, – сказала Эйла. Ее взгляд скользнул по проходу между очагами. Лежанки уже опустели, и, кроме Крози и Диги, она больше никого не заметила. – И Джондалар уже вставать, – добавила она, взяв свои одежды и начиная одеваться. – Я просыпаться от сна, подумать, что женщина больна.

– О нет, она вполне здорова. По крайней мере – на вид. А вот кого и правда стоит пожалеть, так это Фрали, – сказала Диги. – Она, бедняжка, мечется между двух огней.

Эйла понимающе покачала головой:

– Почему они кричат?

– Не знаю почему, только ругаются они постоянно. Я думаю, каждый из них старается перетянуть Фрали на свою сторону. Крози уже стара и боится, что Фребек может подорвать ее влияние, а Фребек упорно добивается поддержки Фрали. Раньше он имел очень низкий статус, но теперь не хочет терять завоеванного положения. Фрали повысила его статус, хотя Брачный выкуп за нее был довольно низок.

Гостья слушала с явной заинтересованностью, и Диги, сама воодушевленная темой разговора, присела на лежанку, поджидая, пока Эйла оденется.

– Честно говоря, я не думаю, что она прогонит его. Мне даже кажется, она любит его, несмотря на то что он порой может быть таким противным. Не так-то легко найти другого мужчину – такого, кто захочет принять ее мать. Все знают, чем кончилось дело в первый раз, и больше никто не пожелает связываться с Крози. Эта старуха может вытянуть все жилы, угрожая, что уведет свою дочь. Именно по ее вине Фрали считают незавидной невестой. Я бы очень не хотела оказаться в подобной ситуации. Но мне повезло. Даже если мы не станем строить

новое жилище на пару с моим братом, а поселимся на обжитой стоянке, то моей матери, Тули, везде будут рады.

– Значит, твоя мать идти с тобой? – озадаченно спросила Эйла. Она привыкла к тому, что жена переходит жить в семью мужа, но впервые слышала, что мать должна перейти вместе с дочерью.

– Мне бы очень этого хотелось, но я думаю, что она не согласится. Скорее, она предпочтет остаться здесь. Я не могу винить ее. Конечно, лучше быть главой на собственной стоянке, чем просто жить в семье дочери где-то в другом месте. Хотя я наверняка буду скучать без нее.

Эйла слушала как зачарованная. Она не поняла половину из того, что наговорила Диги, и была совсем не уверена, что правильно усвоила остальное.

– Да, грустно покидать мать и своих сородичей, – сказала Эйла, – но ведь ты скоро будешь иметь мужа.

– О да. Следующим летом, на Летнем сходе, мы пройдем Брачный ритуал. Моя мать окончательно договорилась обо всем. Разумеется, она установила ужасно высокий Брачный выкуп, и я боялась, что они никогда не согласятся. Но все закончилось хорошо. Хотя знаешь, как трудно дожидаться лета. Вот если бы Бранаг мог пожить у нас подольше. Но его ждут дома. Он обещал вернуться как можно скорее и...

Две молодые женщины, увлеченные беседой, медленно шли к выходу из длинного земляного дома, правда, болтала в основном Диги, а Эйла с жадностью ловила ее слова.

В помещении Входного очага было довольно холодно, но, когда распахнули занавес сводчатого дверного проема, Эйлу встретил поток еще более холодного воздуха, и она поняла, как резко изменилась погода. Морозный ветер, отбросив назад ее волосы, ворвался с новой неожиданной силой, взметнув тяжелую мамонтовую шкуру. За ночь земля покрылась легкой снежной пылью. Своенравные вихревые потоки воздуха, играя легкими снежными крупинками, то собирали их в складках и впадинах почвы, то вычерпывали их обратно и переносили на новые места. Лицо Эйлы мгновенно запылало, обожженное острыми ледяными укусами.

Однако в земляном жилище было очень тепло, гораздо теплее, чем в любой пещере. Она надела меховую парку только перед выходом; за этими толстыми стенами верхняя одежда ей вряд ли понадобилась бы. Эйла услышала беспокойное ржание Уинни. Лошадь и жеребенок, по-прежнему привязанные к чахламу деревцу, старались держаться как можно дальше от людей, занятых утренними делами. Она направилась к ним, затем обернулась и с улыбкой посмотрела на Диги. Молодая женщина понимающе улыбнулась ей в ответ и отправилась искать Бранага.

Почувствовав приближение хозяйки, кобыла, похоже, сразу успокоилась и приветливо заржала, взмахивая головой. Эйла сняла с Удальца недоуздки, и они все втроем пошли вдоль по берегу в сторону речной излучины. Когда стоянка скрылась из виду, Уинни и Удалец окончательно успокоились, и после привычного обмена ласками Эйла оставила их на поляне, где лошади могли подкрепить свои силы подмерзшей сухой травой.

Прежде чем пойти назад к стоянке, Эйла задержалась возле кустов и развязала пояс, чтобы снять узкие штаны и справить нужду; пока еще она не могла толком сообразить, как лучше сделать это, не замочив одежду. Эта проблема возникла совсем недавно, когда она облачилась в новые одеяния, которые сшила по образцу одежды Джондалара, починив его рваные львиными когтями кожаные штаны и рубашку. Однако надела она эти вещи всего несколько дней назад, перед отправлением в их пробное путешествие. Джондалар очень обрадовался, увидев ее в новом наряде, и она решила навсегда отказаться от своей удобной кожаной накидки – традиционной одежды, которую носили женщины клана. Вот тогда-то и возникли некоторые сложности. Она пока никак не могла понять, как легче справиться свои естественные потребности, но не хотела спрашивать об этом Джондалара. Он ведь – мужчина, откуда ему знать, что в данном случае должна делать женщина.

Не видя иного выхода, она сначала сняла кожаные чулки – высокие мокасины, охватывающие нижние концы узких брюк, – а уж потом и сами брюки. После чего Эйла расставила ноги и облегчилась, встав в привычную ей позу. Балансируя на одной ноге, она начала было вновь одеваться, однако, глянув на волнистую речную гладь, изменила свои намерения. Стянув через голову парку и рубашку и сняв висевший на шее амулет, молодая женщина спустилась к воде, решив, что следует завершить очистительный ритуал. Кроме того, ей всегда нравились утренние купания.

Она хотела также прополоскать рот и вымыть лицо и руки в речной воде. К сожалению, ей было неизвестно, какие средства используют мамутой для умывания. Конечно, Эйла могла обходиться и без купания в те времена, когда кучи плавника были занесены снегом и топливо приходилось экономить, а вода превращалась в лед и нужно было откалывать от него куски, чтобы согреть чаю. Но все же ей гораздо больше нравилось быть чистой. К тому же в уголке ее сознания еще таилась мысль о надлежащем ритуале – очистительном омовении, которое следовало совершить как после первой ночи в пещере, так и после ночи в земляном жилище Других.

Эйла окинула взглядом широкую реку. Глубоководный поток двигался быстро и свободно, но спокойное мелководье уже застилала прозрачная ледяная поверхность, обрамленная снежной коркой. Изгибающаяся береговая полоса, покрытая редкими пучками заиндевевшей сухой травы, узкой отмелью вдавалась в реку, образуя тихую заводь. На этой илистой отмели росла единственная карликовая береза, скорее напоминающая куст, чем дерево.

Подойдя к этой илистой косе, Эйла шагнула в воду, разбив вдребезги тончайший прозрачный слой льда. Вода была обжигающе холодной, и Эйла, задрожав всем телом, судорожно вздохнула и схватилась за скелетоподобную ветку чахлой березки, чтобы чувствовать себя более уверенно на этом скользком дне. От резкого порыва морозного ветра ее голое тело покрылось гусиной кожей, длинные пряди волос с силой хлестнули по лицу. Сжав стучавшие от холода зубы, она пошла на глубину. Войдя в реку по пояс, Эйла плеснула себе в лицо ледяной водой, затем, с очередным судорожным вздохом, она быстро шагнула вперед и погрузилась в воду по шею.

Несмотря на все эти невольные вздохи и содрогания, Эйла привыкла к холодной воде и сейчас с грустью думала о том, что довольно скоро придется распрощаться с речными купаниями до следующего лета. Выйдя на берег, она смахнула с себя остатки влаги и быстро оделась. Когда она поднималась по речному склону, холодное оцепенение уже сменилось приятным теплом, давая удивительное ощущение бодрости и новизны жизни, и молодая женщина радостно улыбнулась тусклому солнышку, выглянувшему на мгновение из-за плотного слоя облаков.

Эйла подошла к стоянке и остановилась на краю утоптанной жилой площадки, примыкавшей к длинному холмообразному жилищу, и с интересом наблюдала за несколькими группами людей, которые занимались своими повседневными делами.

Джондалар разговаривал с Уимезом и Данугом, и можно было не сомневаться, что предметом разговора этой троицы является обработка кремня. Неподалеку от них четыре человека отвязывали веревки от выдубленной оленьей шкуры – сейчас уже мягкой, эластичной и почти белой кожи, – растянутой на прямоугольной раме из мамонтовых ребер, скрепленных ремнями. Рядом с ними стояла Диги, которая изо всех сил колошматила гладкой затупленной реберной костью по другой шкуре, закрепленной на подобной раме. Эйла умела выделять из высушенных жестких шкур мягкую кожу, но впервые видела, как кожу растягивают на рамах из костей мамонта. Поэтому она с интересом присматривалась, стараясь понять все тонкости этого метода.

По всему контуру кожи животного был нанесен ряд маленьких дырочек, затем через эти отверстия пропускались веревки, которые крепко привязывались к раме так, чтобы кожа

была туго натянута. Такую раму приставляли к стене земляного дома, чтобы кожаное полотно можно было обработать с двух сторон. Направив затупленную кость прямо на натянутую шкуру, Диги наваливалась на нее всем своим весом, точно хотела проткнуть ее насквозь, однако эластичный материал не рвался, а послушно растягивался.

Еще несколько человек занимались чем-то совсем непонятным для Эйлы, а остальные мамутой укладывали остатки мамонтового скелета в выкопанные ими ямы. Повсюду были разбросаны кости и бивни. Услышав чей-то призывный голос, она подняла голову и увидела Талута и Тули, которые подходили к стоянке, неся на плечах огромный изогнутый бивень мамонта вместе с черепом. Великое множество костей на этой жилой площадке вовсе не означало, что мамутой убили и съели такое же множество дичи. Здесь были кости, случайно найденные в степи, но основная масса костей скапливалась на крутых излучинах реки, куда стремительно несущийся водяной поток доставлял останки животных.

Оглянувшись вокруг, Эйла заметила еще одного маленького наблюдателя, следившего за жизнью стоянки. Улыбаясь Ридагу, она направились было к нему, но тут же застыла на месте, заметив, что он тоже улыбается ей. Люди клана никогда не улыбались. Если они и скалили зубы, то их лица при этом становились злыми и враждебными; кроме того, подобным образом они обычно выражали большую тревогу или страх. На первый взгляд эта полуулыбка-полуоскал мальчика показалась Эйле неуместной. Однако она тут же поняла, что ему известно лишь дружественное значение такого выражения лица, поскольку этот ребенок воспитывался не в клане.

– Доброе утро, Ридаг, – сказала она, одновременно делая один из приветственных жестов, который члены клана использовали в тех случаях, когда обращались к ребенку.

И вновь Эйла заметила проблеск понимания в его глазах. «Он все вспомнит! – подумала она. – Он обладает наследственной памятью, я уверена в этом. Он сразу узнает все эти знаки, надо только напомнить ему их. А я ничего не знала. Мне пришлось просто выучить этот язык».

Она вспомнила, как испугались Креб и Иза, обнаружив, что ей очень трудно дается язык, который с легкостью воспринимали все дети клана. Ей пришлось приложить немало усилий, чтобы выучить и запомнить все жесты, в то время как любой ребенок клана запоминал их с первого раза. Многие уже начали терять терпение, сочтя ее на редкость глупой, но постепенно она стала запоминать все гораздо быстрее и в итоге отлично освоила знаковый язык.

А Джондалар был поражен ее даром. Для обычных людей такая натренированная память была чудом и значительно убистряла процесс обучения. Он изумлялся тому, с какой легкостью Эйла запоминает новые слова, – казалось, это не составляет для нее никакого труда. Конечно, развить такую способность было нелегко, и хотя она действительно научилась схватывать все на лету, однако так и не поняла, какой памятью обладают члены клана. Никому из Других это не было присуще; именно такая особая память является главным отличием между этими двумя ветвями человеческого рода.

Люди клана представляли более древнюю ветвь, но их головной мозг был даже больше, чем у их потомков, и, в сущности, мыслительные способности клана были ненамного меньше, скорее это было мышление другого вида. Клан черпал свои знания из памяти, которую отчасти можно было назвать инстинктом, но только более осознанным инстинктом; эти люди с рождения имели в своей мозговой копилке все, что знали их предки. Им не надо было вновь познавать этот мир и учиться навыкам, потребным для жизни, – они все понимали. Дети нуждались только в том, чтобы им напомнили то, что они уже знали, и они с ходу привыкали к такому процессу. А взрослые знали, как следует открывать эту копилку наследственных знаний.

Они легко вспоминали, однако новые знания усваивали с огромным трудом. И если уж они выучили нечто новое – поняли новую идею или приняли новый обычай, – то уже никогда не забывали этого знания, передавая его из поколения в поколение. Правда, копилка их памяти наполнялась крайне медленно. Иза уловила отличие памяти Эйлы и, возможно, даже догадалась, в чем оно заключается, когда учила девочку лекарственному искусству. Этот странный

ребенок вспоминал не так быстро, как дети клана, но зато гораздо быстрее воспринимал все новое.

Ридаг сказал слово. В первый момент Эйла не поняла его, но затем узнала: это было ее имя! Он произнес ее имя на том молчаливом языке, который стал ей почти родным, на языке людей клана.

Подобно им, этот ребенок был не способен к четкой артикуляции речи; он мог издавать отдельные звуки, но в этом наборе не хватало некоторых важных составляющих, и из-за этого он не мог научиться произносить слова людей, с которыми жил. Эйла и сама до сих пор испытывала трудности в произношении слов, поскольку отвыкла пользоваться всем набором звуков, назначенных ей от природы. Именно ограниченные возможности речевого аппарата людей клана и их предков стали причиной возникновения и развития богатого и всеобъемлющего знакового языка – языка мимики, жестов и поз, позволявшего выразить все нюансы богатой и всеобъемлющей культуры клана. Ридаг понимал Других, понимал выросших его людей; ему была понятна сама идея языка. Он только не умел пока объяснить им этого.

Затем мальчик сделал жест, который вчера вечером изобразил Неззи; он обратился к Эйле как к матери. Эйла почувствовала, что сердце ее учащенно забилося. Последним, кто называл ее так, был ее сын, и Ридаг внешне так напоминал Дарка, что на мгновение ей даже показалось, что перед ней ее родной сын. Как бы ей хотелось, чтобы он действительно оказался Дарком, она жаждала обнять сына, прижать его к груди, произнести его имя. Зажмурив глаза, Эйла с трудом подавила дрожь, вызванную этими мечтами, и вернулась в мир реальности.

Открыв глаза, она увидела, что Ридаг смотрит на нее проницательным, не по-детски мудрым, сочувственным взглядом, казалось, он полностью понимал ее и знал, что она так же понимает его. Но как бы ей этого ни хотелось, Ридаг не мог стать Дарком. Он был похож на Дарка не больше, чем она – на Диги; он был Ридаг, и никто другой. Окончательно овладев своими чувствами, Эйла глубоко вздохнула.

– Ридаг, ты хочешь узнать новые слова? Новые ручные знаки? – спросила она.

Он усиленно закивал.

– Ты ведь уже запомнил слово «мать» прошлым вечером...

Он ответил ей, молча повторив тот знак, который так растрогал Неззи... да и саму Эйлу.

– А вот такой знак ты узнаешь? – спросила она, совершая приветственный жест, и заметила, что он старается вспомнить что-то, словно мысленно пробирается сквозь туман, скрывающий его знания. – Это знак приветствия, он означает «доброе утро» или «привет». А сейчас смотри, – она показала почти такой же, но более привычный для нее жест, – так здороваются старшие с младшими.

Ребенок сосредоточенно нахмурил брови и, изобразив похожий жест, радостно взглянул на нее, оскалив зубы в своей пугающей улыбке. Затем повторил оба жеста, подумал немного и, сделав третий, вопросительно посмотрел на нее, не уверенный в собственных знаниях.

– Да-да, все правильно, Ридаг! Я – женщина, как и твоя мать, и именно так приветствуют взрослых женщин. Ты вспомнил!

Неззи заметила, что Эйла и Ридаг сидят рядышком. Бывало, Ридаг, забыв о своем хрупком здоровье, увлекался какой-то игрой и пытался сделать то, что было ему не под силу; конечно, Неззи очень беспокоилась за него и поэтому всегда держала мальчика в поле зрения, чтобы вовремя помочь ему в случае необходимости. Направившись к этой жестикулирующей парочке, она старалась понять, чем занимаются ее мальчик и эта молодая женщина. Эйла подняла глаза и, заметив выражение недоумения и любопытства на лице Неззи, решила приобщить ее к учебе.

– Я показываю Ридагу язык клана, его родной язык, – объяснила Эйла, – он сможет говорить с помощью рук, как вчера вечером.

Ридаг широко улыбнулся, обнажив свои необычно большие для ребенка зубы, и обратился к Неззи, сделав знак рукой.

– Что это означает? – спросила она, переведя взгляд на Эйлу.

– Ридаг говорит: «Доброе утро, мама», – перевела молодая женщина.

– «Доброе утро, мама»? – Неззи сделала движение, отдаленно напомилавшее точный и обдуманый жест Ридага. – И вот это означает: «Доброе утро, мама»?

– Нет. Садись с нами, и я все покажу тебе. – Эйла сделала правильный знак. – Такой жест означает «Доброе утро», а вот такой, – она слегка изменила движение, – означает «Доброе утро, мама». Он может точно так же обратиться ко мне, подразумевая, что я – взрослая женщина. А ты должна обратиться к нему по-другому, вот так, – Эйла немного изменила движение руки, – и тогда ты скажешь ему: «Доброе утро, малыш!» А вот так, – сказала она, показав очередной вариант, – ты скажешь: «Доброе утро, сынок». Поняла?

Эйла повторила все вариации приветственного жеста, а Неззи, внимательно понаблюдав за ней, сделала еще одну неловкую попытку. Конечно, движения ее рук еще были неуверенными и не очень точными, однако и Эйла, и Ридаг догадались, что она пыталась сделать жест, означавший «Доброе утро, сынок».

Мальчик шагнул к сидевшей на земле матери и порывисто обнял ее за шею. Неззи прижала его к себе и зажмурила глаза, стараясь сдержать подступившие слезы. Эйла с удивлением отметила, что глаза Ридага тоже увлажнились.

Никто из членов клана Брана, кроме нее, не умел плакать, не мог выразить слезами свои чувства, которые тем не менее были столь же сильными. И ее маленький сын в полной мере унаследовал от нее лишь речевые способности; у Эйлы по-прежнему болезненно сжималось сердце, когда она вспоминала, как он кричал при расставании с ней... Но Дарк не мог облегчить свое горе слезами. И Ридаг, подобно своей родной матери, не мог говорить, однако сейчас мальчика переполняло чувство любви к Неззи, и в его глазах блестели слезы.

– Как жаль, что прежде я не умела говорить с ним, – сказала Неззи, – хотя я точно знала, что он все понимает.

– Ты хочешь узнать новые ручные знаки? – мягко спросила Эйла.

Все еще прижимая мальчика к груди, женщина просто кивнула; в данный момент она не доверяла своему голосу, боясь, что с трудом сдерживаемые чувства прорвутся наружу. Эйла показала другой набор знаков и их варианты, а Неззи и Ридаг сосредоточенно смотрели на нее, пытаясь уловить все нюансы. Обучение шло полным ходом. Лэти и Руги, дочери Неззи, а с ними и младшие дети Тули – Бринан и его маленькая сестра Тузи, которая была примерно одного возраста с Руги и Ридагом, – подошли выяснить, что происходит. Чуть погодя к ним присоединился семилетний сын Фрали, Кризавек. И вскоре вся компания уже была увлечена изучением этого странного языка, казавшегося новой чудесной игрой под названием «Говорящие руки».

Большинство игр, в которые играли дети мамутой, были недоступны Ридагу, однако в этой игре он превзошел всех. Эйла просто не успевала за ним. Как только она показывала ему один знак, он тут же вносил в него собственные изменения, придававшие этому знаку новые оттенки смысла. У Эйлы возникло ощущение, что все эти жесты действительно хранились в темной кладовке его памяти и поджидали лишь оживляющего луча света, чтобы Ридаг смог разглядеть богатые запасы собственных знаний.

И самое главное, что его сверстники тоже осваивали язык жестов. Впервые в своей жизни Ридаг мог полностью выразить свои мысли, и ему хотелось, чтобы эта игра никогда не кончалась. Дети, с которыми он вырос, с радостью восприняли его выдающиеся способности к ручному разговору с помощью знаков. Они и раньше умели общаться с ним и понимали, что у него есть свои особенности, из-за которых он не может нормально говорить. Однако дети не могли согласиться с предубеждением взрослых, считавших, что Ридагу просто не хватает

ума. И Лэти, как это зачастую бывает со старшими сестрами, уже много лет «переводила его тарабарщину» на язык, понятный взрослым обитателям стоянки.

Процесс обучения шел полным ходом, постепенно дети поняли, что новая игра достаточно сложна, и увлеклись ею еще больше. Эйла заметила, что Ридаг уже исправляет их жесты, а они выясняют у него правильное значение ручных знаков и жестов. Наконец-то он мог занять достойное место в компании своих сверстников.

По-прежнему сидя рядом с Неззи, Эйла наблюдала за детьми, общавшимися на языке знаков. Она улыбнулась, представив, что бы подумала Иза о детях Других, которые говорили на языке клана и одновременно смеялись, выкрикивая непонятные слова. «Наверное, – решила Эйла, – мудрая целительница смогла бы разобраться в такой путанице».

– Да, должно быть, ты права. Это его родной язык, – сказала Неззи. – Просто удивительно, как быстро он все воспринимает. Я и не подозревала, что у плоско... как ты называешь их?

– Клан. Они говорят: «Мы – члены клана». Это означает... семья... люди... разумные существа. Например, клан Пещерного Медведя, то есть племя, которое почитает Великого Пещерного Медведя. А вы говорите: «Мамутой, охотники на мамонтов, которые почитают Великую Мать», – ответила Эйла.

– Клан... Я не знала, что они могут так говорить, даже не представляла, что можно так много сказать с помощью ручных знаков... И мне еще не приходилось видеть Ридага таким счастливым... – Женщина нерешительно умолкла, и Эйла почувствовала, что та хочет сказать еще что-то важное, но не знает, как лучше выразиться. Она молча ждала, давая Неззи возможность собраться с мыслями. – Я удивилась, что ты так быстро приняла его, – продолжала Неззи. – Некоторые люди вообще отказываются признавать его за человека, а большинство просто чувствуют себя неловко рядом с ним. А ты отнеслась к нему так, словно давно знаешь его.

Изучающе глядя на старшую женщину, Эйла медлила с ответной репликой, не уверенная в том, стоит ли рассказывать сейчас о своем прошлом. Наконец, приняв решение, она сказала:

– Когда-то я знала ребенка, похожего на него... моего сына. Моего сына Дарка.

– Твоего сына! – Неззи была потрясена, но Эйла не заметила в ее голосе и тени того отвращения, которое было столь очевидным в голосе Фребека, когда он прошлым вечером высказывался о плоскоголовых и о Ридаге. – У тебя был смешанный сын? Где же он? Что с ним случилось?

Лицо Эйлы помрачнело, в глазах вспыхнула затаенная боль. Живя одна в своей долине, она старалась как можно реже думать о сыне, глубоко запрятав эти воспоминания на самое дно своей памяти, но вид Ридага разбередил ее душу. А вопросы Неззи застали ее врасплох и вытолкнули эти горькие воспоминания и чувства на поверхность, и сейчас Эйла была вынуждена противостоять им.

Неззи, как все мамутой, отличалась прямоотой и откровенностью и не могла удержаться от вопросов, если что-то вдруг искренне заинтересовало ее. Однако при этом она не была лишена чуткости.

– Извини меня, Эйла. Мне следовало подумать, прежде чем...

– Не волнуйся, Неззи, – сказала Эйла, стараясь сдержать слезы. – Я понимаю, что у тебя будут вопросы, когда сказать о сыне. Это... очень больно... вспоминать о Дарке.

– Может быть, ты не хочешь говорить о нем?

– Когда-нибудь надо рассказать об этом. – Эйла помолчала и начала свою историю: – Дарк живет в клане. У меня была мать Иза, как ты для Ридага. Когда она умирать, то говорить мне, чтобы я шла на север искать мое племя. Уйти из клана и найти Других. Тогда Дарк был еще младенец. Я не ушла. Потом, когда Дарку быть три года, Бруд заставил меня уйти. Я не знать, где жить Другие. Я не знать, куда мне идти, и я не могла взять Дарка. Я отдала его Убе... моей сестре. Она любить Дарка и заботиться о нем. Теперь он – ее сын.

Эйла умолкла, Неззи тоже молчала, не зная, что сказать. В голове ее крутилось множество вопросов, но она видела, с какой болью эта молодая женщина говорит о любимом сыне, которого ей пришлось покинуть, и не хотела усугублять ее страдания. Однако Эйла продолжила рассказ по собственному почину.

– Уже три года я не вижу Дарка. Он расти большой... Ему сейчас уже шесть лет. Может быть, как Ридагу...

Неззи кивнула:

– Да, Ридагу еще не исполнилось семи лет.

Эйла помолчала, казалось погрузившись в раздумья. Затем сказала:

– Ридаг напомнить мне Дарка, но они разные. Глаза у Дарка – такие же, как у членов клана, а рот – как у меня... – Она усмехнулась. – Нет, надо сказать по-другому. Дарк умеет произносить слова, может разговаривать, а люди клана – не могут. Лучше бы Ридаг говорить, а он не может. И Дарк – сильный, здоровый. – Взгляд Эйлы стал отсутствующим. – Он бегать быстро. Он стать лучший бегун... Будет Удалец, как говорить Джондалар. – Когда она вновь осмысленно посмотрела на Неззи, глаза ее были полны печали. – Ридаг – слабый с рождения... У него слабое?... – Она прижала руку к груди, не зная нужного слова.

– Да, иногда у него болезненное дыхание, – сказала Неззи.

– Нет, болезнь – не дыхание. Болезнь – кровь... нет... не сама кровь... бум-бум-бум... – сказала она, постукивая кулаком по левой части груди. Эйла вновь расстроено умолкла, не зная слова.

– Ты хочешь сказать «сердце», – поняла наконец Неззи. – Так и Мамут говорит. У мальчика слабое сердце. Но как ты узнала?..

– Иза знала болезни, она была целительницей. Самой лучшей целительницей клана. Она учила меня как дочь. Я стать целительницей.

«Джондалар говорил, что Эйла – целительница», – вспомнила Неззи. Она тогда еще удивилась, что плоскоголовые думают о лечении болезней, она также не представляла, что они могут говорить. Но, с детства зная Ридага, Неззи понимала, что он – не глупое животное, как считало большинство людей, хотя и не может внятно говорить, как все дети. «Эйла, конечно, не Мамут, – подумала Неззи, – но, может быть, не обязательно быть шаманом, чтобы разбираться в болезнях?»

На землю перед ними легла чья-то тень, и обе женщины удивленно подняли глаза. Увлеченные разговором, женщины не заметили приближения подростка.

– Эйла, Мамут велел мне спросить, не хочешь ли ты прийти побеседовать с ним, – сказал Дануг. – Ридагу страшно понравилась новая ручная игра, которую ты показала ему. Лэти все рассказала мне. Ридаг хочет, чтобы я попросил тебя научить и меня тоже каким-нибудь знакам.

– Да-да, я научить и тебя. Я научить любого.

– Я тоже хочу узнать много твоих знаков, – сказала Неззи, когда обе женщины поднялись с земли.

– Утром? – спросила Эйла.

– Да, завтра утром. Но послушай, ведь ты, наверное, еще ничего не ела. Надо сначала немного подкрепиться, – сказала Неззи. – Пойдем со мной, я знаю, чем угостить тебя, и Мамута тоже.

– Я проголодалась, – откликнулась Эйла.

– И я тоже, – добавил Дануг.

– А когда ты бываешь сыт? Я думаю, вы с Талутом сможете съесть на двоих целого мамонта и все равно останетесь голодными, – шуточно заметила Неззи, с гордостью поглядывая на своего рослого и здорового старшего сына.

Когда Эйла и Неззи во главе с Данугом направились в сторону земляного жилища, то их уход был воспринят как сигнал того, что пора отложить все дела и немного подкрепиться;

поэтому остальные мамутой тотчас потянулись следом за ними. Все снимали верхние одежды и вешали их на стенные крючки в прихожей. Наступило время обычной ежедневной утренней трапезы, которую можно было готовить либо у своих семейных очагов, либо разводить огонь в просторном помещении общей кухни, где вокруг центрального очага темнели углубления нескольких маленьких очажков. Одни довольствовались холодными остатками вчерашнего мамонтового жаркого, а другие подкрепляли свои силы похлебкой, приготовленной из мяса и рыбы, в которую для аромата добавлялись коренья и овощи, а для густоты – горсти зерен, вышелушенных из колосьев диких степных злаков. Но даже если процесс приготовления еды проходил у семейных очагов, в конце концов большинство людей собиралось у общего очага, чтобы попить горячего чаю и обсудить какие-то вопросы перед очередным выходом из дома.

Эйла сидела рядом с Мамутом и с большим интересом наблюдала за действиями окружающих. Шум от громких разговоров и смеха вновь поразил ее, однако она уже немного привыкла к нему. Гораздо больше ее поражало то, что женщины на равных общаются с мужчинами. Казалось, у этих людей не существует никакой жесткой иерархии, никаких четких правил общежития, касавшихся приготовления и потребления пищи. Каждый самостоятельно накладывал себе еду, за исключением тех женщин и мужчин, которые помогали маленьким детям.

Джондалар, подойдя к Эйле, медленно опустился на циновку рядом с ней, проделав это с особой осторожностью, так как обе его руки были заняты не слишком удобной чашкой с горячим мятным чаем. Этот не пропускающий воду сосуд был сделан из медвежьей травы, его зигзагообразное узорное плетение подчеркивалось контрастным сочетанием цветов, однако этой чашке без ручки явно не хватало жесткости формы.

– Ты встал сегодня совсем рано, – сказала Эйла.

– Мне не хотелось тебя будить, ты так сладко спала.

– Я проснулась от стонов и криков и подумала, что кто-то заболел. Но Диги сказать мне, что эта старуха... Крози... всегда разговаривает с Фребеком на повышенных тонах.

– Да, это был горячий спор, я слышал его даже снаружи, – сказал Джондалар. – Может быть, Фребек и смутьян, но я не спешил бы обвинять его. Эта неугомонная старуха верещит, как сойка. Не знаю, как с ней можно ужиться?

– Я подумала, что кто-то заболел, – задумчиво повторила Эйла.

Джондалар недоуменно взглянул на нее, не понимая, зачем она повторяет свое ошибочное предположение о болезни.

– Ты права, Эйла, – вставил свое слово Мамут, – старые раны иногда долго болят.

– Диги жалеет Фрали. – Эйла повернулась к Мамуту, почувствовав, что наступил удобный момент для начала разговора; у нее накопилось много вопросов, но она не хотела выдавать свое полное невежество. – Что такое Брачный выкуп? Диги говорила, что Тули запросила высокий Брачный выкуп за нее.

Мамут не спешил с ответом, тщательно обдумывая, с чего начать, поскольку хотел, чтобы его поняли. Эйла выжидающе смотрела на седовласого старца.

– Я мог бы обойтись простым и кратким ответом, Эйла, однако это понятие включает в себя гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Долгие годы я размышлял над смыслом этой традиции. Ее не так-то легко понять и объяснить самому себе и своим людям, даже если ты – шаман и все приходят к тебе за ответами. – Прикрыв глаза, Мамут сосредоточенно сдвинул брови и начал с вопроса: – Ты понимаешь, что такое статус или положение человека в своем племени?

– Да, – ответила Эйла. – Статус вождя в клане выше, чем у главного охотника и его подопечных. Мог-ур тоже имеет высокий статус, только совсем иного рода. Он... ведает духовным миром.

– А женщины?

– Все женщины имеют статус жены, но у целительницы – особый статус.

Ответ Эйлы удивил Джондалара. Она рассказывала о плоскоголовых много удивительных вещей, но ему с трудом верилось, что они могут строить свою жизнь на основе сложных понятий иерархии.

– Все понятно, – сказал Мамут и продолжил познавательную беседу: – Мы почитаем Великую Мать, создательницу и покровительницу всего живого: людей, животных и растений, рек, морей и скал, лугов, лесов и всех земных угодий. Она прародительница всей жизни, создавшая наш мир. Когда, испрашивая позволения на охоту, мы взываем к духу мамонта, к духу оленя или бизона, мы сознаем, что именно дух Великой Матери даровал им жизнь. Ее дух сотворит и нового мамонта, оленя или бизона вместо тех, что Она отдаст нам в пищу.

– А мы говорим, что это – дар Жизни Великой Матери, – понимающе заметил Джондалар. Он с интересом слушал Мамута, сравнивая верования мамутой и зеландонии.

– Мут, Великая Мать, наделила женщин особым даром, чтобы показать нам, каким образом Она обретает силу духа для сотворения новой жизни взамен той, которую Она забирает обратно к Себе, – продолжал старый шаман. – Когда подрастают наши дети, они узнают об этом из легенд, сказаний и песен, но я не буду пока рассказывать их, Эйла. Конечно, все мы любим послушать эти легенды даже в преклонном возрасте, но тебе сейчас необходимо понять их происхождение и скрытый смысл, чтобы постичь истоки многих наших традиций. У нас женщина-мать имеет высокий статус, а Брачный выкуп показывает, как высоко мы ценим ее.

Эйла слегка кивнула, она сидела точно завороченная и с напряженным вниманием слушала шамана. Джондалар пытался как-то рассказывать ей о Великой Матери, однако логичные объяснения Мамута были гораздо легче для понимания.

– Когда женщина и мужчина решают соединить свои жизни, то жених и его стоянка присылают многочисленные подарки матери его избранницы и ее стоянке. Ценность этих подарков устанавливает сама мать или вожди – словом, решается вопрос: как много требуется подарков для выкупа невесты? случается, что выкуп назначает сама невеста, но для этого должны быть особые причины, а не просто ее прихоть. Любая женщина хочет, чтобы ее оценили как можно выше, однако выкуп не должен быть слишком большим, иначе избранный ею мужчина и его стоянка просто не смогут или не пожелают заплатить его.

– Но почему женщину надо выкупать? – спросил Джондалар. – Разве она может служить предметом торговли, как соль, кремь или янтарь?

– Ценность женщины совсем иного свойства. Принося Брачный выкуп, мужчина получает привилегию жить с женщиной. И богатый Брачный выкуп взаимовыгоден. Чем он богаче, тем выше статус женщины: по нему судят о том, как высоко ценит женщину, во-первых, ее будущий муж, а во-вторых – ее собственная стоянка. Кроме того, стоянка жениха может снижать всеобщую известность и завоевать уважение, если ценность их даров будет достаточно велика. С другой стороны, стоянка жениха оказывает почет и уважение стоянке невесты, и Брачный выкуп служит своего рода компенсацией на тот случай, если молодая женщина покидает родные места. Ведь она может уйти к очагу мужа или их семья может основать новую стоянку. Однако важнее всего то, что богатые дары со стороны стоянки жениха показывают, как велико богатство и благополучие его племени. Когда в семье рождаются дети, то они наследуют статус матери, поэтому высокий Брачный выкуп выгоден и для них. К тому же Брачный выкуп состоит из богатых подарков, и часть их будет отдана молодой паре, чтобы у них было с чего начинать совместную жизнь. И все же главное в том, что он определяет статус, ту высокую оценку, которую дает молодой женщине ее родная и все прочие стоянки племени мамутой, и этот статус распространяется на ее мужа и детей.

Эйла выглядела озадаченной, а Джондалар согласно кивал, быстро воспринимая объяснения Мамута. Некоторые детали и тонкости, конечно, не совпадали, но, в сущности, родственные отношения в племени зеландонии строились на тех же основах.

– А каким образом вы оцениваете ценность женщины при назначении Брачного выкупа?

– Величина Брачного выкупа зависит от многих обстоятельств. Мужчина, естественно учитывая собственные возможности, стремится найти женщину с наиболее высоким статусом, поскольку он покидает семью матери и его новое положение будет определяться статусом будущей жены, которая, возможно, уже стала или станет матерью. Женщина, уже подтвердившая свои способности к деторождению, имеет более высокую ценность, поэтому невеста с детьми – предпочтительнее. Мужчины, преследуя собственную выгоду, зачастую стремятся увеличить ценность будущей невесты; два жениха, претендующие на женщину высокого статуса, могут объединить свои усилия, если все трое придут к соглашению, – и при этом Брачный выкуп за нее становится еще выше. Иногда один мужчина может соединиться с двумя женщинами, обычно такое случается, если две сестры не хотят расстаться друг с другом. Тогда их семья получит новый статус, соответствующий положению более уважаемой сестры, и это взаимовыгодно, так как и сам мужчина получает дополнительное преимущество. Вступая в такой двойной брак, он показывает, что способен обеспечить двух женщин и их будущих детей. Рождение девочек-двойняшек считается особым даром Великой Матери, поэтому такие девушки редко расстаются друг с другом.

– Когда мой брат нашел себе невесту в племени шарамудои, он стал родственником женщины по имени Толи из племени мамутои. Однажды она рассказывала мне, что ее как бы «украли» из родного племени, правда с ее собственного согласия.

– Да, мы торгуем с этим племенем, но у нас разные традиции. Толи была женщиной высокого статуса. Отдавая ее в чужое племя, мы лишались не только высокочтимой женщины – хотя они и заплатили богатый Брачный выкуп, но одновременно лишались и того статуса, который она унаследовала от матери и должна была передать своему мужу и детям, поскольку у шарамудои все эти понятия имеют иное значение. Такую потерю невозможно возместить шикарными подарками. В сущности, ее статус действительно украли у нас. Однако Толи любила того молодого человека из племени шарамудои и решила стать его женой, поэтому нам пришлось согласиться на то, чтобы ее «украли».

– Почему Диги говорит, что мать Фрали понижает ценность Брачного выкупа? – спросила Эйла.

Старец задумчиво посмотрел на нее и поудобнее устроился на своей циновке. Он понимал, к чему ведет ее вопрос, и ответить на него было не так-то легко. Большинство людей воспринимали их обычаи чисто интуитивно и не могли объяснить их так же четко и ясно, как Мамут. Многие на его месте с неохотой пустились бы в объяснения, касавшиеся их верований, суть которых порой была затемнена неверными толкованиями. Они даже боялись, что излишне откровенный и подробный рассказ о культурных традициях может принизить таинственное могущество высших сил. И сам шаман неохотно говорил об этом, однако он уже составил определенное мнение об Эйле и хотел, чтобы она как можно быстрее усвоила первопричины и поняла историю их традиций.

– Мать может перейти жить в очаг любого из своих детей, – сказал он. – Обычно такое случается, когда женщина становится старой, и чаще всего старые женщины предпочитают жить на одной стоянке со своей дочерью. Ее муж также живет с ней, однако он вправе уйти на стоянку своей матери или жить с сестрой, если захочет. Мужчина зачастую тесно связан с детьми своей жены, детьми своего очага, так как он долго живет с ними и воспитывает их, но его наследниками являются дети его сестры, и они должны позаботиться о его старости. Как правило, к старикам относятся с большим уважением, но, к сожалению, такое бывает не всегда. Фрали – единственный ребенок Крози, остальные уже умерли, и поэтому теперь где будет жить ее дочь, там будет жить и она. Жизнь Крози была нелегкой, и старость отрицательно сказалась на ее характере. Она властная и упрямая, и мало кто хочет делить с ней очаг. Ей пришлось

понизить цену Брачного выкупа своей дочери после того, как первый муж Фрали умер, и это обострило ее недовольство и мучения.

Эйла понимающе кивнула и сосредоточенно нахмурилась.

– Иза рассказывала мне о старой женщине, которая жила в очаге Брана до моего появления. Она перешла к ним из другого очага. Ее статус был самым низким, но ее приняли в очаг Брана, и она до конца жизни имела кров, пищу и место у огня. Если бы у Крози не было Фрали, куда бы она пошла?

Мамут немного подумал, прежде чем ответить. Ему хотелось дать Эйле совершенно честный ответ.

– Положение Крози оказалось бы довольно сложным, Эйла. Если человек совсем не имеет родственников, то обычно его принимает какой-нибудь очаг, но Крози так неуживчива, что мало кто согласится принять ее. Вероятно, она нашла бы поначалу кров и пищу на любой стоянке, но спустя некоторое время племя могло бы отказаться от нее, как сделали там, где они жили до смерти первого мужа Фрали... Да и сам Фребек не слишком приятен в общении, – с неодобрением продолжал старец. – У его матери был низкий статус, достоинств у нее было очень мало, если не считать таковым склонность устраивать скандалы, а с таким наследством ему трудно было начинать жизнь. Его родная стоянка не захочет принять Крози, там не особенно расстроились из-за его ухода. Они вообще отказались платить. Вот почему Брачный выкуп за Фрали был таким низким. И здесь они живут только благодаря Неззи. Она убедила Талута выступить в их защиту, и им разрешили остаться на нашей стоянке. Хотя многие вовсе не рады общению с ними.

Эйла кивнула, осознав сказанное. Объяснения шамана немного прояснили положение.

– Мамут, а какое...

– Нуви! Нуви! О Великая Мать! Она задыхается! – раздался вдруг женский крик.

Несколько человек окружили трехлетнюю девочку, которая сдавленно кашляла и захлебывалась слюной, пытаясь нормально вдохнуть. Кто-то похлопал ребенка по спине, но это не помогло. Остальные просто стояли, обступив девочку, и давали разные советы, однако все жутко перепугались, видя, что ей становится все хуже.

Глава 6

Быстро пробежав по проходу, Эйла протиснулась сквозь толпу и, увидев, что девочка уже теряет сознание, подняла ее и, положив к себе на колено, запустила палец ей в рот, чтобы выяснить, чем забито горло. Но такое исследование не принесло результата, поэтому, поднявшись на ноги и обхватив Нуви одной рукой за талию, Эйла перевернула ее вниз головой, так что маленькие ручки бессильно повисли вниз, а затем сильно ударила девочку ладонью по спине между лопаток. Затем Эйла обхватила обмякшее тельце ребенка и сильно встряхнула.

Все стояли чуть поодаль и затаив дыхание следили за молодой женщиной, которая, похоже, знала, что надо сделать, чтобы устранить пробку, забившую горло девочки, и отчаянно боролась за ее жизнь. Та уже не дышала, хотя сердце еще слабо билось. Эйла положила малышку на спину и опустилась рядом с ней на колени.

Заметив поблизости сброшенную детскую парку, Эйла подложила ее под шею девочки, при этом голова ребенка слегка откинулась назад и рот приоткрылся. Затем, зажав пальцами носик, женщина прижалась губами ко рту ребенка и сделала очень глубокий и долгий вдох, создавая мощное отсасывающее воздействие. Она продолжала втягивать воздух, хотя сама едва не задышалась.

И вдруг с приглушенным отрывистым звуком какой-то предмет влетел в рот женщине, едва не застряв в ее собственном горле. Эйла подняла голову и выплюнула большой мясной хрящ. Набрав в грудь побольше воздуха, Эйла откинула назад падавшие на лицо волосы и вновь прижалась губами к посиневшему рту девочки, вдыхая в ее неподвижные легкие оживляющий воздух. Маленькая грудь слегка приподнялась. Эйла повторила эту процедуру несколько раз.

Наконец девочка вновь закашлялась, разбрызгивая слюну, и затем сделала самостоятельно глубокий свистящий вдох.

Когда дыхание Нуви окончательно восстановилось, Эйла помогла ей сесть и только тогда заметила, что рядом с ними облегченно всхлипывает Трони, уже не чаявшая увидеть свою дочку живой.

* * *

Эйла натянула через голову свою парку и, отбросив назад капюшон, окинула взглядом длинный земляной дом. В помещении очага Зубра, завершавшем ряд, возле костра стояла Диги; зачесав назад густые каштановые волосы, молодая женщина скручивала их в пучок и одновременно разговаривала с кем-то, кто сидел на лежанке за ее спиной. За последние несколько дней Эйла и Диги успели подружиться и обычно по утрам вместе выходили из дома. Воткнув костяную шпильку – длинную, гладко отполированную иглу, выточенную из бивня мамонта, – в скрученные на затылке волосы, Диги обернулась к Эйле и крикнула:

– Подожди меня, я уже иду.

Трони сидела в помещении пятого очага, соседствующего с очагом Мамонта, и кормила Харгала. Она улыбнулась, когда Эйла направилась в ее сторону. Войдя в этот Олений очаг, Эйла присела возле молодой матери и, склонившись, ласково пощекотала малыша. Ребенок заливисто рассмеялся, взбрыкнув ножками, а затем вновь озабоченно припал к материнской груди.

– Он уже узнает тебя, Эйла, – заметила Трони.

– Харгал – веселый и здоровый ребенок. Он вырастет сильным и крепким. А где Нуви?

– Манув рано ушел вместе с ней. Он такой хороший помощник. Я рада, что он живет с нами. Конечно, с сестрой мог бы побыть и Торнек. Старшие и младшие дети обычно играют

вместе, но Манув почти не отпускает от себя эту малышку и во всем потакает ей. Особенно теперь, после того как мы едва не потеряли ее. – Молодая мать положила младенца на плечо и, похлопывая его по спинке, вновь взглянула на Эйлу. – У меня с тех пор не было возможности поговорить с тобой с глазу на глаз. Мне хотелось еще раз поблагодарить тебя. Мы все очень благодарны... Я ужасно боялась, что она... Даже выговорить страшно... Мне до сих пор снятся кошмары. Я совсем растерялась и не знала, что делать. Не представляю, что бы мы делали, если бы тебя не оказалось поблизости. – Она судорожно вздохнула, смахнув набежавшие на глаза слезы.

– Трони, не надо говорить... Не надо благодарить меня... Это мое... Я не знаю слова... Но я иметь знание... Мне назначено лечить...

Диги проходила через Журавлиный очаг; Эйла, посмотрев в ее сторону, встретила взглядом с Фрали. Ее глаза были обведены глубокой тенью, и она выглядела усталой и измученной. Последние дни Эйла приглядывалась к этой женщине, ей казалось, что, поскольку та давно носит ребенка, утренняя тошнота уже не должна бы мучить ее. Однако приступы тошноты продолжались, и не только по утрам. Эйла сказала, что может выяснить причину такого болезненного состояния, осмотрев Фрали. Но Фребек поднял страшный шум, едва она заговорила об этом. Он заявил, что если она и вытащила кому-то кость из горла, то это еще не значит, что ей известны тайны целительства. Слова Эйлы не убедили его, и он не желал, чтобы чужая женщина давала Фрали дурные советы. Крози тут же уцепилась за возможность поспорить с ним. И в итоге, чтобы остановить их перебранку, Фрали сказала, что чувствует себя прекрасно и вообще не нуждается в помощи.

Ободряюще улыбнувшись этой несчастной женщине, Эйла, захватив по пути пустой бурдюк для воды, направилась вместе с Диги к выходу. Пройдя очаг Мамонта, они вошли в очаг Лисицы, где жил Ранек; темнокожий мужчина мгновенно поднял голову и посмотрел на женщин. Они проследовали дальше через Львиный очаг и просторное помещение первого кухонного очага, и все это время Эйлу не покидало ощущение, что он провожает их взглядом до самого выхода, и она с трудом сдерживала желание обернуться.

Откинув край занавеса, женщины покинули дом, и Эйла зажмурила глаза от неожиданно яркого света. Голубое небо было совершенно чистым, и потоки солнечных лучей щедро заливали землю. Наконец-то выдался один из тех чудесных теплых осенних дней, которые воспринимаются как драгоценный подарок и оставляют приятные воспоминания на весь грядущий зимний сезон с его яростными ветрами и обжигающим холодом. Эйла радостно улыбнулась, приветствуя ласковое солнце, и вдруг ей вспомнилось – хотя она очень редко думала о тех далеких годах, – что Уба родилась именно в такой чудесный день, первый теплый осенний день, выдавшийся после того, как клан Брана нашел ее.

Земляной дом и жилая площадка перед ними располагались на пологом склоне обращенного к востоку высокого речного берега, примерно на полпути к реке. С этого места открывался отличный вид на окрестности, и Эйла остановилась ненадолго, чтобы оглядеться. Яркие солнечные лучи играли на сверкающей водной глади, и быстрый говорливый поток, вступая в игру солнца и воды, напевал свою веселую песню, уносившуюся в туманную дымку противоположного берега. Широкий стремительный водоток, проложивший себе путь в этих обширных степных землях, ограничивался валами выветренных глинистых берегов.

Вся речная долина от верхнего уровня, где начиналась степная равнина, до кромки воды была изрезана глубокими оврагами, на обрывистых склонах которых можно было видеть красновато-желтые лессовые отложения, уходящие в толщу земли; год за годом во времена весеннего половодья обильные дожди, тающие снега и мощные потоки воды, стекавшие с огромных северных ледников, трудились над созданием этой причудливой береговой линии. Редкие одинокие лиственницы и сосны гордо вздымали свои зеленые головы, возвышаясь над чахлыми зарослями сбросившего листву кустарника в пойме. Вдоль самой кромки воды вниз по тече-

нию тянулась узкая полоса камыша, перемежавшегося с острыми пиками рогоза и тростника. Верховья реки были скрыты за поворотом, однако этот ограниченный пустынный пейзаж украшали Уинни и Удалец, которые мирно паслись на поляне, пощипывая пожухлую траву.

Вдруг на ноги Эйлы брызнула густая глинистая грязь. Вздрогнув от неожиданности, она подняла голову и увидела Джондалара, одарившего ее блеском своих удивительно ярких синих глаз. Рядом с ним, широко ухмыляясь, стоял Талут. Она удивилась, увидев целую группу людей, которые забрались на крышу земляного дома.

– Поднимайся к нам, Эйла. Я подам тебе руку, – сказал Джондалар.

– Нет, попозже. Я только что вышла. А зачем вы залезли туда?

– Мы укладываем челноки на дымовые отверстия, – объяснил Талут.

– Что?..

– Пойдем скорее, – сказала Диги, – терпеть больше нет сил. Потом я тебе все объясню.

Молодые женщины направились вместе в ближайшую балку. Грубо сделанные земляные ступени вели к отхожему месту, располагавшемуся в нижней части этого крутого склона почти на дне сухого оврага; своеобразные туалеты были оборудованы с помощью нескольких плоских мамонтовых лопаток с проделанными посередине отверстиями. Ступив на одну из этих лопаток, Эйла развязала пояс и, спустив брюки, присела на корточки над отверстием, вновь удивляясь тому, как она сама не догадалась, что можно так легко справиться нужду, не замочив при этом одежду. Все стало понятно, когда она однажды заметила, как это делает Диги. В этот же овраг сбрасывали мусор, а также и содержимое ночных сосудов – отбросы смывались в реку очистительными весенними водами.

Выбравшись из балки, они пошли вниз к реке. Тропа тянулась вдоль оврага, посередине которого бежала мелкая речушка; ее истоки находились далеко на севере, и она всегда замерзала на зиму. Но с приходом теплого сезона этот хилый ручеек превращался в стремительный широкий поток. На берегу лежало несколько перевернутых мамонтовых черепов, точнее, лобные части, напоминавшие огромные чаши или корыта, и большие черепа с длинными ручками, сделанные из необработанных берцовых костей.

Зачерпнув воды из речки, женщины наполнили эти мамонтовые корыта. Затем Эйла достала из кожаного мешочка пару пригоршней бледно-голубых лепестков синюхи – лекарственного растения, богатого сапонином. Растерев смоченные водой лепестки, из которых получилась мыльная, слегка скрипучая кашица, женщины тщательно умылись этим цветочным мылом, которое хорошо очищало кожу и придавало ей приятный свежий запах. В довершение утреннего туалета Эйла пожевала кончик маленькой палочки и почистила им зубы – эту привычку она переняла у Джондалара.

– Так что же такое челнок? – спросила Эйла, когда они отправились обратно к дому, неся тяжелый бурдюк из бизоньего желудка, наполненный свежей водой.

– На челноках мы переправляемся через реку, когда она ведет себя поспокойнее. Для начала делается костяной каркас, а ствол дерева выдалбливается в виде удлиненной чаши, в которой могут уместиться два-три человека. Для обтяжки такой основы используется пропитанная жиром толстая шкура, вывернутая мехом наружу, – обычно для этого берутся шерстистые шкуры бизона. А из рогов гигантского северного оленя получают отличные весла... С их помощью челнок передвигается по воде, – пояснила Диги.

– А зачем челноки затащили на крышу дома?

– Они всегда лежат там, когда ими не пользуются, но к зиме мы прикрываем челноками дымовые отверстия, чтобы в них не попадали дождь и снег. А чтобы их не сбросил ветер, они закрепляются с помощью длинных ремней, которые спускаются в дымоходы и привязываются к специальным крючкам на потолке. Конечно, это крепление не жесткое, и мы можем в случае необходимости стряхнуть снег, чтобы обеспечить выход дыма.

Женщины не спеша двинулись к дому, и Эйла подумала о том, как ей повезло, что она подружилась с Диги. Когда-то у нее была любимая сестра Уба, родная дочь Изы, но Уба была намного младше Эйлы, поэтому их интересы почти не совпадали. А среди ровесников у Эйлы никогда не было душевных подруг, с которыми можно было бы поделиться своими мыслями и чувствами. Опустив на землю тяжелый бурдюк, молодые женщины остановились немного передохнуть.

– Эйла, покажи мне, как сказать знаками: «Я люблю тебя». Мне хочется порадовать Бранага, когда я опять увижу его, – сказала Диги.

– В клане нет такого понятия, – ответила Эйла.

– Как, разве они не любят друг друга? Судя по твоим рассказам, они такие же люди, как мы, и я думала, что они тоже любят друг друга.

– Конечно, они любят, но их любовь очень тихая... или скрытная... Нет, это неподходящее слово.

– Может быть, лучше сказать: ненавязчивая или чуткая? – предположила Диги.

– Может быть... в общем, они не показывают открыто своих чувств. Например, мать может сказать ребенку: «Ты наполняешь мое сердце счастьем», – сказала Эйла, показывая Диги соответствующий жест. – Однако женщине не следует столь же явно или – как это? – откровенно, да?.. – вопросительно произнесла она, не зная, какое слово выбрать, и, дождавшись одобрительного кивка Диги, продолжила: – Откровенно выразить свои чувства мужчине.

Диги пребывала в недоумении.

– А как же они проявляют свои чувства? Например, когда во время Летнего схода мне стало ясно, что у нас с Браногом появился взаимный интерес друг к другу, то я сразу же поведала ему о том, какие чувства испытываю к нему. Но если бы мне нельзя было высказаться, то даже не знаю, как бы мы выяснили наши отношения.

– Женщина клана не говорит о любви, она обозначает ее по-другому. Все ее мысли направлены на то, чтобы угодить любимому мужчине: она готовит его любимую еду, заваривает вкусный чай по утрам и приносит ему в постель. Старательно выделывает для него шкуры, чтобы мездра была мягкой и эластичной, а меховые чулки – теплыми и удобными. Еще лучше, если женщина умеет угадать... вернее, предугадывать его желания. То есть она старается изучить все его привычки и склонности, живет его тревогами и заботами.

– Да, это отличный способ доказать свою любовь, – согласилась Диги. – Хорошо, когда между людьми возникают такие взаимоотношения, когда они стараются сделать приятное друг другу. Но как женщина узнает о том, что мужчина любит ее? Что он делает для этого?

– Как-то к пещере подкрался снежный барс и страшно напугал Овра. А Гув выстрелил и убил его, хотя знал, насколько коварен и опасен этот хищник. Шкуру он отдал Кребу, и Иза сделала для меня меховую накидку, но все равно Овра поняла, что он сделал это для нее, – объяснила Эйла.

– Странное проявление любви. Я вряд ли догадалась бы, что это сделано ради меня, – со смехом заметила Диги. – А ты как узнала, что он сделал это для нее?

– Овра сама сказала мне позже. Сначала я не знала. Тогда я была маленькой. И мне еще многое предстояло узнать об их жизни. Жесты составляют только часть языка клана. Гораздо больше можно узнать по выражению лица или глаз, а кроме того, существует множество поз. Особая походка, поворот головы или напряжение спинных мышц могут сказать сведущему человеку гораздо больше, чем слова. Требуется много времени, чтобы хорошо выучить язык клана.

– А знаешь, Эйла, я просто поражена тем, как быстро ты осваиваешь язык мамутой! С каждым днем ты говоришь все лучше и лучше. Хотелось бы и мне иметь такие способности к языкам.

– Нет, пока я еще не могу говорить быстро и свободно, как вы. Я не знаю многих слов, но стараюсь запоминать ваши слова, используя возможности языка клана. Я слушаю, как звучат ваши слова. И одновременно наблюдаю за выражением лиц, за вашими жестами... стараюсь запомнить все вместе... Я учусь даже тогда, когда показываю Ридуагу и всем остальным ручные знаки. Мне хочется как можно лучше узнать ваш язык. Я обязательно должна научиться, Диги! – добавила Эйла с таким пылом, что можно было не сомневаться в серьезности ее намерений.

– Значит, для тебя это не просто развлечение? А мы все воспринимаем знаковый язык как игру. Мне уже сейчас становится смешно, когда я думаю о будущем Летнем сходе. Ведь мы сможем молча разговаривать друг с другом, а все остальные будут наблюдать за нами, ничего не понимая.

– Я рада, что благодаря игре вы сможете узнать много новых слов и выражений на языке клана. Я рада за Ридуагу. Конечно, пока он просто забавляется вместе со всеми, но для него это больше чем игра.

– Да, наверное, ты права. – Они вновь взялись за бурдюк, но вскоре Диги замедлила шаги и задумчиво посмотрела на Эйлу. – Знаешь, поначалу я не понимала, почему Неззи решила вырастить его. Но со временем я привыкла к мальчику и даже полюбила его. Сейчас он уже стал полноправным членом нашей стоянки, и я огорчилась бы, если бы он вдруг покинул нас. Но раньше мне не приходило в голову, что ему тоже хочется говорить. Я даже подумать не могла, что у него может появиться подобное желание.

Джондалар стоял у входа в земляной дом, наблюдая за приближением двух молодых женщин, увлеченных каким-то интересным разговором. Он порадовался, что Эйлу так хорошо приняли. Задумываясь об этой случайной встрече с мамутой, он больше всего удивлялся тому, что они оказались именно на той стоянке, которая приютила у себя ребенка смешанных духов. Вероятно, именно поэтому, несмотря на все его опасения, Эйлу приняли так охотно. Однако такой ребенок – большая редкость, и если бы они попали на обычную стоянку, то неизвестно, как бы все повернулось. Но в одном он все-таки не ошибся: Эйла без колебаний рассказала о своем прошлом.

«Хорошо еще, что она не поведала им о своем сыне, – думал он. – Люди могут понять человека, который, подобно Неззи, полюбил и вырастил сироту, но вряд ли они охотно примут женщину, чей дух смешался с духом плоскоголовых. Женщину, давшую жизнь мерзкому уродцу. Источником такой неприязни является страх, люди боятся женщин, которые были заражены духом плоскоголовых, считая, что эта зараза может распространиться и на других женщин племени».

Вдруг этот высокий красивый мужчина покраснел, как ребенок, которого застали за неблагоприятным занятием. «Эйла вовсе не считает своего сына мерзким уродцем», – устыдившись, подумал он. Когда она впервые рассказала об этом Джондалару, он содрогнулся от отвращения, и она страшно рассердилась на него. Никогда еще он не видел ее такой разгневанной, как в тот раз, и это можно было понять. Ведь речь шла о ее родном сыне, которого она, естественно, нисколько не стыдилась. «Да, Эйла права, – продолжал размышлять Джондалар. – Дони говорила мне об этом во сне. Плоскоголовые... люди клана... они тоже дети Великой Матери. Взять хотя бы Ридуага. Я и не представлял, что смешанные дети могут быть настолько умными и смыслеными. Конечно, Ридуаг немного отличается от обычных детей, но он очень симпатичный и явно принадлежит к человеческому роду».

Джондалар проводил с этим мальчиком довольно много времени и обнаружил, что тот умен и сообразителен, как вполне взрослый человек; порой даже казалось, что он понимает слишком много для шестилетнего ребенка, особенно когда говорили о его слабом здоровье или о том, что он сильно отличается от других детей. Джондалар замечал, с каким неизменным восхищением Ридуаг смотрит на Эйлу. Она рассказала ему, что мальчики клана в его возрасте

считаются уже почти зрелыми мужчинами, то есть примерно такими, как Дануг. Правда, пока Ридаг оставался хилым и болезненным, и никто не знал, когда он достигнет зрелости.

«Да, она права. Я понял, что они такие же люди, как и мы. Но все-таки лучше бы она не рассказывала о клане. Тогда все было бы намного проще. Никто даже не подумал бы, что она жила с ними... Но ведь Эйла считала клан своим родным племенем, – упрекнул себя Джондалар, сердито отгоняя собственные мысли и чувствуя, как щеки вновь запылали. – Что бы я сам почувствовал, если бы меня попросили не рассказывать о людях, которые вырастили и воспитали меня? Если она не стесняется говорить о них, то почему я стыжусь, слыша ее рассказы? Что тут плохого? В любом случае Фребек все равно нашел бы, к чему придраться, ему бы только поскандалить. Однако Эйла еще не знает, как изменчивы бывают люди в своих привязанностях и оценках... А может, и лучше, что она не знает этого. Может, все будет хорошо. Ведь она уже успела обучить почти всех обитателей стоянки, включая и меня, говорить на языке плоскоголовых».

Заметив, с каким интересом почти все мамутои начали изучать язык знаков, Джондалар тоже стал участвовать в импровизированных уроках, которые возникали всякий раз, как только кто-то просил показать новое слово или выражение. Он, как и все, увлекся этой веселой игрой, дававшей возможность передавать молчаливые сигналы на расстоянии и отпускать безмолвные шуточки за чьей-то спиной. Кроме того, его удивила глубина и широта понятий, которые можно было выразить с помощью такого языка.

– Джондалар, что это ты раскраснелся? О чем задумался? – поддразнивающим тоном поинтересовалась Диги, подходя к дому вместе с Эйлой.

Вопросы застали Джондалара врасплох, напомнив о его постыдных мыслях, и он смутился и покраснел еще сильнее.

– Должно быть, я стоял слишком близко к костру, – отворачиваясь, пробормотал он.

«Почему Джондалар говорит то, во что сам не верит? – удивилась Эйла, заметив, как он озабоченно нахмурился и как беспокойно блеснули его яркие синие глаза, прежде чем он успел отвести взгляд в сторону. – Он покраснел не от жара костра. Покраснеть его заставило какое-то тайное чувство... Ну почему всякий раз, как я начинаю думать, что уже хорошо знаю его, он опять делает нечто такое, чего я не могу понять. Я все время наблюдаю за ним, стараюсь быть внимательной к его желаниям... Казалось бы, все идет прекрасно, как вдруг он ни с того ни с сего начинает сердиться. Это напоминает странную игру, когда словами говорят одно, а знаками показывают совсем другое. Так, например, он может говорить приятные слова Ранеку, но его тело говорит, что он сердится на него. Интересно, чем Ранек может так раздражать его? Вот и сейчас что-то беспокоит его, а он говорит, что раскраснелся от костра. Может быть, я делаю что-то не так, как надо? Почему я не понимаю его? Даже не знаю, смогу ли я научиться этому».

Все вместе они подошли к сводчатому входу и едва не столкнулись с Талутом.

– О, я как раз ищу тебя, Джондалар, – сказал вождь. – Не хочется попусту тратить такой роскошный день. Вернулся Уимез и рассказал, что они случайно напали на след небольшого стада бизонов, пришедшего в наши края на зимовку. Мы собираемся сейчас перекусить и отправиться на охоту. Ты не желаешь присоединиться к нам?

– Конечно, с удовольствием! – воодушевленно сказал Джондалар, радостно улыбаясь.

– Я попросил Мамута провести обряд Поиска и заодно выяснить, какая ожидается погода. Он сказал, что все сложится хорошо и что стадо не уйдет далеко. Потом он произнес странную фразу, которую я не понял. Короче, Мамут сказал: «Найдете вход, найдете и выход». По-моему, бессмыслица какая-то.

– Да, странно, но так обычно и бывает. Те, Кто Служит Великой Матери, зачастую тоже говорят слова, которых я не понимаю, – усмехнулся Джондалар. – Они выражаются иносказательным языком, и смысл их речей очень трудно уловить.

– Ты прав, – заметил Талут. – И знаешь, я порой спрашиваю себя, понимают ли они сами, о чем говорят.

– Раз уж мы собираемся устроить охотничью вылазку, я хочу показать тебе одно оружие, – сказал Джондалар, – оно может нам очень пригодиться.

Вся компания прошла в очаг Мамонта, где на пристенной скамье за изголовьем лежанки хранились вещи Эйлы и Джондалара, и он показал несколько легких копий и странное приспособление, назначение которого было непонятно ни Талуту, ни Диги.

– Я придумал это устройство для Эйлы, пока мы жили в ее долине, и с тех пор мы все время охотимся с его помощью.

Эйла стояла позади мужчин и с нарастающим напряжением прислушивалась к их разговору. Ей отчаянно хотелось участвовать в охоте, но она не знала, разрешается ли женщинам мамутой охотиться. В прошлом страсть к охоте причинила ей немало страданий. Женщинам клана было запрещено не то что охотиться, а даже прикасаться к охотничьему оружию. Однако, несмотря на запрет, Эйла тайно научилась пользоваться пращей и была сурово наказана, когда в клане узнали об этом. Но зато потом ей все-таки разрешили определенные виды охоты, чтобы умилостивить могущественный тотем, под защитой которого она находилась. Правда, ее охотничьи склонности дали Бруду еще один повод для ненависти и в конечном счете способствовали ее изгнанию.

Но когда она жила одна в долине, то поняла, какие преимущества дает ей умение пользоваться пращей, что побудило ее к дальнейшему совершенствованию. Эйла выжила благодаря тем навыкам, которые переняла у женщин клана, а ее собственный ум и смелость помогли ей обеспечить себя всем необходимым. Конечно, охотничьи навыки позволили Эйле постоять за себя и обеспечить нормальные условия бытия, но главным итогом своей одинокой жизни она считала обретение свободы и независимости. И сейчас ей, естественно, не хотелось отказываться от столь ценных преимуществ.

– Эйла, почему бы тебе тоже не достать свою копьёметалку? – сказал Джондалар и добавил, вновь обращаясь к Талуту: – В моем броске силы явно побольше, но в точности попадания мне не сравниться с Эйлой, и она покажет вам преимущества этого приспособления. А если вы хотите увидеть уникальную меткость, то вам надо посмотреть, как она управляется с пращей. У этого оружия есть свои сильные стороны, и она владеет им в совершенстве.

Джондалар продолжал рассказывать о чем-то Талуту, но Эйла, уже не слушая его, облегченно вздохнула – сама того не сознавая, она простояла все это время затаив дыхание – и пошла доставать дротики и копьёметалку. Просто удивительно, с какой легкостью этот мужчина из племени Других воспринял то, что она охотится, и с каким естественным спокойствием он оценивал ее мастерство. Похоже, Джондалар был уверен, что Талут и вся Львиная стоянка точно так же воспримут ее желание участвовать в Охоте. Эйла взглянула на Диги, интересуюсь, как отнесется к этому женщина.

– Талут, если ты собираешься использовать новое оружие, тебе следует спросить позволения у Великой Матери. Мут должна увидеть его до начала охоты, – сказала Диги. – А мне, пожалуй, тоже пора достать копья и заплечную сумку. Да и палатка, наверное, понадобится, ведь скорее всего, мы заночуем в степи.

После утренней трапезы Талут позвал Уимеза, и они присели на корточки возле одного из боковых очажков большого кухонного помещения; там находился участок мягкой земли, хорошо освещенный дневным светом, проникавшим через дымоход. Рядом с ними в землю было воткнуто острое орудие, вырезанное из кости ноги оленя. По форме оно напоминало нож или заостренный кинжал, притупленное лезвие которого заканчивалось гладким колен-

ным суставом, служившим рукояткой. Взявшись за нее, Талут плоским краем ножа разровнял землю перед собой и затем, перехватив нож поудобнее, начал чертить на этой ровной поверхности какие-то знаки и линии. Постепенно вокруг собралось еще несколько охотников.

– Уимез сказал, что он видел бизонов на северо-востоке, неподалеку от тех трех скалистых склонов, где чуть выше по течению находится речная развилка, – говорил вождь, рисуя ножом весьма условную карту того района.

Карта Талута была скорее схематическим рисунком, чем наглядным отображением местности. И в сущности, никто не нуждался в более точном изображении. Обитатели Львиной стоянки отлично знали тот район, и рисунок просто напомнил им, где находятся хорошо известные всем места. Подобная условная схема обычно состояла из четких и понятных знаков и линий, соответствовавших определенным природным объектам или отражавших какие-то охотничьи идеи.

Карта Талута не показывала всех поворотов, которые река делала на своем пути, и, естественно, не напоминала картину, что можно было бы увидеть с высоты птичьего полета. На его рисунке основное русло реки было похоже на изломанный рыбий костяк, от которого отходили две прямые линии, обозначающие развилку. Живя на открытых степных просторах, мамутой представляли себе реки как обширные водоемы, иногда соединявшиеся друг с другом.

Они знали, откуда и куда текут эти реки, но также знали, что речное русло бывает изменчивым и непостоянным, а скалистые берега менее подвержены изменениям. Ландшафт этой местности менялся очень значительно, и виной тому были сезонные воздействия близких ледников и обширных районов вечной мерзлоты, где земля практически не оттаивала даже летом. Исключение составляли лишь самые крупные реки, а многочисленные притоки и рукава во время таяния ледников могли изменяться с той же легкостью, с какой высокие ледяные горы превращались летом в заболоченные низины. Охотники на мамонтов представляли себе окружающий мир как некий взаимосвязанный организм, и реки были всего лишь его составной частью.

Талут также не считал нужным наносить на свою карту отметки, соответствующие длине реки. Мамутой придавали мало значения линейным мерам. Оценивая расстояние, они учитывали прежде всего то, как долго им придется добираться туда. На условных схемах гораздо легче было начертить несколько линий, обозначающих дни, или указать любые другие отметки временного деления. Конечно, скорость передвижения зависела от состава охотничьего отряда, а одна и та же местность могла сильно изменяться от сезона к сезону, и, соответственно, путь до нее мог занять гораздо больше времени. Когда в поход отправлялись всей стоянкой, то время пути оценивалось по скорости передвижения самых слабых ходоков. Схема Талута была вполне понятна всем членам стоянки, но Эйла сидела точно замороженная, не сводя озадаченного взгляда с этих таинственных знаков.

– Уимез, покажи, где именно ты видел их, – сказал Талут.

– Вот здесь, на южной стороне притока, – ответил Уимез и, взяв костяной нож, добавил на карту несколько дополнительных линий. – Скалистые стены там круто поднимаются вверх, но речная долина довольно широка.

– А что, если стадо направится вверх по течению? Ведь на той стороне не так много пастбищ, – заметила Тули.

– Мамут, что ты об этом думаешь? – спросил Талут. – Ты говорил, что они не уйдут далеко.

Старый шаман взял рисовальный нож, немного помедлил, закрыв глаза.

– Между второй и третьей скалами течет небольшая речка, – наконец сказал он, отметив ее на схеме. – Бизоны, скорее всего, пойдут этим путем, рассчитывая выйти к хорошим пастбищам.

– Я знаю это место! – воскликнул Талут. – Если идти вверх по течению, то долина реки постепенно сужается и вскоре превращается в узкое ущелье с отвесными, уходящими в воду скалами. Там отличное место для охоты. А большое ли было стадо, Уимез?

Уимез начертил несколько линий костяным ножом, затем подумал немного и добавил еще одну.

– Я могу сказать только о тех бизонах, которых видел сам. Но кто знает, сколько их в действительности. – Задумчиво помолчав, он воткнул рисовальное орудие в землю.

Тули, в свою очередь, взяв костяной нож, добавила еще три черточки:

– Я видела, что в отдалении бродят еще трое, и мне показалось, что среди них был один детеныш или, возможно, просто слабое животное.

Дануг тоже добавил одну линию и сказал:

– Мне кажется, это была двойня. Я заметил еще одного малыша. Ты видела их, Диги?

– Не помню что-то.

– Она смотрела только на своего Бранага, – сказал Уимез с добродушной усмешкой.

– До этих мест полдня пути, ведь так? – спросил Талут.

Уимез кивнул:

– Полдня хорошим шагом.

– Тогда нам следует поторапливаться. – Вождь задумчиво помолчал. – Давненько я не был в тех краях. Хотелось бы знать, что там изменилось и где лучше переправиться... Возможно...

– Возможно, кто-то захочет быстренько сбегать туда и все выяснить, – подхватила Тули, прочитав мысли брата.

– Хорошо бы, да только уж больно долго бежать... – сказал Талут и взглянул на Дануга. Высокий нескладный подросток уже хотел было ответить, но Эйла опередила его.

– Можно добраться туда на лошади. Лошадь бежит очень быстро. Я могла бы поехать на Уинни, – сказала она. – Только я не знаю, где это место.

Талут сначала удивленно посмотрел на нее, а затем широко улыбнулся.

– Пустяки, я дам тебе карту! Такую же, как эта, – сказал он, указывая на рисунок, изображенный на земле. Глянув на кучу костей, приготовленных для костра, он вытащил оттуда небольшой плоский кусок бивня и достал острый кремневый нож. – Смотри, ты поедешь на север, пока не достигнешь большой воды. – Он начал прорезать на костяной поверхности зигзагообразную линию, обозначающую русло основной реки. – Но сначала ты перейдешь небольшую речку. По-моему, ты с легкостью переправишься через нее.

Эйла огорченно посмотрела на него.

– Я не понимаю твоей карты, – сказала она. – Раньше мне не приходилось видеть таких рисунков.

Явно разочарованный, Талут бросил кусок бивня обратно в кучу.

– Может быть, отправить кого-то вместе с ней? – предложил Джондалар. – Эта лошадь вполне выдержит дополнительную нагрузку. Иногда мы с Эйлой ездили на ней вдвоем.

Талут вновь просиял радостной улыбкой:

– Отличная идея! Кто хочет отправиться на разведку?

– Я могу! Я знаю дорогу... – мгновенно раздалось несколько голосов.

– Я знаю дорогу. Мы только что пришли оттуда! – одновременно закричали Лэти и Дануг, опередив еще несколько человек, на лицах которых отразилось страстное желание сопроводить Эйлу.

Талут обвел желающих оценивающим взглядом и, пожав плечами, сделал успокаивающий жест. Затем он повернулся к Эйле и сказал:

– Выбор за тобой.

Эйла взглянула на юного рыжеволосого двойника Талута, на подбородке которого уже пробивался светлый пушок; этот юноша был почти одного роста с Джондаларом. Затем перевела взгляд на высокую худощавую девочку-подростка с темно-русскими волосами, она еще не достигла женской зрелости, но была близка к этому. Темно-русую шевелюру Лэти унаследовала от матери, хотя у Неззи волосы были немного темнее. Брат и сестра с горячей надеждой смотрели на Эйлу. А она не знала, кого выбрать. Дануг был почти взрослым мужчиной, и, возможно, именно его лучше было бы взять с собой, однако Лэти отчасти напомнила Эйле саму себя в двенадцатилетнем возрасте. И к тому же девочка с первого взгляда полюбила лошадей.

– Я думаю, Уинни доберется туда быстрее, если вес седоков будет не слишком велик. А ты, Дануг, уже настоящий мужчина, – сказала Эйла, с теплой улыбкой взглянув на юношу. – Поэтому, наверное, на этот раз мне лучше взять с собой Лэти.

На лице Дануга отразилось смятение, он понимающе кивнул и отвернулся, пытаясь справиться с неожиданно нахлынувшими на него противоречивыми чувствами. Ему было обидно, что выбор пал на Лэти, но Эйла назвала его настоящим мужчиной, и ее ослепительная улыбка воспламенила кровь юноши, щеки его запылали, сердце отчаянно забилось, и он почувствовал странное стеснение в паху.

Лэти бросилась переодеваться. Она натянула теплую, но легкую оленью парку, которую обычно надевала в охотничьи походы, затем быстро уложила в заплечный мешок приготовленную для нее Неззи еду и бурдючок с питьем и выбежала из дома, полностью готовая в дорогу, намного опередив Эйлу. Она внимательно смотрела, как Джондалар и Эйла закрепляют на боках лошади большие корзины, используя особую упряжь из широких ремней, специально придуманную Эйлой для того, чтобы Уинни было удобнее тащить груз. Положив в одну из корзин поверх своих вещей дорожную еду и питье, которые вручила ей Неззи, Эйла взяла заплечный мешок Лэти и сунула его во вторую корзину. Затем, держась за жесткую гриву, она легко вскочила на спину Уинни, а Джондалар помог забраться девочке. Сидя впереди Эйлы на спине желтовато-серой кобылы, Лэти сияющими от счастья глазами посмотрела на обитателей Львиной стоянки.

Немного смущенный, Дануг подошел к ним и протянул Лэти небольшой, почти плоский кусок бивня.

– Вот, возьми, я закончил карту, что начал Талут. С ней вы легко отыщете то место, – сказал он.

– О Дануг, спасибо тебе! – воскликнула Лэти и обняла брата, обхватив за шею.

– Да, большое спасибо, Дануг, – сказала Эйла, улыбнувшись ему своей чудесной, волнующей сердце улыбкой.

Лицо юноши мгновенно зарделось, соперничая цветом с его огненной шевелюрой. Когда лошадь начала подниматься по склону, всадницы оглянулись, и Дануг взмахнул рукой, показывая жестом, чтобы они скорее возвращались.

Обняв одной рукой изогнутую шею жеребенка, который напряженно следил за удаляющейся кобылой, вскидывая голову и раздувая ноздри, Джондалар положил другую руку на плечо юноши.

– Ты поступил как настоящий мужчина, – заметил он. – Я понимаю, что тебе самому очень хотелось поехать. Но не расстраивайся, я уверен, что тебе вскоре представится случай покататься на этой лошади.

Дануг просто кивнул. В этот момент он меньше всего думал о верховой езде.

Выехав в степь, Эйла привычным легким движением приказала Уинни идти быстрее, и кобыла, набирая скорость, поскакала в северном направлении. Комья земли разлетались из-под резвых копыт, и Лэти с трудом верилось, что она стремительно мчится на спине лошади. Радостная улыбка прочно обосновалась на ее губах, и время от времени, закрывая глаза и напряженно подаваясь вперед, Лэти подставляла лицо теплomu ветру. Ее охватило чувство

неописуемого восторга; девочка даже не мечтала, что когда-нибудь сможет испытать столь потрясающее ощущение.

* * *

Спустя некоторое время вслед за ними вышел отряд охотников. Все жители стоянки, имевшие желание и силы, отправились в этот поход. Первая тройка представляла Львиный очаг. Лэти совсем недавно разрешили присоединиться к Талуту и Данугу. В молодые годы Неззи тоже любила поохотиться и явно передала эту любовь дочери. Правда, теперь Неззи обычно не уходила далеко от дома, а оставалась на стоянке, чтобы заботиться о Руги и Ридаге и помогать молодым женщинам управляться с остальными детьми. С тех пор как появился Ридаг, она редко ходила на охоту.

Очаг Лисицы был чисто мужским, и, конечно, Уимез и Ранек были заядлыми охотниками, но из очага Мамонта в поход отправились только гости – Эйла и Джондалар. Мамут был слишком стар.

Манув тоже уже достиг преклонного возраста и остался дома, чтобы не замедлять движение отряда, хотя ему хотелось бы поохотиться. Трони была обременена заботами о Нуви и Хартале. Она также редко покидала жилище, за исключением тех кратковременных вылазок, в которых могли участвовать и дети. Таким образом, Торнек был единственным охотником Оленьего очага, так же как Фребек был единственным охотником очага Журавля, поскольку Фрали и Крози оставались на стоянке вместе с Кризавеком и Ташером.

Наиболее полно был представлен очаг Зубра. Тули всегда умудрялась присоединиться к охотничьему отряду, даже когда у нее были грудные дети. Кроме того, в поход пошли Барзек, Диги и Друвец. Бринан всячески пытался убедить мать взять его с собой, но Тули оставила мальчика вместе с его младшей сестрой Тузи на попечение Неззи, а в утешение сказала Бринану, что очень скоро он станет совсем большим и будет всегда ходить на охоту.

Когда охотники достигли вершины берегового склона, Талут, взяв хороший темп, повел отряд на север по травянистой степной равнине.

* * *

– Мне тоже кажется, что в такой чудный денек не стоит сидеть дома. Надо с толком провести его, – решительно поставив чашку на землю, сказала Неззи, обращаясь к группе оставшихся обитателей стоянки, которые после ухода охотников собрались на свежем воздухе вокруг кухонного очага, чтобы закончить завтрак и выпить чаю. – Зерна уже созрели и подсыхли, и мы вполне можем пособирать их, а заодно и погреться на солнышке в эти последние теплые деньки. Если останется время, можно сходить еще в сосновую рощицу за ручьем и натрясти семян из сосновых шишек. Ну как, у кого есть желание составить мне компанию?

– Я не уверена, что Фрали пойдет на пользу такая дальняя прогулка, – заметила Крози.

– О нет, мама, – сказала Фрали, – это совсем недалеко, и мне как раз полезно пройтись. Когда наступят холода, мы будем все время сидеть дома. А погода должна испортиться со дня на день. Мне так хочется пойти с вами, Неззи.

– Хорошо, тогда, пожалуй, мне тоже придется пойти, чтобы помочь вам управиться с детьми, – сказала Крози таким тоном, будто она шла на великую жертву, хотя на самом деле мысль о дневной прогулке пришла ей по душе.

Трони была более откровенна в своих высказываниях:

– Тебе пришла в голову отличная идея, Неззи! Я уверена, что смогу донести туда Хартала в заплечной корзине, а если Нуви устанет в дороге, то возьму ее на руки. Погода сегодня просто

чудесная, а я уж и не мечтала, что в этом году нам еще удастся провести целый день на свежем воздухе.

– Да, наверное, я тоже присоединюсь к вам, Неззи, – сказал Мамут. – Может, Ридаг будет не против поболтать со стариком да заодно подучит меня новым ручным знакам Эйлы. Ведь он так отлично усваивает их.

– Но, Мамут, ты и сам очень хорошо говоришь на знаковом языке, – возразил Ридаг, делая соответствующие жесты. – Ты быстро запоминаешь знаки. Может быть, это ты подучишь меня?

– Может быть, мы сможем поучиться друг у друга, – так же молча ответил ему Мамут.

Неззи улыбнулась. Старый шаман ровно относился ко всем детям стоянки, не выделяя Ридага – ребенка смешанных духов. Пожалуй, этому мальчику Мамут уделял даже больше внимания, следил за его здоровьем и часто помогал ухаживать за ним. Похоже, они стали близкими друзьями, и Неззи подозревала, что Мамут собирается идти с ними только ради того, чтобы мальчик не скучал, пока остальные будут работать. И, кроме того, если Мамут отправится с ними, то никто даже случайно не упрекнет Ридага в том, что тот идет слишком медленно. Она знала, что старик специально замедлит шаги, сославшись на свой преклонный возраст, если заметит, что мальчику надо передохнуть. Так уже не раз бывало прежде.

Приготовив пустые емкости для сбора зерна и загрузив заплечные сумки и корзины едой для дневной трапезы и кожаными бурдюками с питьем, все вышли из дома, и тогда Мамут вынес женскую фигурку, вырезанную из бивня мамонта, и поставил ее на землю перед входом в жилище. Он произнес несколько понятных только ему слов, сопровождая их ритуальными жестами, обращенными к миру духов. Поскольку все люди покидали Львиную стоянку и жилище оставалось пустым, то он просил дух Мут, Великой Матери, защитить и оберегать этот дом в отсутствие его обитателей.

Эта символическая фигурка Великой Матери, поставленная перед входом, означала, что дом закрыт. Только находясь под угрозой смерти, чужой человек мог осмелиться нарушить этот запрет, сознавая, к чему может привести подобный проступок. Конечно, бывали случаи крайней необходимости: например, если странник нуждался в укрытии, потому что был ранен или застигнут в пути метелью, – но даже тогда, войдя в пустой дом, он должен был немедленно провести особый ритуал, чтобы умиротворить возможный гнев мстительного покровителя жилища. Кроме того, этот человек, его семья или стоянка должны были как можно быстрее заплатить за это вторжение, принеся богатые дары членам очага Мамонта, и успокоить дух Великой Матери страстными мольбами и покаянием, обещая в будущем совершить множество благих дел и принести ценные жертвоприношения. Ритуал, проведенный Мамутом, охранял дом надежнее любого запора.

Когда Мамут закончил общаться с духами, Неззи закинула на спину дорожную корзину, а ее плетеную ручку опустила на лоб, затем подняла Ридага и усадила его на свой объемистый бок, чтобы донести до ровной степной дороги. Послав Руги, Тузи и Бринана вперед, жена вождя тоже начала подниматься по склону. За ними потянулись все остальные, и вскоре жители стоянки начали свой трудовой день, приступив к сбору семян и зерен на обширных лугах и полях, засеянных для них самой Великой Земной Матерью. СобираТЕЛЬСКАЯ деятельность считалась не менее важной, чем охотничья; оба этих занятия обеспечивали стоянку необходимыми продуктами питания. К тому же в такой работе обычно принимало участие много народу, и никто не считал ее скучной и трудной, поскольку все могли переговариваться или петь песни.

* * *

Уинни с легкостью преодолела первую мелкую речку, но когда впереди показался следующий, более глубокий проток, Эйла замедлила ход лошади.

– Нужно искать переправу здесь? – спросила Эйла.

– По-моему, нет, – сказала Лэти, сверяясь с отметками, сделанными на куске бивня. – Точно не здесь. Вот смотри, эта линия обозначает ту речушку, через которую мы уже переправились. Теперь мы должны пересечь эту реку, а затем идти вдоль другого берега вверх по течению до очередного разветвления.

– Похоже, в этом месте не слишком глубоко. Может быть, пора переправиться?

Лэти окинула взглядом ленту реки:

– Чуть выше по течению есть место получше. Там нам придется только снять обувь и закатать штаны.

Они проехали еще немного вперед, но, когда достигли желанной переправы, где широкий мелкий поток, пенясь, огибал выступающие из воды камни, Эйла не стала останавливать лошадь. Она повернула Уинни к реке и позволила ей самой выбрать удобный путь на другую сторону. Выйдя на противоположный берег, кобыла сразу понеслась резвым галопом, и на лице Лэти вновь появилась восторженная улыбка.

– Мы даже не замочили ног! – сказала она. – На меня попало всего несколько капель.

Доехав до следующей речной развилки, они повернули на восток; Эйла сбавила скорость, чтобы дать Уинни отдохнуть, однако медленный шаг лошади был гораздо быстрее походки человека, не говоря уже о беге, поэтому они продвигались вперед довольно быстро. Вскоре местность заметно изменилась, на пути стали попадаться овраги, а потом дорога постепенно начала подниматься в гору. Остановив лошадь, Эйла махнула рукой в сторону текущего поодаль притока, тот сливался с рекой, вдоль которой они ехали, образуя широкую развилку. Лэти очень удивилась, не ожидая так скоро обнаружить этот приток, но Эйла давно заметила ускорение течения и предвидела это слияние. Высокие гранитные скалы были уже отлично видны; два скалистых склона находились чуть в стороне, выше по течению, а на другом берегу речного потока высилась стена третьей изломанной крутой скалы.

Продолжая двигаться вдоль берега, они заметили, что вскоре река повернула к скалам, а когда подъехали поближе, то обнаружили, что верховья этой пока еще довольно широкой речной долины обрамлены скалистыми берегами. Уинни послушно шла в том же направлении мимо гранитных склонов, и вскоре Эйла увидела несколько темных мохнатых бизонов, которые паслись в зарослях тростника и осоки у самой воды.

– Смотри, вон они, только говори тихо, – прошептала Эйла на ухо Лэти, указывая рукой в сторону бизонов.

– Да, точно, это они! – полусшепотом воскликнула девочка, стараясь сдержать охватившее ее волнение.

Эйла оглянулась вокруг, затем послонила палец и подняла его вверх, чтобы выяснить направление ветра.

– Ветер дует в нашу сторону. Это хорошо. Не стоит тревожить животных, пока мы не готовы к охоте. А лошадей бизоны не боятся. На Уинни мы могли бы подобраться к ним довольно близко, хотя, наверное, лучше не рисковать.

Им предстояло выяснить, как ведет себя река выше по течению, и из осторожности Эйла решила обойти бизонов стороной; закончив разведку, они поехали обратно тем же путем. Большая старая корова подняла голову с обломанным рогом и посмотрела в их направлении, не переставая жевать свою жвачку. Молодая женщина придержала подуставшую лошадь, предоставив ей возможность идти обычным неспешным шагом, да и седокам пора было перевести дух. На прибрежном лугу Уинни ненадолго остановилась и сорвала несколько пучков травы. Обычно лошади не задерживаются пощипать травку, если нервничают, поэтому ее действия окончательно успокоили бизонов. Уинни медленно шла мимо них, пощипывая суховатые стебли. Затаив дыхание, Лэти и Эйла сидели на спине лошади, пока она обходила это маленькое стадо, а затем молодая женщина, слегка подавшись вперед, пустила Уинни галопом.

Теперь они скакали вниз по течению и, доехав до уже знакомой развилки, повернули на юг. Когда они пересекли следующую реку, Эйла остановила лошадь, чтобы та смогла напиться воды, да и седокам не мешало промочить горло. Утолив жажду, они поехали дальше в южном направлении.

* * *

Охотничий отряд только что перешел через первую речушку, и Джондалар, заметив, что Удалец натянул повод и рвется вперед, окликнул Талута и показал ему облачко пыли, появившееся на степной дороге. Вождь посмотрел туда и увидел, что им навстречу резвым галопом скачет Уинни, неся на спине Лэти и Эйлу. Ожидание было недолгим, уже через несколько минут лошадь со своими наездницами долетела до охотников и резко остановилась, встав на дыбы. Талут помог Лэти спуститься; на губах девочки блуждала восторженная улыбка, глаза ее сияли, а щеки разгорелись как маков цвет. Мамутой молча стояли вокруг, поглядывая на разгоряченную лошадь; и Эйла, перекинув ногу, привычным движением соскочила на землю.

– Вы что, не смогли найти то место? – спросил Талут, высказав вопрос, который крутился на языке у каждого. Кто-то одновременно с Талутом сказал о том же, только совсем другим тоном.

– Конечно, они ничего не нашли. Я не сомневался, что ваша поездка окажется бесполезной, – насмешливо бросил Фребек.

Настроение Лэти немного изменилось, и она сердито ответила Фребеку:

– Что значит «ничего не нашли»? Мы доехали до трех скал и даже видели бизонов!

– Уж не хочешь ли ты убедить нас в том, что вы успели съездить туда и обратно? – с подозрением сказал он, недоверчиво покачивая головой.

– Где вы видели бизонов? – спросил Уимез дочь своей сестры, оставив без внимания вопрос Фребека и тем самым сведя на нет его ехидное замечание.

Лэти быстро подошла к корзине, висевшей на левом боку Уинни, и достала кусок бивня, на котором была нарисована незамысловатая схема. Вытащив кремневый нож из ножен, привязанных к поясу парки, девочка опустилась на землю и начала вырезать на карте дополнительные значки и линии.

– Южный приток проходит между скалами, вот здесь, – сказала она. Согласно кивнув, Уимез и Талут присели рядом с ней, а остальные охотники и Эйла стояли вокруг, также наблюдая за действиями Лэти. – Стадо паслось в прибрежных зарослях тростника на другом берегу, возле скалистого обрыва. Я заметила четырех детенышей... – сказала она, прорезав на кости четыре короткие параллельные линии.

– По-моему, их было пять, – поправила ее Эйла.

Лэти взглянула на нее и, кивнув, добавила еще одну короткую линию.

– Ты был прав, Дануг, насчет двойни. Там была парочка молодых бычков и вроде бы... семь коров... – Она опять вопросительно посмотрела на Эйлу, ожидая подтверждения. Молодая женщина согласно кивнула, и Лэти прорезала семь параллельных линий, более длинных, чем первые. – Правда, мне показалось, что только у четырех из них были детеныши. – Она задумчиво помолчала. – А вдалеке паслось еще несколько животных.

– Пять молодых бычков, – добавила Эйла. – И два или три – взрослых. Точно не знаю. Может, их там было больше, да мы не заметили.

Лэти сделала новый ряд из пяти длинных линий, чуть отступив от первых двух групп, а затем добавила три короткие линии между этими двумя рядами. В итоге у нее получилась особая отметка в виде галочки или развилки, которая означала, что она закончила счетный рисунок. Прорезая новые знаки, девочка перечеркнула несколько линий, нанесенных раньше,

но это было уже не важно. Карта сослужила свою службу. Талут взял у Лэти кусок разрисованного бивня и внимательно изучил его. Затем обратился к Эйле:

– Ты, случайно, не поняла, в какую сторону они направлялись?

– По-моему, вверх по течению. Мы обошли стадо стороной, чтобы не потревожить животных. Дальше по берегу не было никаких следов и трава была не примята, – сказала Эйла.

Талут просто кивнул, обдумывая ее слова.

– Ты говоришь, вы обошли их. Значит, вы проехали к верховьям?

– Да.

– Насколько я знаю, река там сужается и отвесные скалы, уходя в воду, отрезают путь.

Так и есть?

– В общем, да. Но возможно, есть выход.

– Выход?

– Чуть ниже по течению, сразу за терновыми зарослями, есть пересохшее русло. Оно проходит между отвесными скалами, подъем там довольно крутой, но по нему можно пройти. Мне кажется, это и есть выход, – сказала Эйла.

Сосредоточенно нахмурившись, Талут посмотрел на Уимеза и Тули, а затем громко расхохотался:

– Найдете вход, найдется и выход! Так вот что означали слова Мамута.

Уимез озадаченно посмотрел на вождя, но вдруг все понял и усмехнулся. Тули в недоумении поглядывала на мужчин, а затем в ее глазах тоже блеснула искра понимания.

– Конечно! Мы можем пройти туда кружным путем, соорудить там загон, затем опять обойти бизонов с другой стороны и загнать их в ловушку, – сказала Тули, объясняя всем остальным план предстоящей охоты. – Надо оставить несколько человек следить за стадом. Мы должны быть уверены в том, что бизоны не почуяли нас. Иначе они могут уйти вниз по течению.

– Мне кажется, Дануг и Лэти отлично справятся с этой задачей, – сказал Талут.

– А Друвец поможет им, – добавил Барзек, – да и я могу остаться с ними, если они не откажутся взять меня в свою компанию.

– Отлично! – сказал Талут. – Наверное, Барзек, тебе действительно стоит помочь им. Ваша группа пойдет прямо вдоль реки вверх по течению. А я знаю более короткий путь, ведущий к самым верховьям. Сейчас мы пойдем другой дорогой. А вы отправляйтесь следить за стадом. Как только мы закончим строить загон, то вернемся к вам и поможем загнать бизонов в ловушку.

Глава 7

Узкое пересохшее русло, о котором говорила Эйла, действительно напоминало крутую горную тропу, покрытую слоем сухого ила и обломками скал; она двигалась вдоль крутого склона, поросшего колючим кустарником, и вела к водоему, образовавшемуся на относительно плоском участке этого узкого ущелья. Эту неглубокую гранитную ванну подпитывал бегущий сверху говорливый ручеек, который, преодолев небольшой порожек, падал вниз каскадом маленьких водопадов. Спуск был довольно трудным, и Эйла шла впереди лошадей, предоставив им возможность самим выбирать дорогу. Уинни и Удалец привыкли к крутой тропе, ведущей в ее пещеру, поэтому сейчас они вполне уверенно спускались по ущелью.

Когда отряд добрался до места, Эйла сняла со спины Уинни дорожные корзины, чтобы кобыла могла свободно бродить по ущелью в поисках корма. Но Джондалар решил не снимать недоуздок с Удальца: только эта привязь давала ему и Эйле уверенность в том, что жеребенок никуда не сбежит, ведь Удалец был уже довольно взрослым и своенравным животным. Поскольку длинный повод позволял жеребенку нормально пастись, Эйла согласилась с таким решением, хотя предпочла бы предоставить ему полную свободу. Конечно, Удалец оставался более диким, чем его мать. Уинни всегда свободно гуляла по долине и по собственной воле возвращалась в пещеру Эйлы; но в те времена Эйла почти все время проводила с лошадью, поскольку та была ее единственным другом. Удалец обычно всегда крутился возле Уинни и гораздо меньше общался с Эйлой. Она подумала, что, возможно, ей и Джондалару следует подольше бывать с жеребенком и заняться его воспитанием.

Оставив лошадей, Эйла вернулась к охотникам и обнаружила, что строительство загона уже идет полным ходом. Изгородь сооружалась из любых подручных материалов: булыжников, костей, деревьев и ветвей, которые нагромождались друг на друга и связывались вместе. Богатая и разнообразная фауна этих холодных равнин постоянно обновлялась; воспроизведя себе подобных, животные умирали или погибали, и их разбросанные по земле останки зачастую сносились изменчивыми водными потоками к речным излучинам. Пройдя по берегу и обнаружив чуть ниже по течению внушительную кучу костей, охотники перетащили все большие берцовые кости и грудные клетки к тому узкому месту на дне пересохшего русла, которое они решили перегородить. Перегородки надо было сделать достаточно крепкими, чтобы они смогли сдерживать натиск стада бизонов, однако это была временная конструкция. Обычно загон использовался только один раз; в лучшем случае он мог простоять зиму, а потом всесокрушающее весеннее половодье сметало его с лица земли.

Эйла заметила, что Талут, как бы играючи, размахивает здоровенным каменным топором. Его рубаха уже была отброшена в сторону, и спина блестела от пота, однако он продолжал рубить под корень высокие молодые деревца, умудряясь повалить их за два-три удара. Торнек и Фребек едва успевали оттащить длинные стволы, размещением которых ведала Тули. У нее в руках тоже был топор, почти такой же, как у брата, и она с легкостью управлялась с этим тяжелым орудием, разрубая длинные стволы пополам или откалывая куски костей, если того требовали нужды строительства. Мало мужчин могли бы похвастаться такой же силой, как эта женщина, управлявшая наравне с братом жизнью Львиной стоянки.

– Талут! – крикнула Диги. Она тащила передний острый конец изогнутого мамонтового бивня, имевшего более пятнадцати футов в длину, а Уимез и Ранек держали соответственно середину и конец этого гигантского зуба. – Мы нашли несколько мамонтовых костей. Ты сможешь разрубить этот бивень?

Рыжеволосый гигант усмехнулся.

– Это старое чудище, должно быть, прожило долгую жизнь! – сказал он, оседлав положенный на землю бивень.

Поигрывая могучими мускулами, Талут поднял увесистое рубило, и воздух задрожал от его ударов, а костяные осколки полетели во все стороны. Эйла как зачарованная следила за тем, с какой сноровкой и легкостью этот силач орудует тяжелым топором. Но пожалуй, больше всего эта мастерская рубка удивила Джондалара, впервые наблюдавшего подобное зрелище. Эйла привыкла видеть мужчин, которые умело пользовались исключительной силой своих мускулов. Мужчины клана уступали ей в росте, но были на редкость крепкими, широкоплечими здоровяками и обладали мощной, хорошо развитой мускулатурой. Даже женщины клана обладали недюжинной силой, и поскольку Эйла с детства воспитывалась у них, то жизнь потребовала от нее исполнения всех женских обязанностей, в итоге, несмотря на более хрупкое строение тела, она накачала необычайно сильные мускулы.

Талут положил топор на землю, вскинул нижнюю половину бивня на плечо и направился к строящемуся заграждению. Эйла приподняла его тяжелый топор и поняла, что не смогла бы управиться с ним. Даже Джондалар подумал, что не смог бы с таким мастерством работать с каменным рубилом Талута. Это уникальное орудие было сделано специально для большого вождя Львиной стоянки. Двое охотников подняли вторую половину бивня и последовали за Талутом.

Джондалар и Уимез задержались возле загона, чтобы помочь закрепить валунами громоздкие куски бивня; такая баррикада должна была выдержать атаку любого разъяренного бизона. Эйла присоединилась к Диги и Ранеку, которые вновь отправились за строительным материалом. Обернувшийся Джондалар с трудом сдержал приступ гнева, увидев, как весело смеется Эйла в ответ на очередную шутку темнокожего резчика. Талут и Уимез, заметив, как запыхало лицо их молодого красивого гостя, обменялись понимающими взглядами, но ничего не сказали.

Загон был почти закончен, оставалось сделать только ворота, закрывающие входной проем между стенами изгороди. Для этого с одной стороны проема выкопали глубокую яму. В нее установили крепкое молодое дерево, предварительно обрубив с него все ветви, яму вокруг ствола плотно утрамбовали камнями. Кроме того, для лучшей устойчивости этот столб обвязали кожаными ремнями, концы которых закрепили на тяжелом мамонтовом бивне. Основа ворот представляла собой крестовину из стволов молодых деревьев, укрепленную берцовыми костями, мамонтовыми ребрами и большими ветками. Когда половина ворот была готова, ее привязали к верейному столбу таким образом, чтобы она могла свободно открываться и закрываться на прочных кожаных петлях. С другой стороны проема высилась груда валунов и больших обломков скал, чтобы завалить ими ворота, когда стадо попадет в ловушку.

После полудня, когда солнце еще стояло высоко, строительные работы были полностью закончены. Объединенными усилиями охотники построили этот загон удивительно быстро. Затем, вытащив захваченные из дома съестные припасы, весь отряд собрался вокруг Талута, чтобы перекусить и обсудить дальнейшие планы.

– Самое главное – направить их в ворота, – сказал Талут. – Если нам удастся загнать туда вожака стада, то остальные, скорее всего, последуют за ним. В ином случае они станут метаться по этому узкому ущелью и помчатся к реке. Течение здесь очень быстрое, вряд ли они совладают с ним, хотя нам это вовсе не выгодно. Мы упустим добычу. В лучшем случае мы сможем подобрать туши утонувших животных ниже по течению.

– Значит, нам надо отрезать им путь к реке, – сказала Тули. – Мы должны обязательно загнать их в ловушку.

– Но как? – спросила Диги.

– Может, построить еще одну изгородь? – предложил Фребек.

– А разве вторая изгородь помешает бизонам повернуть к воде? – спросила Эйла.

Фребек снисходительно глянул на нее, но Талут опередил его с ответом.

– Это хороший вопрос, Эйла. И, кроме всего прочего, у нас под рукой слишком мало материала для строительства новой изгороди, – заметил Талут.

Лицо Фребека потемнело от злости. Ему показалось, что Эйла специально задала этот вопрос, чтобы выставить его дураком.

– Как бы то ни было, мы действительно должны отрезать им путь назад, и лучше, если кто-то будет сидеть в засаде, чтобы заставить вожака повернуть к загону. Пожалуй, это будет наиболее опасная позиция.

– Я могу занять ее. Для такого случая отлично подойдет копьёметалка, о которой я говорил тебе, – сказал Джондалар, доставая свое необычное приспособление. – Эти дротики летят гораздо дальше, но главное – бьют сильнее, чем простое ручное копьё. Точный выстрел с близкого расстояния убивает быка наповал.

– Неужели правда? – спросил Талут, с живым интересом посмотрев на Джондалара. – Надо будет лучше разобраться в твоём устройстве. Жаль, что сейчас нет времени. Конечно, ты можешь сесть в засаду, если хочешь. Да и я, пожалуй, присоединюсь к тебе.

– И я тоже, – сказал Ранек.

Джондалар хмуро глянул на улыбающегося темнокожего мужчину. Ему явно не очень-то хотелось сидеть в засаде с этим остряком, проявлявшим повышенный интерес к Эйле.

– Я тоже помогу вам, – заявила Тули. – Но вместо строительства новой изгороди, по моему, нам стоит заняться сбором камней, чтобы сделать заграждения в тех местах, где мы будем прятаться.

– Ты полагаешь, это спасет нас? – насмешливо сказал Ранек. – Такая преграда не удержит бизонов от преследования.

– А с чего это вы заговорили о преследовании, ведь мы уже решили, как заставить их свернуть в загон, – заметил Талут, поглядывая на положение небесного светила. – Нам еще надо добраться до стада кружным путем и пригнать его сюда. Остается совсем мало времени.

Эйла затаив дыхание прислушивалась к разговору. Ей вспомнились те времена, когда мужчины клана обсуждали охотничьи планы, а она, научившись пользоваться пращой, мечтала, что ее возьмут на охоту. И вот наконец сегодня ей представился случай участвовать в большой охоте. Поскольку Талут с вниманием отнесся к ее предыдущему замечанию насчет новой изгороди, а утром с готовностью принял идею о предварительной разведке на лошади, то Эйла осмелилась высказать очередное предложение.

– Уинни – отличный преследователь, – сказала она. – Мне не раз приходилось гнать стада верхом на Уинни. Я могу поехать к речной развилке, найти группу Барзека и быстро пригнать сюда бизонов. А вы подождете здесь, чтобы направить их в ловушку.

Задумчиво глянув на молодую женщину, Талут окинул взглядом остальных охотников и вновь посмотрел на Эйлу:

– А ты уверена, что справишься с этим делом?

– Да, уверена.

– А удастся ли тебе незаметно обойти стадо? – спросила Тули. – Бизоны уже, вероятно, учуяли, что мы здесь, и если они не ушли пока вниз по течению, то только потому, что об этом заботятся наши ребята во главе с Барзеком. Кто знает, долго ли они еще смогут удерживать их? Вдруг стадо испугается тебя и уйдет в другую сторону?

– Не думаю. Бизон не боится лошади, но, если хотите, я могу поехать в обход. В любом случае такая поездка не займет много времени, – сказала Эйла.

– Она права! Никто не станет отрицать это. Эйла сможет добраться до развилки значительно скорее нас, – заметил Талут и немного помолчал, сосредоточенно сдвинув брови. – Мне кажется, Тули, нам следует принять ее предложение. Эта охота подвернулась нам чисто случайно. Конечно, нам не помешает лишний запас, ведь зима порой бывает очень затяжной и

суровой. Но у нас впереди еще будут возможности для охотничьих вылазок. И мы не особенно пострадаем, если эта затея закончится провалом.

– Ты прав, но ведь мы уже построили такой крепкий загон.

– Ничего страшного, что сделано, то сделано. К тому же нам не впервой возвращаться с пустыми руками. – Талут опять сделал паузу и добавил: – В худшем случае мы потеряем стадо, а если ее предложение сработает, то мы отпразднуем победу еще до захода солнца и уже утром сможем отправиться в обратный путь.

Тули согласно кивнула:

– Хорошо, Талут. Я поддерживаю твоё предложение.

– Ты хотела сказать – предложение Эйлы. Отлично! Значит, отправляйся в путь, Эйла. Посмотрим, сможешь ли ты пригнать к нам стадо бизонов.

Эйла улыбнулась и свистнула Уинни. Кобыла откликнулась тихим ржанием и прискакала к ней вместе с Удальцом.

– Джондалар, привяжи Удальца в безопасном месте, – сказала она, быстро подходя к лошади.

– Не забудь свою копьеметалку, – отозвался он.

Эйла, задержавшись на мгновение, вытащила несколько копий и копьеметалку из боковой сумки, а затем с привычной легкостью взлетела на спину Уинни и отправилась в путь.

Молодому жеребцу отчаянно хотелось поскакать вслед за своей родительницей, и, чтобы удержать его, Джондалару пришлось приложить немало усилий. Однако благодаря этому занятию он не заметил того влюбленного взгляда, которым Ранек проводил Эйлу.

Сидя на неоседланной лошади, молодая женщина стремительно скакала по узкой кромке берега мимо бурливого пенного потока, который струился по извилистому коридору с крутобокими холмистыми стенами. Голые ветви низкорослого кустарника почти скрывались за сухотравным высоким степным ковром, что покрывал склоны и пригибался к земле на продуваемых ветрами гребнях, смягчая вид изломанной земной поверхности. Однако под этими выветренными сухими лессовыми почвами, заполнявшими все расселины, таилось каменное сердце. Скалистые выступы коренной подстилающей породы, которыми изобиловали эти склоны, открывали каменную сущность этой местности, где господствовали обширные, но невысокие холмы, почтительно поднимавшиеся к голым вершинам скалистых террас.

Подъехав к этому месту, где утром они с Лэти видели бизонов, Эйла замедлила ход лошади, однако стада нигде не было видно. Вероятно, животные учуяли запах людей или услышали шум строительства и изменили направление движения. Вскоре, заехав в тень, отбрасываемую крутым гранитным склоном, она наконец увидела маленькое стадо, а чуть подальше, возле странных каменных пирамид, стоял Барзек.

Трава, зеленевшая у самой воды меж голых чахлах деревьев, заманила бизонов в эту узкую речную долину. Однако, зайдя за эти отвесные скалы, вздымавшиеся по обеим сторонам потока, животные обнаружили, что обратного пути у них уже нет. Барзек и юные охотники видели, что стадо вереницей бредет по берегу, по-прежнему то и дело останавливаясь, чтобы подкрепиться очередной порцией зеленого корма, но теперь медленно и верно оно уже двигалось вниз по течению. Мамутои пытались удержать животных и загнать их обратно, но отпугивающие маневры лишь на время приостановили движение и заставили встревоженных бизонов собраться вместе, а их следующая попытка выбраться из узкой долины явно должна была оказаться более решительной. В итоге могло начаться просто паническое бегство.

Четверка охотников могла сдерживать медленное передвижение животных, но им ни за что не удалось бы остановить мчащееся стадо и заставить его повернуть вспять. Это была непосильная задача для такой маленькой группы людей, – кроме того, опытный Барзек пока не хотел вынуждать животных к паническому бегству вверх по течению, поскольку ждал известия об окончании строительства загона. Груда камней, возле которой стоял Барзек, когда Эйла

увидела его, была насыпана вокруг здоровенной ветви, и на ней была развешана одежда, которая развевалась на ветру. Затем Эйла заметила целый ряд подобных насыпей, расположенных поблизости друг от друга и тянувшихся от воды до отвесного скалистого склона. Из каждой кучи вертикально торчала ветвь или кость, также украшенная одеждой, меховой шкурой или походной палаткой. Даже на некоторых деревьях и кустах висели легкие, раскачивающиеся на ветру вещи.

Не зная, насколько опасными могут быть эти странные существа, бизоны тревожно поглядывали в их сторону. Они побаивались возвращаться туда, откуда пришли, однако им также не хотелось идти дальше вперед. Время от времени одно из животных пыталось приблизиться к чудному пугалу, но при первом же порыве ветра испуганно отбегало назад. В результате они топтались на небольшом пятачке берега, который выбрал для них Барзек. Эйла по достоинству оценила умелые действия маленькой группы охотников.

Стараясь не нарушить и без того сомнительное спокойствие животных, Эйла медленно обходила их, держась как можно ближе к скалистому обрыву. Старая однорогая корова потрусила вперед: похоже, ей надоело топтаться на месте и она собиралась прорваться на свободу.

Заметив Эйлу, Барзек оглянулся на своих подопечных юных охотников и опять хмуро посмотрел в ее сторону. Ведь она могла напугать стадо и спровоцировать его бегство вниз по течению, и тогда все их усилия пропадут даром. Лэти подошла к нему, и они перекинулись парой слов, но Барзек по-прежнему с тревогой следил за лошадьё и всадницей, пока те наконец не подъехали совсем близко.

– Где остальные? – приглушенно спросил Барзек.

– Они готовы и ждут, – сказала Эйла.

– Чего же они ждут? Мы не можем вечно удерживать стадо!

– Они ждут, что мы пригоним бизонов.

– Но это невозможно. Нас слишком мало! Они и так уже готовы броситься врассыпную. Даже не знаю, долго ли они еще будут топтаться на месте. Боюсь, нам не удастся заставить их повернуть обратно и стадо умчится вниз по течению.

– Уинни погонит их, – сказала Эйла.

– Твоя лошадь сможет сделать это? – удивленно спросил он.

– Она не раз помогала мне, но лучше, если мы будем действовать все вместе.

Дануг и Друвец бродили по берегу, наблюдая за стадом и изредка бросая камни в сторону наиболее любопытных животных, осмелившихся приблизиться к раскачивающимся на ветру стражам. Однако сейчас юноши оставили на время свое занятие и приблизились, чтобы послушать, о чем говорит Эйла, и также изрядно удивились ее словам. Однако бизоны тут же воспользовались ослаблением бдительности охотников, поэтому все разговоры пришлось прекратить.

Краем глаза Эйла заметила, что здоровенный молодой бык пустился бежать, увлекая за собой несколько коров. Момент был очень опасным, все стадо могло последовать за ними и вырваться на свободу, а это означало полный провал. Эйла отбросила в сторону копы и копые-металку и, развернув Уинни, поскакала навстречу первому быку, сорвав по дороге развевавшуюся на ветке рубаху.

Лошадь мчалась прямо на бизона, а всадница размахивала над головой кожаной рубахой. Бизон отклонился в сторону, намереваясь обойти странное существо. Уинни также слегка изменила направление, а Эйла упорно размахивала большим полотнищем кожи перед мордой испуганного животного. В итоге бык повернул обратно, в сторону сужавшейся речной долины, и остальные бизоны последовали за своим вожаком, а Эйла и Уинни продолжали подгонять их.

Еще один бизон попытался выйти за ограждения, но Эйле также удалось задержать его. Уинни, казалось, сама предугадывала действия бизонов. Однако во многом этому способствовали молчаливые и незаметные приказы всадницы. Поначалу, воспитывая Уинни, Эйла делала

это совершенно неосознанно. Когда-то, поддавшись внезапному порыву, она в первый раз села на спину лошади, однако ей и в голову не приходило, что она может направлять или контролировать ее движения. Но постепенно женщина и лошадь стали хорошо понимать друг друга, и Эйла обнаружила, что может управлять Уинни, легко сжимая ее бока ногами или меняя положение своего тела. Впоследствии она стала целенаправленно использовать эти движения, хотя во взаимоотношениях лошади и всадницы всегда присутствовал некий добавочный элемент, благодаря которому они зачастую действовали как единый организм, словно в их головах рождались одни и те же мысли.

Как только Эйла начала преследование, остальные охотники тут же бросились помогать ей. Прежде Эйле приходилось загонять животных в ловушки, но вряд ли ей удалось бы в одиночку развернуть целое стадо. Эти здоровенные горбатые бизоны были очень своенравными, и молодая охотница поняла, что справиться с ними будет труднее, чем она предполагала. К тому же стадо явно хотело уйти вниз по течению, а охотникам надо было заставить их двинуться назад. Похоже, животные интуитивно чувствовали опасность, которая подстерегала их в верховьях реки.

Бросившись на помощь Эйле, Дануг отогнал назад тех животных, что первыми попытались прорваться мимо сооруженных охотниками пугал, но женщина была так увлечена преследованием молодого быка, что поначалу не заметила активных действий юноши. Лэти, увидев двух убегающих телят, выхватила ветвь из каменного основания и, размахивая ею, бросилась им наперерез. Получив пару ударов по носу, один теленок, а следом и другой спешно повернули обратно. Барзек и Друвец, вооружившись камнями и меховыми шкурами, преследовали взрослую корову. Все эти решительные действия заставили стадо вновь вернуться за ограждения. Правда, старая корова со сломанным рогом и еще несколько бычков все-таки умудрились вырваться на свободу, однако большинство бизонов побежало вдоль берега шумного потока, направляясь вверх по течению.

Охотники вздохнули с некоторым облегчением, когда маленькое стадо оказалось за гранитными скалами, впрочем радоваться было рано, и они продолжали упорно гнать бизонов вперед. Эйла задержалась лишь на мгновение, она соскользнула на землю и, подняв копьеме-талку с дротиками, вновь взлетела на спину лошади.

* * *

Напившись чаю, Талут отложил бурдюк, и тут ему показалось, что он слышит отдаленный шум, напоминающий низкие раскаты грома. Повернув голову в сторону сбегавшего вниз потока, вождь напряженно прислушался. Он не ожидал услышать подобные звуки так скоро, да и, честно говоря, почти не надеялся, что вообще услышит их. Опустившись на колени, он приложил ухо к земле.

– Они приближаются! – вскричал он, резко поднимаясь на ноги.

Охотники быстро достали копыя и заняли заранее распределенные позиции. Фребек, Уимез, Торнек и Диги рассредоточились по одну сторону крутого склона, готовые к тому, чтобы мгновенно закрыть ворота, как только стадо окажется в ловушке. Тули заняла позицию на другой стороне, чтобы завалить ворота камнями.

В промежутке между загонем и ревушим потоком в нескольких шагах от Тули стоял Ранек, за ним примерно на таком же расстоянии ближе к реке расположился Джондалар. Талут выбрал место чуть ниже по течению и стоял на влажном берегу у самой воды. В руках у каждого были куски кожи или какие-то вещи, с помощью которых они надеялись заставить животных повернуть в сторону загона, к тому же все они поигрывали копыями, прикидывая силу и дальность удара; в конце концов охотники, за исключением Джондалара, крепко обхватив рукой древко, взяли копыя на изготовку.

Джондалар в правой руке держал узкую деревянную дощечку с пазом, прорезанным вдоль центральной линии, длина этого приспособления примерно соответствовала длине его руки от локтя до кончиков пальцев. На одном конце этой доски имелся специальный спусковой крючок типа собачки для удерживания копья, а также две кожаные петли по бокам для пальцев на переднем конце. Расположив копьёметалку горизонтально, Джондалар вставил туда легкое копьё с хорошо заостренным длинным костяным наконечником, так что оперенный тупой конец древка уперся в спусковой крючок. Продетые в кожаные петли указательный и большой пальцы помогали Джондалару не выпустить копьё из руки. Затем, засунув за пояс кусок кожи, приготовленный для отпугивания бизонов, он достал левой рукой второе копьё и положил его рядом с собой, чтобы быстро вставить его после первого броска.

Наконец все замерли в ожидании. Никто не разговаривал, и в этом напряженном безмолвии даже тихие звуки казались оглушительно громкими. Пели и щебетали птицы, перекликаясь друг с другом. Ветер шуршал сухой листвой. Говорливо журчали по камням потоки воды. Жужжали и гудели многочисленные насекомые. И все громче и громче становился приближающийся топот копыт.

Затем сквозь этот грохот прорвался испуганный рев животных и стали слышны угрожающие крики людей. Все напряженно смотрели в сторону излучины, ожидая появления первого бизона и вовсе не предполагая, что животные появятся практически одновременно. Однако именно так и случилось. Скученное стадо огромных мохнатых темно-коричневых бизонов с длинными и очень опасными черными рогами, внезапно вылетев из-за поворота, понеслось прямо на расположившийся в засаде отряд.

Каждый охотник мгновенно прицелился, ожидая начала атаки. Первым мчался тот здоровый молодой бык, который едва не убежал на свободу, положив начало этому долгому преследованию. Увидев впереди стену загона, он резко развернулся обратно к реке, однако сидевшие в засаде охотники уже преградили ему путь.

Эйла скакала прямо за этим маленьким стадом, воинственно размахивая незаряженной копьёметалкой, но, когда они приблизились к последнему повороту, она на всякий случай вставила дротик в свое оружие. Она увидела, что первый бык бросился в сторону реки... и несется прямо на Джондалара, увлекая за собой остальных бизонов.

Размахивая рубахой, Талут бросился наперерез жожаку, но большеголовый зверь уже не обращал никакого внимания на эту развевающуюся на ветру тряпку и продолжал свой стремительный бег. Ни секунды не раздумывая, Эйла подалась вперед и пустила Уинни во весь опор. Обойдя бизонов сбоку, она устремилась к разъяренному быку и метнула дротик в тот самый момент, когда Джондалар выпустил свой. Одновременно с ними кто-то бросил тяжелое ручное копьё.

Кобыла по инерции промчалась мимо охотников, обдав Талута фонтаном брызг. Эйла быстро остановила лошадь и повернула обратно. К этому времени все было кончено. Поверженный вожак стада лежал на земле, бизоны, мчавшиеся следом за ним, приостановились, а слегка отставшие животные поняли, что путь спасения только один – в сторону загона. Когда первые животные вбежали в загон, то остальные, подгоняемые охотниками, потянулись за ними. Наконец Тули загнала туда последнего бычка и быстро захлопнула ворота, а Торнек и Диги тут же подкатили к ним огромный валун. Уимез и Фребек закрепляли веревками створы ворот на притворном столбе, пока Тули подтаскивала очередной булыжник.

Не успев опомниться от недавнего потрясения, Эйла спрыгнула со спины Уинни. Джондалар вместе с Талутом и Ранеком опустили на колени возле поверженного бизона.

– Видите, копьё Джондалара попало в шею и прошло через глотку. Думаю, оно-то и повалило этого быка. Однако твое копьё, Эйла, тоже вполне могло убить его. Надо же, я даже не заметил тебя. Ты пролетела как ветер да еще умудрилась сделать такой точный бросок, – с

оттенком восхищения сказал Талут, пораженный ее мастерством. – Твое копые вошло прямо под ребра.

– Но зачем ты так рисковала, Эйла? Этот разъяренный бык вполне мог покалечить тебя, – сердито вмешался Джондалар, однако его раздражение объяснялось страхом за ее жизнь. Затем он взглянул на Талута и показал на третье копые. – А это чье? Хорошее прямое попадание в грудь, похоже, наконечник дошел до сердца, так что этот удар тоже мог быть смертельным.

– Это копые Ранека, – сказал Талут.

Джондалар оглянулся на темнокожего мужчину, и они обменялись оценивающими взглядами. Между ними имелись разногласия, и соперничество вполне могло довести их до ссоры, однако прежде всего они были разумными существами, людьми, живущими в этом прекрасном, но жестоком первозданном мире, и они понимали, что смогут выжить в нем только благодаря взаимной помощи.

– Я должен поблагодарить тебя, – сказал Джондалар. – Ты мог бы спасти мою жизнь, если бы я промахнулся.

– Да, и если бы Эйла промахнулась тоже. Этот бизон был сегодня убит трижды. У него не осталось ни малейшей возможности атаковать тебя. Похоже, Джондалар, тебе суждена долгая жизнь. Да, приятель, ты просто счастливчик. Великая Мать благоволит к тебе. И всегда тебе так везет? – спросил Ранек и посмотрел на Эйлу полными восхищения глазами.

В отличие от Талута Ранек видел ее приближение. Она словно слилась с лошадьёю и, явно не думая о смертельно опасных длинных рогах, летела наперерез быку, ее золотистые волосы развевались на ветру, а глаза были полны ужаса и гнева. В этот момент Эйла была подобна какому-то карающему духу или разъяренной матери, стремящейся защитить свое дитя. Не имело значения, что и лошади, и всаднице вполне мог достаться удар острых бизоньих рогов. Казалось, в Эйлу вселился дух Великой Матери, который помогал ей с одинаковой легкостью управлять и бизонами, и лошадьёю. Ранек впервые видел такую потрясающую женщину. В ней сочетались все те качества, которые он мечтал найти в женщине, хранительнице очага: красота, сила, бесстрашие, чуткость и надежность. Она была женщиной исключительной во всех отношениях.

Джондалар заметил, как Ранек взглянул на Эйлу, и его сердце болезненно сжалось. Разве может она оставить без внимания этот влюбленный взгляд? Разве сможет она устоять перед столь явно выраженным чувством этого обаятельного темнокожего мужчины? Боясь потерять Эйлу, Джондалар не знал, как поступить в данной ситуации. На лице его отразились гнев и отчаяние. Он скрипнул зубами и отвернулся, пытаясь скрыть свои чувства.

Ему не приходилось прежде попадать в такое положение, но он часто видел мужчин и женщин, проявлявших ревность, и относился к ним с жалостью и даже отчасти с презрением. Это было похоже на поведение ребенка, неопытного ребенка, которому не хватает знаний и мудрости, чтобы понять главные основы жизни. Джондалар считал себя умнее. Ранек старался спасти его жизнь, и он был мужчиной. Можно ли обвинять его в том, что он проявлял повышенное внимание к Эйле? Разве она не вправе сделать выбор? Он ненавидел себя за свое же собственное поведение и, однако, ничего не мог с собой поделать. Вытащив копые из горла бизона, он отошел в сторону.

Забой уже начался. Защищенные крепкой стеной охотники метали копыя в мычащих и ревуших животных, которые в панике метались по огороженному участку ущелья. Выбрав подходящее место, Эйла забралась на кучу камней, подпиравших стену, она заметила, каким сильным и точным движением Ранек метнул копые. Здоровенная самка бизона пошатнулась и упала на колени. Животное быстро добило двумя ударами, второе копые послал Друвец; кто нанес третий удар, Эйла не успела заметить. Горбатая махина рухнула как подкошенная, и ее лохматая, низко опущенная голова уткнулась в землю. Эйла поняла, что копыеметалка в данном

случае не дает никаких преимуществ. Охоту вполне можно было завершить с помощью обычных копий.

Внезапно один из быков стремительно помчался вперед, обрушившись на ворота всей массой своего громадного тела. Дерево затрещало, кожаные ремни порвались, и опорный столб покосился. Эйла почувствовала, как качается загон, и спрыгнула на землю. Однако загон продолжал раскачиваться. Рога бизона застряли в хитросплетениях стены! Он сотрясал всю изгородь, пытаясь вырваться на свободу. Эйла подумала, что разъяренное животное сейчас развалит все сооружение.

Талут взобрался на раскачивающиеся ворота и одним ударом своего огромного топора проломил череп могучему зверю. В лицо ему брызнул фонтан крови, и мозги бизона вывалились наружу. Бык повалился на бок, но застрявшие в стволе дерева рога потянули за собой ворота вместе с Талутом.

Когда падающая изгородь достигла земли, вождь с завидной ловкостью соскочил вперед и, сделав пару больших прыжков, нанес еще один сокрушительный удар последнему оставшемуся в живых бизону. Ворота уже сослужили свою службу.

– Ох и работка нам предстоит! – покачав головой, сказала Диги, окидывая взглядом пространство внутри покосившейся изгороди.

Разбросанные повсюду туши убитых животных напоминали темно-коричневые лохматые холмы. Диги подошла к ближайшему быку, вытащила из ножен свой острый как бритва кремневый нож и, оседлав бычью голову, погрузила лезвие в поросшее густой шерстью горло. Алый фонтан брызнул из яремной вены, затем его напор ослаб и соединился с темно-красной кровью, появившейся из ноздрей и рта животного. Кровь медленно впитывалась в почву, оставляя на поверхности прародительницы-земли расширяющееся темное пятно.

– Талут! – окликнула вождя Диги, подойдя к следующей горе лохматой шерсти. Длинное древко копья, пронзившего бок животного, еще подрагивало. – Избавь его от страданий, но постарайся на этот раз не повредить мозги. Они потом пригодятся.

Талут одним точным ударом прикончил раненое животное. Началась долгая работа, надо было освежевать, выпотрошить и разделать все туши. Эйла присоединилась к Диги, чтобы помочь ей перевернуть большую корову, поскольку разделку туши обычно начинали с брюха животного, где шкура гораздо тоньше и мягче. Джондалар направился было к ним, но Ранек стоял ближе и первым пришел на помощь женщинам. Джондалар посмотрел в их сторону, прикидывая, нужна ли им дополнительная помощь, или он будет только мешать.

Они распорили брюхо от заднего прохода к горлу, вырезав наполненное молоком вымя. Эйла взялась за одну половину шкуры, а Ранек – за другую, чтобы растянуть ее и обнажить грудную клетку. Затем они развели треснувшие ребра, и Диги почти по плечи погрузила руки в эту еще теплую тушу, добираясь до внутренних органов. Они извлекли желудок, кишечник, сердце и печень. Все делалось очень быстро, чтобы кишечные газы, которые раздувают труп, не успели испортить мясо. После этого женщины принялись за шкуру.

Расстроенный Джондалар понял, что здесь его помощь явно не требуется, и направился к Лэти и Данугу, которые пытели над грудной клеткой тельца. Слегка оттолкнув Лэти локтем, Джондалар одним мощным и яростным ударом разрубил ребра и развел их в разные стороны. Однако разделка туш была очень тяжелой работой, и к тому времени, когда они начали снимать шкуру, гнев Джондалара успел развеяться.

Эйле приходилось заниматься подобным делом; она множество раз самостоятельно свежевала туши. Снять шкуру было нетрудно, гораздо труднее было очистить ее. Сначала обрезают шкуру вокруг ног, а затем она довольно легко отделялась от мускулов; можно было просто снять ее, но внутренняя сторона получалась более чистой, если это делалось руками. Связки, конечно, проще было отрезать, и для этой цели использовался разделочный нож с костяной ручкой и обоюдоострым лезвием, конец которого был скругленным и притупленным, чтобы не

повредить кожу. Эйла привыкла пользоваться более простыми ножами и орудиями без рукояток, поэтому не слишком ловко управлялась с этими новыми лезвиями, вставленными в костяные ручки, хотя она уже поняла, что такие ножи гораздо надежнее и удобнее. Необходимо было тщательно отделить ножные и спинные сухожилия; жилы требовались везде – от шитья одежды до изготовления охотничьих силков и ловушек. Шкура бизона шла на кожаные или меховые изделия. Из длинной шерсти можно было сплести веревки или снасти различных размеров, рыболовные сети и силки для птиц или мелких животных; каждое из этих приспособлений использовалось в соответствующий охотничий сезон. Мозги, а также часть копыт сохранялись, их вываривали вместе с костями и обрывками шкуры для получения клея. Из черепа выламывали мощные изогнутые рога, достигавшие в длину до шести футов. Твердые сплошные части рогов, составлявшие примерно треть от общей длины, могли быть использованы для изготовления рукояток, кольшкков, пробойников, клиньев или кинжалов. Из полых частей рогов с отрезанными верхними концами делались конические трубки для раздувания огня или воронки для заполнения кожаных емкостей жидкостью, разными сыпучими веществами или зерном. Из центральной части, в которой оставался участок твердой сплошной основы, изготовляли чаши для питья. Кроме того, из рога делали пряжки, застежки и браслеты, распиливая его поперек на узкие кольца.

Ноздри и языки бизонов отделялись с особой тщательностью, эти части считались деликатесом наряду с печенью. Затем тушу делили на семь больших кусков: по две задние, срединные и передние части, а седьмой была шея. Кишки, желудки и мочевые пузыри промывались водой и заворачивались в шкуры. Позже их надувают воздухом, чтобы они не съжились, и будут использовать на кухне для хранения жиров и жидкостей или в качестве поплавков для рыболовных сетей. Любая часть туши могла найти практическое применение, однако использовали только самое лучшее и наиболее полезное. Сейчас надо было взять ровно столько, сколько охотники смогут унести.

Чтобы Удалец не путался под ногами и не подвергал себя опасности, Джондалар еще перед началом охоты отвел его вверх по крутой тропе и надежно привязал к дереву, чем сильно расстроил резвого жеребенка. Уинни быстро отыскала его, как только бизоны оказались в загоне и Эйла отпустила ее. Закончив помогать Данугу и Лэти разделять первого бизона, Джондалар привел было Удальца обратно, однако ему пришлось пожалеть о своем поступке, поскольку жеребец был страшно напуган видом такого количества мертвых животных. Уинни также немного нервничала по этому поводу, но для нее такое зрелище было более привычным. Эйла заметила, как заартачился Удалец, но ее внимание привлекли Барзек и Друвец, которые направились берегом реки вниз по течению; она догадалась, что охотники пошли за своими сумками, – гоняясь за стадом и стараясь направить его в сторону загона, они, конечно, и думать забыли о своих вещах.

– Постой, Барзек, – крикнула Эйла, догоняя их. – Вы собрались за своими сумками?

Он улыбнулся ей:

– Да, и за запасной одеждой, мы побросали все там в спешке... Но я совсем не жалею об этом. Если бы ты вовремя не развернула первого быка, то мы потеряли бы все стадо. На этой лошади ты творишь настоящие чудеса. Я едва поверил собственным глазам. А сейчас нам пора сходить за вещами. На запах мертвых бизонов скоро начнут собираться хищники. Я видел следы волков, пока мы сторожили стадо, они явно бродят где-то поблизости. Волки с удовольствием пожуют нашу кожаную одежду, если найдут. Хотя волки просто поиграют с одеждой, а вот россомахи еще и изгадят.

– Но я могу съездить туда на лошади, – предложила Эйла.

– И правда, я как-то не подумал об этом! Конечно, после таких трудов стоило бы сначала подкрепиться, однако будет очень жалко, если часть наших вещей пропадет.

– Мы же спрятали наши сумки, помнишь? – сказал Друвец. – Ей ни за что не найти их.

– А ведь точно, – вспомнил Барзек. – Жаль, значит, нам придется идти самим.

– А Друвец знает, где они спрятаны? – спросила Эйла.

Подросток взглянул на Эйлу и кивнул.

Эйла усмехнулась:

– Ты хочешь проехаться на лошади?

– А можно? – Лицо юноши расплылось в широкой улыбке.

Она оглянулась и, встретившись взглядом с Джондаларом, призывно махнула ему рукой. Он быстро подошел к ней с лошадьми.

– Я хочу съездить вместе с Друвцом за вещами и сумками, которые мы в спешке забыли на берегу. Тогда мы думали только о том, как бы не упустить бизонов, – сказала Эйла, переходя на язык зеландонии. – Пожалуй, стоит взять с собой и Удальца. Хорошая пробежка успокоит его. Лошади не любят запаха крови. Уинни долго не могла привыкнуть к нему. Ты хорошо сделал, что привязал этого сорванца, но нам пора подумать и о его воспитании, чтобы он стал вести себя, как Уинни.

Джондалар улыбнулся:

– Отличная мысль, но как ты собираешься воспитывать его?

– Сама толком не знаю. – Эйла задумчиво нахмурила брови. – Уинни всегда слушалась меня по собственной воле, мы с ней с самого начала стали хорошими друзьями, но я не уверена, захочет ли этого Удалец. Он больше любит тебя, Джондалар. Может, ему захочется исполнять твои команды. По-моему, нам надо вместе попытаться воспитывать его.

– С удовольствием, – согласился он. – Мне так хочется когда-нибудь прокатиться на его спине так же, как ты едешь на Уинни.

– Мне тоже этого хочется, Джондалар, – сказала она, вспоминая о том, как в ее сердце зародилась любовь к этому светловолосому мужчине из племени Других. Когда-то она надеялась, что если Джондалар полюбит детеныша Уинни, то это может побудить его навсегда остаться жить с ней в ее долине. Потому-то Эйла и попросила его дать имя жеребенку.

Барзек с легким нетерпением ожидал, пока гости закончат разговор на непонятном ему языке. Наконец он не выдержал:

– Ну, раз уж вы решили съездить за вещами, то я пойду помогать разделять туши.

– Подожди меня, – остановил его Джондалар. – Я только помогу Друвцу сесть на лошадь и пойду с тобой.

Они вдвоем помогли юноше взобраться на спину Уинни и проводили взглядами удаляющуюся компанию.

* * *

Когда Эйла и Друвец вернулись со своей прогулки, тени стали заметно длиннее, и оба они поспешили заняться общими делами. Немного погодя, расположившись на берегу реки и промывая в воде длинные трубочки кишечника, Эйла вспомнила, как разделявали и свеживали животных женщины клана. Вдруг она поняла, что сегодня впервые в жизни ее признали равноправным членом охотничьего отряда.

Эйле с детства хотелось пойти на охоту вместе с мужчинами, хотя она знала, что женщинам запрещено охотиться. Но к охотничьим подвигам мужчин все относились с таким уважением и их охотничьи истории были настолько захватывающими, что Эйла стала грезить охотой и в мечтах часто представляла себя отважной охотницей, особенно когда ей хотелось забыть о какой-то неприятной или трудной ситуации. И это невинное начало привело к таким осложнениям, которых она вовсе не могла предвидеть. После того как ей разрешили охотиться с пращой, оставив под запретом все остальные виды оружия, она стала тайно подслушивать, как мужчины обсуждают свои охотничьи планы. Охота была практически единственным занятием

мужчин клана, если считать, что к ней относятся составление охотничьих планов, изготовление оружия, тренировки и ритуалы. А женщины клана разделявали и свеживали туши убитых животных, обрабатывали шкуры для одежды и спальных покрывал, сушили и готовили мясо и вдобавок ко всему этому изготавливали сосуды для воды, различные снасти, циновки и прочую домашнюю утварь, собирали овощи, лечебные травы и другие дары земли.

Количество людей в клане Брана было примерно таким же, как на Львиной стоянке, но мужчины клана редко убивали за одну вылазку больше одного или двух животных. В результате им приходилось охотиться довольно часто, а в преддверии зимнего сезона они почти каждый день уходили на поиски дичи, чтобы сделать как можно больше запасов. Эйле казалось странным, почему никто на Львиной стоянке не беспокоится о зимних запасах; сегодня впервые мамутой решили поохотиться. Прервав на мгновение свое занятие, Эйла оглянулась и посмотрела на мужчин, продолжавших разделявать это маленькое стадо. Над каждой тушей трудились два или три человека, и дело продвигалось так быстро, что Эйле оставалось только удивляться. Это заставило молодую женщину задуматься о различиях, существующих между этим племенем и кланом.

«Женщины мамутой ходят на охоту, – размышляла Эйла, – то есть у них больше охотников. Правда, этот отряд состоит из девяти мужчин и всего лишь четырех женщин... Женщины с детьми, видимо, редко участвуют в охоте, но все же это ощутимая разница. При таком количестве народа гораздо больше шансов на удачную охоту, и разделка добычи идет значительно быстрее, поскольку все охотники без исключения занимаются этим делом. Это довольно мудро», – решила Эйла, однако где-то на уровне подсознания она чувствовала, что такой обычай подразумевает нечто большее, некое очень существенное или даже основополагающее отличие, которое она никак не могла уловить. Кроме того, мамутой вели иной образ жизни и имели более свободный склад мышления. У них не было таких строгих и суровых правил, которым надо было неукоснительно следовать все время и вести себя строго определенным образом. Так могла возникнуть некая путаница, поскольку поведение мужчин и женщин ничем существенным не отличалось. Похоже, поведение человека этого племени зависело от личных склонностей, и это помогало лучше понять его и выявить скрытые возможности.

Джондалар рассказывал ей, что в его племени никому не запрещается участвовать в охоте, это было исключительно добровольным делом, хотя охотничий промысел считался очень важным занятием и большинство людей ходили на охоту, пока были силы и здоровье. Очевидно, мамутой имели сходные обычаи. Ссылаясь на себя в качестве примера, он объяснял ей, что люди наделены разными способностями и могут овладеть другим, не менее ценным, чем охота, мастерством. После того как Джондалар научился обрабатывать кремень и приобрел репутацию отличного мастера, он мог обменивать свои орудия и копья на любые необходимые ему вещи. Поэтому ему совсем не обязательно было охотиться, если он не хотел этого.

Однако Эйле еще далеко не все было ясно. «Если охота – дело добровольное, то как же они определяют, достиг ли юноша зрелости? Существует ли у них определенный ритуал на этот случай? Мужчины клана явно расстроились бы, если бы кто-то попытался убедить их, что, вообще-то, можно и не охотиться. Ведь мальчик не может стать мужчиной, пока не убьет на охоте большое животное...» Затем Эйла подумала о Кребе. Он никогда не ходил на охоту. Просто не мог из-за своего поврежденного глаза и покалеченной руки, кроме того, он еще и хромотал. Он был мудрейшим Мог-уром, мудрейшим из посвященных шаманов клана, но за свою жизнь он так никого и не убил, не прошел обряд зрелости. По его собственному мнению, он так и не стал мужчиной. Но Эйла понимала, что во всем остальном, кроме охоты, он явно был мужчиной.

Когда с разделкой туш бизонов было покончено, сумерки уже сгустились, однако все охотники без колебаний направились к реке, снимая свои испачканные кровью одежды. Женщины, отделившись от мужчин, ушли мыться выше по течению, но все находились в пределах

видимости друг друга. Скатанные рулоны шкур и большие куски разрубленных туш были сложены в одном месте, а вокруг разожгли несколько костров, чтобы отпугнуть хищников и прочих любителей падали. Поблизости была навалена огромная куча топлива – плавника, валежника, а также свежесрубленных деревьев, которые использовались для постройки загона. Чуть дальше располагался ряд низких палаток, а на одном из костров жарилась насаженная на вертел часть бизоньей туши.

С наступлением темноты резко похолодало. Тули и Диги одолжили Эйле запасную сухую одежду, и она с благодарностью приняла ее, хотя этот наряд был ей явно не по размеру. Свои забрызганные кровью вещи она выстирала, и сейчас они сохли вместе с одеждой других охотников. Проведя некоторое время с лошадьми, Эйла убедилась, что они уже спокойно отдыхают, забыв о дневных тревожностях. Уинни расположилась на границе освещенной кострами территории, выбрав наиболее удобное место, равно удаленное как от запаса мяса, предназначенного для транспортировки на стоянку, так и от груды остатков, сваленных за охраняемой огнем границей, откуда порой доносились тихое рычание и тьяканье.

Охотники вволю поели бизоньего мяса, покрывшегося вкусной хрустящей корочкой; верхний слой его отлично прожарился, но у костей оно было еще совсем сырым. После этого, подкинув дров в костер, все расположились вокруг огня, чтобы поболтать, потягивая душистый настой травяного чая.

– Честно говоря, Эйла очень ловко управилась с этим стадом, – говорил Барзек. – Не знаю, долго ли еще мы смогли бы удерживать бизонов на том пятачке. Они становились все более нервными, и я был уверен, что мы потеряем их, когда тот здоровенный бык помчался вниз по течению.

– Да, думаю, успехом сегодняшней охоты мы обязаны Эйле, и нам всем надо поблагодарить ее, – сказал Талут.

Непривычная к похвалам, Эйла смущенно вспыхнула, однако к ее смущению примешивалось и другое чувство. Высокая оценка ее охотничьего мастерства, подразумеваемая этой похвалой, согрела душу молодой женщины. Она мечтала о таком признании всю свою жизнь.

– Представляю, как удивятся наши соплеменники, когда мы расскажем об этой охоте на Летнем сходе! – с громогласным смехом добавил вождь.

Разговор на время затих. Талут поднял здоровенную сухую ветвь, она так долго пролежала на земле, что кора уже свободно свисала с нее, как старая высохшая кожа. Разломив ее о колено на две части, он бросил их в огонь. Взметнувшийся сноп искр осветил лица людей, расположившихся вокруг костра.

– Конечно, охотничьи вылазки не всегда бывают такими удачными. А помните, как мы почти загнали белого бизона? – спросила Тули. – Какая жалость, что ему все же удалось уйти.

– Должно быть, его оберегала Мут. Я был уверен, что он уже у нас в руках. А ты видел когда-нибудь белых бизонов? – спросил Барзек, обращаясь к Джондалару.

– Нет, только слышал о них. Но я видел белую бизонью шкуру, – ответил Джондалар. – Мы, зеландонии, считаем всех белых животных священными.

– Даже лис и зайцев? – удивленно спросила Диги.

– Да, хотя их статус гораздо ниже. Даже белые куропатки священны. По нашим поверьям, эта белизна – признак особой избранности. Этих животных отметила Дони, и наиболее почитаемы те из них, которые рождаются белыми и остаются такими на протяжении всей жизни, – пояснил Джондалар.

– Для нас они тоже имеют особое значение. Именно поэтому очаг Журавля обладает таким высоким статусом... в большинстве случаев, – помедлив, добавила Тули, с оттенком презрения взглянув на Фребека. – У большого белого журавля белое оперение, и, кроме того, мы считаем, что все птицы являются посланниками Великой Мут. И конечно, белые мамонты также наделены особым могуществом.

– Я никогда не забуду, как мы охотились на белого мамонта, – мечтательно сказал Талут, он продолжил рассказ, заметив одобрительные и заинтересованные взгляды. – Мы ужасно обрадовались, когда отряд разведчиков рассказал, что обнаружил неподалеку это огромное животное. Все мамутои вознесли благодарственные молитвы Великой Матери, ибо Она оказала нам великую честь, послав эту белую мамонтиху. Летний сход еще только начался, и все понимали, что если первая охота окажется успешной, то удача будет сопутствовать нам во всех делах, – пояснил Талут гостям. – Все мамутои, изъявившие желание участвовать в этой охоте, должны были пройти особый обряд очищения и поста, чтобы добиться благословения Мут. А кроме этого, надо было соблюсти дополнительные ограничения, наложенные очагом Мамонта, но мы выдержали все эти испытания, поскольку очень хотели быть избранными в этот отряд. В то время я был немногим старше Дануга, однако так же здоров и крепок, как он сейчас. Возможно, поэтому меня и выбрали, и мне даже удалось вонзить копье в эту белую громадину. Конечно, неизвестно, чье именно копье убило ту мамонтиху, так же как сегодня мы не смогли определить, чей удар свалил бизона, который помчался на тебя, Джондалар. Мне кажется, Великая Мать не захотела предоставить такую высокую честь одному человеку или даже членам одной стоянки. В итоге все вышло очень хорошо: никакой зависти или обиды.

– А я слышал, что далеко на севере живут белые медведи, – заявил Фребек, явно недовольный тем, что ему никак не удается вставить слово в разговор.

Никто из мамутои не мог похвастаться тем, что лично убил белого мамонта, но все же та знаменитая охота вызывала у людей завистливые чувства. Каждому хотелось бы принять участие в подобной охоте, а особенно Фребеку, поскольку это могло бы значительно повысить низкий статус, унаследованный им от матери.

– Я тоже слышал о них, – сказал Дануг. – Когда мы жили возле кремневого месторождения, то к нам пришли люди из племени сангаи, чтобы договориться о кремневом обмене. Среди них была одна удивительная сказительница, она знала множество сказаний и легенд и рассказывала нам о Матери Мира, и о грибном народе, который сопровождает солнце по ночам, и еще о разных диковинных животных. Тогда-то я и услышал впервые о белых медведях. Из ее рассказа мы поняли, что они живут во льдах и питаются только той живностью, что обитает в море. Но говорят, эти звери довольно кротки, как и огромные пещерные медведи, которые вообще не едят мяса. Они совсем не похожи на своих злобных бурых сородичей. – Дануг не заметил, с каким раздражением смотрел на него Фребек. Юноша случайно перебил его, просто ему захотелось внести свою лепту в разговор.

– Однажды, вернувшись с охоты, мужчины клана сказали, что видели белого носорога, – сказала Эйла. Все еще пребывая в раздражении, Фребек метнул на нее злой взгляд.

– Да, белые твари встречаются довольно редко, – согласился Ранек, – но и черные тоже наделены особыми качествами. – Он сидел чуть дальше от огня, и лица его почти не было видно, однако все заметили его белозубую улыбку и озорной блеск глаз.

– Ну конечно же, ты у нас – большая редкость и всегда рад предоставить любой женщине на Летнем сходе узнать, какие именно редкие качества отличают тебя от обычных мужчин, – насмешливо заметила Диги.

Ранек рассмеялся:

– Но, Диги, что же я могу поделать, если дары Великой Матери вызывают огромный интерес у женщин. Или тебе хотелось бы, чтобы я расстроил отказом одну из них? Правда, надо сказать, я говорил вовсе не о себе, а имел в виду черных кошек.

– Черных кошек? – удивленно спросила Диги.

– Уимез, я смутно помню, что видел в детстве огромную черную кошку, – сказал он, поворачиваясь к мужчине, с которым делил очаг. – Ты знаешь что-нибудь об этих животных?

– Должно быть, она произвела на тебя сильное впечатление. Ведь ты был тогда совсем маленьким. Я даже не предполагал, что у тебя могут сохраниться эти воспоминания, – сказал

Уимез. – Этот случай произошел, когда ты едва научился ходить и отправился впервые обследовать окрестности. Твоя мать пошла за тобой, и я услышал ее пронзительный крик. Оказывается, ее охватил ужас, когда она увидела, что ты ползаешь под деревом, на котором сидит эта большая черная кошка. Если бы не цвет, то ее можно было бы назвать снежным барсом. Видимо, твоя мать решила, что эта хищница собирается съесть тебя, однако, похоже, у кошки не было дурных намерений или ее испугал женский визг... Короче, все закончилось благополучно, но после этого случая твоя мать долго не выпускала тебя из поля зрения.

– Там, где вы жили, обитает много таких черных хищников? – спросил Талут.

– Нет, не очень много, но они похаживали вокруг жилья. Эти кошки живут в лесах и охотятся по ночам, поэтому мы редко видели их.

– Может быть, там черные животные такая же редкость, как здесь – белые? – задумчиво предположил Ранек. – Бизоны, а порой и мамонты в наших краях достаточно темные, хотя их нельзя назвать черными. Все-таки черный цвет, скорее всего, тоже особенный. Много ли существует черных животных?

– Сегодня, когда мы с Друвцом ездили за вещами, то видели черного волка, – сказала Эйла. – Прежде мне не приходилось встречать черных волков.

– Но он был действительно черным? Или просто темно-серым? – уточнил Ранек, проявляя горячий интерес.

– Да, именно черный. Разве что только живот был чуть посветлее. Думаю, это был одинокий волк, – добавила Эйла. – Других волчьих следов я не заметила. Возможно, в стае у него был... низкий статус, и он отправился на поиски одинокой волчицы, чтобы создать новую стаю.

– Низкий статус? Откуда ты знаешь так много о волках? – с оттенком иронии спросил Фребек. Похоже, ему не хотелось верить ей, но в целом тон его голоса выдавал явную заинтересованность.

– Когда я училась охотиться, то выслеживала только хищников. Моим оружием была праща. Долгое время я внимательно наблюдала за одной стаей, изучала повадки волков. Однажды я заметила в этой стае одну белую волчицу, остальные волки враждебно относились к ней, и она ушла от них. По-моему, им не нравилось, что волчица отличается от них по цвету.

– Точно, я тоже видел черного волка, – с горячностью подтвердил Друвец, которому после сегодняшней замечательной прогулки на лошади особенно хотелось поддержать Эйлу. – Сначала я даже не поверил своим глазам, но это был именно волк, черный волк. И мне тоже показалось, что он одинокий.

– Кстати, о волках: наверное, нам следует установить ночное дежурство. Раз уж вокруг бродят черные волки, то это вдвойне необходимо, – сказал Талут. – Мы можем сменять друг друга, но кто-то должен постоянно бодрствовать и охранять нас всю ночь.

– Пожалуй, и правда пора немного отдохнуть, – вставая, сказала Тули. – Завтра нас ждет трудный поход.

– Я могу начать дежурство, – предложил Джондалар, – а когда устану, разбужу еще кого-нибудь.

– Можешь растолкать меня, – предложил Талут.

Джондалар кивнул.

– Я тоже останусь с тобой дежурить, Джондалар, – сказала Эйла.

– Отличная мысль, в компании время пролетит незаметно. К тому же больше шансов, что вы не уснете, разговаривая друг с другом.

Глава 8

– Однако холодная была ночка. Даже мясо слегка подмерзло, – сказала Диги, привязывая нижнюю часть туши к заплечному мешку.

– Это как раз хорошо, – заметила Тули. – Жаль только, что нам не унести всю эту гору. Большую часть явно придется оставить здесь.

– Может быть, стоит завалить остатки камнями? Мы быстро натаскаем их из загона, – предложила Лэти.

– Может быть и скорее всего, мы так и сделаем, Лэти. Это хорошая мысль, – одобрила Тули, заканчивая увязывать свой дорожный тюк, который был таким огромным, что Эйла засомневалась, удастся ли Тули при всем своем могучем телосложении дотащить его до дома. – Правда, если погода переменится, мы не сможем вернуться за ним до будущей весны. Было бы лучше, если бы нам удалось перетащить его поближе к дому. Звери опасаются подходить близко к стоянке, и мы всегда сможем проверить его сохранность. А здесь совершенно дикое место, и если пещерный лев или даже оголодавшая россомаха действительно захочет полакомиться мясом, то никакие камни ее не остановят.

– Можно еще полить камни водой, чтобы они превратились в ледяную гору, – сказала Диги. – Возможно, это спасет мясо от хищников. Довольно трудно развалить замороженную пирамиду даже с помощью кайла или кирки.

– Конечно, это убережет мясо от животных, но есть еще солнце, Диги. Ведь лед может растаять, – возразил Торнек. – Никто не знает, когда окончательно установятся морозы. Ведь зимний сезон еще не начался.

Прислушиваясь к разговору, Эйла посмотрела на мясную кучу, заметно уменьшившуюся после того, как каждый взял оттуда часть добычи. Она не привыкла к излишкам мяса, располагая лишь тем, что могла дотащить самостоятельно, поэтому выбирала обычно только самые лучшие куски. Когда Эйла жила в клане, то еды там было всегда много и более чем достаточно шкур для одежды, покрывал и прочих изделий. Ей было неизвестно, сколько мяса мамутой обычно забирают с собой, однако куча отбросов была слишком большой. И Эйла расстроено подумала, что ее придется изрядно пополнить, кроме того, она поняла, что все охотники тоже сожалеют об этом.

Дануг взял большой топор Тули и, взмахнув им с такой же легкостью, как она, разрубил деревянный чурбан надвое и подбросил его в последний догоравший костер. Заметив, как ловко он орудует топором, Эйла подошла к юноше.

– Дануг, – тихо сказала она, – ты можешь помочь мне?

– Что?.. Гм... Ну да, – смущенно запинаясь, пробормотал он, чувствуя, что краснеет.

Ее голос был довольно низким и звучным, а выговор на редкость странным. Она застала его врасплох; юноша не заметил ее приближения и сейчас робко топтался рядом с этой удивительно красивой женщиной, которая вызывала у него совершенно необъяснимые чувства.

– Мне нужны... две длинные жерди, – сказала Эйла, показывая два пальца. – Чуть ниже по течению растут молодые деревца. Ты срежешь их для меня?

– Что?.. А, да, конечно. Я могу срубить пару деревьев для тебя.

Когда они приблизились к повороту узкой реки, Дануг успел немного успокоиться, но по-прежнему не сводил взгляда с этой светловолосой женщины, которая шла рядом, всего на полшага впереди него. Эйла выбрала две прямоствольные молодые ольхи примерно одной толщины и, после того как Дануг повалил их, попросила обрубить ветви и верхушки, чтобы жерди получились равной длины. К тому времени робость этого рослого и плечистого молодого парня заметно поубавилась.

– Что ты собираешься делать с ними? – спросил Дануг.

– Сейчас увидишь, – сказала она и громким призывным свистом позвала Уинни.

Кобыла тут же прискакала к ней. Готовясь к отправлению, Эйла уже нагрузила животное обычными вьючными корзинами. По мнению Дануга, лошадь выглядела довольно нелепо; на ее спине лежала кожаная попона с ремнями, на которых держались две большие корзины. Однако он заметил, что это не беспокоит кобылу и даже не замедляет ее хода.

– Как ты приучила ее к этому? – спросил Дануг.

– Приучила к чему?

– Ну, почему она идет на твой свист?

Эйла задумалась.

– Понимаешь, Дануг, я и сама толком не знаю. Пока я не подобрала Вэбхья, мы с Уинни жили одни в долине. Она была моим единственным другом. Она росла на моих глазах, и мы учили... учились друг у друга.

– А правда, что ты умеешь разговаривать с ней?

– Мы учились друг у друга, Дануг. Уинни не могла говорить, как люди. Я учила... ее привычки... ее знаки. Она учила мои.

– Ты имеешь в виду ручной язык, которым говорит Ридаг?

– Отчасти. И животные, и люди – все имеют свои знаки. Даже ты, Дануг, ты произносишь слова, но знаками можешь сказать больше. Ну... то есть ты говоришь, даже когда не говоришь.

Дануг озадаченно нахмурился. Ему не особенно понравилось странное направление, которое принял их разговор.

– Я ничего не понял, – сказал он, отводя глаза.

– Ну, понимаешь, – продолжала Эйла, – словами не передашь того, что можно передать знаками... Ты ведь хочешь сесть на лошадь, верно?

– Гм... да, конечно. Я хотел бы.

– Хорошо... Сейчас ты поедешь на ней.

– Ты не шутишь? Я действительно смогу прокатиться на ней, как Лэти и Друвец?

Эйла улыбнулась:

– Пойдем, надо найти большой камень, это поможет тебе сесть на лошадь первый раз.

Поглаживая и почесывая кобылу, Эйла разговаривала с ней на том особом языке, который совершенно естественным образом выработался у нее за время общения с животными; этот язык включал в себя знаки и слова клана, какие-то странные звукосочетания, которые Эйла когда-то сама придумала для своего маленького сына, а также звуки, издаваемые животными, которым она научилась отлично подражать. Она сообщила Уинни, что Дануг хочет проехаться верхом и что эта поездка должна быть волнующей, но не опасной. Юноша узнал несколько ручных сигналов, которым Эйла научила Ридага и остальных обитателей стоянки. Он очень удивился, осознав, что немного понимает, о чем Эйла говорит с лошадью, однако это нагнало на него еще больше страха. Она разговаривала с лошадью, но, подобно Мамуту, общавшемуся с миром духов, использовала при этом и какой-то магический язык, известный только посвященным.

Трудно сказать, понятен ли был этот язык лошади, но по действиям своей хозяйки, помогавшей высокому молодому парню сесть верхом, она поняла, что ее ждет нечто особенное. Уинни уже воспринимала Дануга как знакомого и заслуживающего доверия человека. Его длинные ноги почти доставали до земли, и пока он не давал кобыле никаких ощутимых указаний относительно предстоявшей поездки.

– Держись за гриву, – инструктировала Дануга Эйла. – Для того чтобы тронуться с места, чуть наклонись вперед. Если хочешь замедлить ход или остановиться, то сядь прямо.

– А разве ты не собираешься ехать со мной? – слегка дрогнувшим голосом спросил Дануг.

– В этом нет необходимости, – сказала она и послала Уинни вперед, шлепнув ее по боку.

Кобыла тронулась с места и неожиданно понеслась резвым галопом. Дануга слегка отбро-сило назад, и он, перепугавшись, схватился за жесткую гриву, подался вперед и обхватил руками изогнутую шею. Обычно, когда Эйла наклонялась вперед, это было для Уинни сигна-лом ехать быстрее. Крепкая лошадка, привыкшая бегать по холодным степным просторам, уже успела изучить этот берег и поэтому послушно помчалась вниз по течению, ловко перепрыги-вая через кусты и валежники и огибая острые выступающие скалы и группы деревьев.

Поначалу Дануг просто оцепенел от страха и сидел, плотно припав к шее лошади и крепко зажмурившись. Потом, осознав, что он все еще не свалился на землю, а по-прежнему подпрыгивает на спине скачущей лошади, юноша начал ощущать под собой мощные мускулы животного и даже осмелился приоткрыть глаза. Сердце его отчаянно забилося, когда он увидел пронесившиеся мимо него размытые очертания деревьев и кустов и мелькавшую под ногами землю. Крепко держась за шею Уинни, он приподнял голову и огляделся повнимательнее.

С трудом веря собственным глазам, Дануг обнаружил, что они долетели уже почти до самой развилки. Впереди маячили гранитные скалы, вздымавшиеся по обеим сторонам речной долины! Ему вдруг послышался чей-то далекий свист, и он заметил мгновенную перемену в беге лошади. Выскочив за гранитные скалы, Уинни слегка замедлила шаг и, описав широкую дугу, побежала обратно, вверх по течению. Страх юноши уже заметно поубавился, но он по-прежнему крепко держался за лохматую гриву. Решив посмотреть, где они будут проезжать, он слегка отклонился назад, и лошадь восприняла это как сигнал уменьшения скорости.

Вскоре лошадь приблизилась к месту временной стоянки охотников, и Эйла, заметив улыбку на лице Дануга, подумала о Талуте: именно так улыбался рыжебородый вождь, когда бывал доволен собой. В юном Дануге она видела черты этого мужчины. Уинни резко остано-вилась возле своей хозяйки, Эйла подвела ее к валуну, чтобы Дануг мог спуститься на землю. Он был так потрясен, что не сумел вымолвить ни слова, однако улыбка не сходила с его лица. Он никогда не задумывался над тем, как быстро скачут лошади, – просто не мог себе этого представить, – и поездка на спине Уинни превзошла все его самые невероятные ожидания. Впечатление от этой первой скачки останется у него на всю жизнь.

Поглядывая время от времени на его улыбающееся лицо, Эйла сама не могла сдержать улыбку. Она успела уже привязать жерди к упряжи лошади, потом они все вместе вернулись к охотничьему лагерю, а Дануг все еще улыбался.

– Что с тобой? – спросила Лэти. – Почему ты так странно улыбаешься?

– Я ездил на лошади, – тихо ответил Дануг.

Лэти усмехнулась и понимающе кивнула.

Почти все, что можно было унести с собой к Львиной стоянке, охотники уже привязали к своим заплечным мешкам или сложили на шкуры, закрепленные на двух крепких жердях, соорудив нечто напоминавшее носилки, которые должны были нести на плечах два человека. В центре походной стоянки еще оставались рулоны шкур и несколько задних частей бизоньих туш, однако Эйла думала, что остатков будет значительно больше. В этой охоте и разделке добычи участвовал весь отряд, и точно так же сейчас каждый взял себе посильную ношу, чтобы доставить на зимнюю стоянку запасы мяса и шкур.

Некоторые охотники заметили, что Эйла не позаботилась о том, чтобы соорудить для себя дорожную поклажу, а вместо этого ушла куда-то с Данугом. Один лишь Джондалар понял, что она задумала, увидев, как Уинни тащит за собой длинные жерди. Она расположила эти жерди так, что толстые концы доходили до лошадиного загривка, средние части прошли под свисавшими на боках корзинами и были закреплены ремнями, а тонкие нижние концы жердей просто лежали на земле. Затем, взяв несколько дополнительных веток, Эйла привязала к ниж-ним концам жердей полсть палатки, соорудив свою обычную волокушу. Мамутои побросали все дела и внимательно следили за действиями молодой женщины, но догадались они о назна-чении этого странного сооружения только тогда, когда она начала перетаскивать оставшееся

мясо на эту волокушу. Доверху заполнив волокушу и выючные корзины Уинни, Эйла привязала последнюю часть туши к своему заплечному мешку. Когда она закончила свои сборы, охотники с изумлением обнаружили, что от мясной кучи ровным счетом ничего не осталось.

Вид лошади с волокушей и корзинами произвел сильное впечатление на Тули, и она сказала, взглянув на Эйлу:

– Надо же, мне не приходило в голову, что лошадь можно использовать для перевозки больших грузов. По правде говоря, раньше мы считали, что эти животные пригодны только для еды.

Талут засыпал влажной землей тлеющие угли костра; разбросав их, он убедился, что все огоньки погасли. Затем, закинув свою тяжеленную ношу за спину и продев левую руку в петлю заплечного мешка, он взял в правую руку копье и двинулся в сторону дома. Остальные охотники потянулись вслед за ним. Общаясь уже довольно долго с мамутой, Джондалар пока не мог понять, почему они носят свои кожаные мешки на одном плече. Но сейчас, пытаясь поудобнее устроить на спине громоздкий и тяжелый груз, он внезапно обо всем догадался. Такой способ переноски позволял охотникам тащить значительно более объемистые и неудобные грузы. «Видимо, им часто приходится переносить большие тяжести», – подумал он.

Уинни следовала за Эйлой, почти касаясь своей мордой плеча женщины. Джондалар шел рядом, ведя на поводке Удальца. Пропустив вперед несколько человек, Талут пристроился перед ними и подбодрил их парой веселых замечаний. Охотники с трудом переставляли ноги, сгибаясь под тяжелой ношей, однако Эйла заметила, что они порой оглядываются, чтобы посмотреть на нее и Уинни.

Немного погодя Талут тихо запел в такт своему шагу и вскоре обогатил мелодию странно звучащими словами, которые, похоже, просто определяли размер куплета:

Бум-па, дум-па, трам-па, пам-па.
Век-ла, пек-ла, ха-лу-ла!
Бум-па, дум-па, трам-па, пам-па.
Век-ла, пек-ла, ха-лу-ла!

Остальные мамутой быстро начали подпевать ему, повторяя эти непонятные слова и мелодию. Потом, вдруг озорно улыбнувшись, Талут глянул на Диги и, сохраняя ритм и мелодию припева, пропел шуточный куплет:

Милой Диги сон приснился —
Бранаг ночью к ней явился.
Но лишь глазки открывает,
Милый сразу исчезает.

Все понимающе посмеивались, а Диги смущенно улыбнулась. Талут повторил первую строчку, а отряд подхватил вторую, и точно так же, закончив вторую часть куплета, они хором пропели припев:

Бум-па, дум-па, трам-па, пам-па.
Век-ла, пек-ла, ха-лу-ла!

За несколько повторов Талут успел придумать очередной стишок:

Как проводит зиму Уимез?
Колет кремень он в тоске.

Как проводит лето Уимез?
В жарких ласках и гульбе!

На сей раз засмеялись все, исключая Ранека. Он издал негодующий возглас. Когда этот добродушный поддразнивающий куплет повторил весь отряд, обычно невозмутимый Уимез покраснел как вареный рак. Всем было хорошо известно, что, стосковавшись по женской ласке за время своей холостяцкой зимней жизни, Уимез старается наверстать упущенное, используя все преимущества Летних сходов.

Джондалар вместе с остальными пел эти веселые шуточные куплеты. Люди его племени тоже любили развлекаться подобным образом. Но Эйла сначала не совсем поняла, в чем суть такого занятия. Тем более что она заметила смущение Диги. Однако чуть погодя, оценив добродушные улыбки и веселый смех, она осознала, что все охотно воспринимают эти насмешки и никто не обижается. Видя, как заразительно смеются эти люди, Эйла начала постигать суть словесного юмора и тоже улыбнулась четверостишию, касавшемуся походов Уимеза.

Когда все угомонились, Талут вновь забубнил припев, и остальные весело подпевали ему в ожидании следующей шутки:

Бум-па, дум-па, трам-па, пам-па.
Век-ла, пек-ла, ха-лу-ла!

Взглянув на Эйлу, Талут самодовольно ухмыльнулся и запел очередной куплет:

Эйла в плен взяла сердца,
Как ей выбрать молодца?
Белый, да и черный тоже —
Оба редкостно пригожи.

Эйле было приятно, что Талут не обошел ее своим вниманием, и на лице ее вспыхнула счастливая улыбка, хотя она и не до конца поняла смысл куплета. Припомнив разговоры вчерашнего вечера, она догадалась, что пригожими молодцами являются, соответственно, черный Ранек и белый Джондалар. Восторженный хохот Ранека подтвердил ее догадку, а натянутая улыбка Джондалара обеспокоила молодую женщину. Последняя шутка определенно ему не понравилась.

После припева Барзек подхватил и развил эту тему, и даже неискушенное ухо Эйлы отметило, какой у него богатый и красивый голос. Барзек тоже улыбнулся Эйле, показывая тем самым, о ком сейчас пойдет речь.

Трудно Эйле выбрать цвет.
Белый – редкость, черный – тоже.
Может, лучше взять обоих,
Чтобы ночью грели ложе?

Пока охотники повторяли куплет, Барзек взглянул на Тули, и она подарила ему взгляд, полный нежности и любви. Однако Джондалар совсем скис, он уже не мог притворяться, что его радует тематика последних шуточных стишков. Ему явно пришлась не по душе идея Барзека, он не хотел делить любовь Эйлы ни с кем, а особенно с этим обаятельным резчиком.

Дальше инициативу взял на себя Ранек, а остальные с готовностью поддержали его, подхватив, как обычно, мелодию припева:

Бум-па, дум-па, трам-па, пам-па.
Век-ла, пек-ла, ха-лу-ла!

Намеренно усиливая томительное ожидание, он до последнего момента не поднимал глаз. Затем вдруг лицо его расплылось в широкой белозубой улыбке, и он стрельнул озорным взглядом в Талуга, инициатора этих поддразнивающих куплетов, а люди заранее рассмеялись, ожидая, когда Ранек вонзит свое словесное копьё в того, кто первым заставил других смущенно краснеть и поеживаться.

Крепок и могуч, как дуб,
Наш мудрейший вождь Талут.
У него копьё большое
И всегда готово к бою.

Рыжебородый вождь встретил этот намек возмущенным восклицанием и, когда охотники громко пропели куплет второй раз, быстро начал новый стишок, меняя тему. Всю дорогу до Львиной стоянки отряд распевал разные веселые куплеты, ритмичная песня помогала им бодрее шагать, а смех облегчал тяжесть добычи, которую они тащили домой с охоты.

* * *

Неzzi вышла из длинного холмообразного строения, и тяжелый занавес опустился за ней, плотно закрыв сводчатый вход. Она бросила пристальный взгляд на реку. Низкое солнце уже готово было спрятаться за высокой облачной грядой, розовевшей на западе. Затем, сама не зная толком зачем, она рассеянно посмотрела на тропу, поднимавшуюся по склону. По ее расчетам, сегодня охотники вряд ли должны были вернуться; они ушли со стоянки только вчера утром и в лучшем случае появятся только завтра к вечеру... Однако что-то вдруг заставило ее повнимательнее приглядеться к вершине холма. Неужели по той степной тропе действительно кто-то идет?

– Да это же Талут! – воскликнула она, узнав очертания знакомой фигуры, темневшей на фоне закатного неба. Приподняв край входного занавеса, она заглянула в дом и крикнула: – Скорее выходите! Они возвращаются! – и бросилась бежать вверх по склону к ним навстречу.

Мамутой высыпали из земляного жилища, чтобы приветствовать вернувшихся сородичей и помочь им снять заплечные мешки. Все понимали, что охотники очень устали, ведь после удачной охоты им пришлось еще и нести эту богатую добычу домой. Однако самое большое впечатление на встречающих произвел вид лошади, тащившей за собой такую поклажу, которую не подняли бы даже трое здоровых мужчин. Люди обступили Эйлу, разгружавшую корзины, тоже заполненные охотничьими трофеями. Рулоны шкур, рога и прочие части бизоньих туш передавались из рук в руки по цепочке; их быстро уносили в дом и закладывали на хранение в подземную кладовую.

Вскоре разгрузка закончилась, и все мамутой скрылись в доме. Немного задержавшись, Эйла сняла упряжь с Уинни и Удальца и отвела лошадей в удобное для ночлега место. Каждый вечер, уходя спать в теплое жилище, она тревожилась из-за того, что питомцам приходится ночевать под открытым небом. Конечно, сейчас, пока погода стоит сухая и не слишком холодная, в таких ночевках нет ничего страшного. И не холод больше всего беспокоил Эйлу, а то, что начинался сезон непредсказуемых изменений. Что, если ночью поднимется ураганный ветер или начнется буря? Где тогда смогут спрятаться несчастные животные?

Она в тревоге посмотрела на небо. Сквозь легкую дымку высоких, быстро летящих облаков просвечивала темная сумеречная синева. Солнце только что село, оставив за собой вели-

колепный ореол яркого света. Эйла заметила, как быстро тускнеют живые краски освещенной синевы, сменяясь темно-серой палитрой надвигающейся ночи.

Войдя в прихожую, Эйла невольно прислушалась к громким голосам, доносившимся из-за внутреннего занавеса, закрывавшего вход в кухонный очаг, – там явно шло обсуждение ее охотничьих подвигов, совершенных с помощью лошади. Сидя вокруг костров за вечерней трапезой, люди отдыхали и делились впечатлениями, однако, увидев вошедшую Эйлу, они тут же умолкли. Чувствуя, что все взоры направлены на нее, молодая женщина смущенно остановилась. Когда Неззи, поднявшись с циновки, протянула Эйле костяную тарелку и пригласила к костру, прерванные разговоры возобновились. Приступив к еде, Эйла внимательно огляделась вокруг. Куда же подевались бизоньи туши, которые мамутой только что занесли в дом? В кухонном помещении не было даже следа их охотничьих трофеев. Она поняла, что все эти запасы куда-то спрятаны. Но куда?..

* * *

Откинув тяжелую мамонтовую шкуру, Эйла вышла из дома и первым делом отправилась навестить лошадей. Убедившись, что с ними все в порядке, она поискала глазами Диги и с улыбкой пошла навстречу своей новой подруге. Диги обещала показать ей, как мамутой дубят и выделывают свежие бизоньи шкуры. Кроме того, Эйла часто вспоминала праздничную красную тунику Диги и очень хотела узнать, как они красят кожу. Джондалар говорил, что зеландонии считают священным белый цвет, а красный был священным для Эйлы, поскольку так считали члены клана. Красная кожа использовалась только в исключительных случаях, например во время именных ритуалов. Ее окрашивали настоем, в состав которого входили красная охра и жир, причем клан Брана предпочитал брать жир пещерного медведя. Когда выяснялось, каким тотемом избран человек, ему вручали мешочек с амулетом – кусочком красной охры. Все важные этапы жизни клана отмечались ритуалами, в которых использовалась охра, включая последний погребальный обряд. Единственной красной вещицей, имевшейся у Эйлы, был кожаный мешочек, где хранились корешки для изготовления священного напитка, и она считала его почти таким же ценным, как амулет.

Выйдя из дома с большим куском потемневшей от употребления кожи, Неззи огляделась и, заметив Эйлу и Диги, направилась прямо к ним.

– О Диги! Ты не могла бы помочь мне? – сказала она. – Я задумала приготовить тушеное мясо. Бизонья охота была настолько успешной, что Талут решил устроить большой праздник. Может, ты отложишь свои дела и поможешь мне с готовкой? Я уже запасла горячих углей в яме большого очага и подготовила место. Нужно притащить мешок сушеного мамонтового навоза, чтобы высыпать его на угли. А Дануга и Лэти я послала за водой.

– Не волнуйся, Неззи, я охотно помогу тебе в этом деле.

– Может, я тоже смогу помочь? – спросила Эйла.

– И я, – добавил Джондалар. Он только что подошел, чтобы поговорить с Эйлой, и услышал конец разговора.

– Для начала вы можете помочь мне вытащить мясо, – сказала Неззи, направляясь к дому.

Они последовали за ней к одному из боковых сводчатых проемов внутри жилища – так же как и входные, они были ограничены мамонтовыми бивнями. Неззи приподняла край довольно жесткого и тяжелого кожаного занавеса, покрытого густой мамонтовой шерстью. Изнутри дома этот занавес казался обычной, гладко выделанной кожей, но на другой стороне сохранился двойной меховой слой, состоявший из длинного волосяного покрова и более мягкого и пушистого подшерстка. Сразу за этой шкурой висел второй толстый занавес, а за ним оказалось очень холодное, тускло освещенное помещение. Земляные стены уходили вглубь более чем

на три фута, и все это подполье было почти доверху заполнено замороженной дичью, среди которой находилась большая часть вчерашних охотничьих трофеев.

– Отличное хранилище! – воскликнул Джондалар, поддерживая тяжелый занавес при входе, чтобы Неззи удобнее было спуститься вниз. – Мы тоже замораживаем мясо на зиму, только у нас такие кладовые находятся за пределами дома. Наши жилища обычно расположены под нависающими утесами или в передней части больших пещер, но там трудно сохранить мясо в замороженном виде, поэтому мы копаем ямы довольно далеко от жилья.

– Клан тоже замораживает мясо на зимний сезон, а сверху его заваливают большим слоем камней, – сказала Эйла.

Наконец-то она удовлетворила свое любопытство, узнав, куда делись принесенные с охоты бизоньи туши.

Неззи и Джондалар с удивлением посмотрели на нее. Их по-прежнему поражали ее рассказы о мудрых и разумных действиях людей клана. Ведь до встречи с ней им и в голову не приходило, что плоскоголовые могут делать зимние запасы. А Эйлу, в свою очередь, удивили слова Джондалара, упомянувшего о том, где живут зеландонии. Она уже было решила, что все племена Других строят себе земляные жилища, и не догадывалась, что дом мамутои оказался необычным не только ей, но и Джондалару.

– В нашей округе не так много камней для такого способа хранения, – густым басом пророкотал Талут, появляясь на пороге хранилища. Все трое оглянулись на рыжеволосого гиганта. Он перехватил у Джондалара тяжелый полог и сказал, обращаясь к Неззи: – Диги сообщила мне, что ты решила приготовить тушеное мясо. – На лице его блуждала одобрительная улыбка. – И я подумал, что моя помощь будет не лишней.

– Знаю, знаю, ты чувствуешь запах еды до того, как ее начали готовить! – со смехом заметила Неззи; она по-прежнему стояла в подполье, выбирая нужные куски дичи.

Джондалар не совсем разобрался, как устроено это хранилище.

– Почему мясо в яме остается замороженным? Ведь рядом такой теплый дом, – сказал Джондалар.

– Зимой земля здесь промерзает и становится твердой как скала, но летом она немного оттаивает и в ней можно выкопать такую яму. Строя это жилище, мы планировали сделать такое хранилище, поэтому докопались до слоя земли, который всегда остается мерзлым. Даже летом в нем очень холодно, и наши запасы хорошо сохраняются, хотя и не всегда остаются замороженными. Осенью, как только начинает холодать, земля постепенно промерзает. И когда мясо в подвале застывает, мы начинаем делать запасы на зиму. Эти мамонтовые шкуры помогают сохранить тепло внутри и холод снаружи, – пояснил Талут. – Точно так же они раньше служили самому мамонту, – с усмешкой добавил он.

– Вот, Талут, прими-ка этот кусочек, – сказала Неззи, поднимая сильно замороженный красновато-коричневый мясной кусок с толстым слоем желтоватого жира на боку.

– Давай я возьму, – предложила Эйла, протягивая руки.

Талут нагнулся к Неззи, и, хотя ее отнюдь нельзя было назвать миниатюрной женщиной, этот редкостный силач вытащил ее из ямы с такой легкостью, словно она была ребенком.

– Ты замерзла, дорогая. Я быстро согрею тебя, – сказал он и, подняв ее на руки, прижал к своей могучей груди и уткнулся носом в ее шею.

– Перестань, Талут. Отпусти же меня! – ворчливо отбивалась она, хотя лицо ее светилось радостью. – Сейчас у меня полно дел. Неподходящий момент ты выбрал для...

– А вот скажи мне, когда наступит подходящий момент, тогда я и отпущу тебя.

– У нас же гости... – запротестовала она, но все-таки обвила его шею руками и прошептала что-то на ухо.

– Это обнадеживает! – воскликнул Талут. Поставив Неззи на землю, он продолжал игриво поглаживать ее объемистые ягодицы, пока покрасневшая от волнения женщина оправляла свои одежды, пытаясь восстановить собственное достоинство.

Джондалар усмехнулся и обнял Эйлу за талию.

«Опять они начали свои игры, – подумала Эйла, – их слова выражают одно, а действия – совсем другое». Правда, на сей раз она сумела сообразить, что к чему, и поняла, насколько сильна взаимная любовь Талута и Неззи. Вдруг ей пришло в голову, что мамутой, подобно женщинам клана, не слишком явно выражают свою любовь, поскольку говорят одно, а подразумевают нечто другое. Эйла обрадовалась своему открытию: теперь многие вопросы, которые прежде беспокоили ее, разъяснились вполне естественным образом, и это помогло ей лучше оценить веселый нрав и шутки этих людей.

– Довольно, Талут! – сказала Неззи, пытаясь придать голосу суровый оттенок, которому, однако, противоречила довольная улыбка. – Если тебе больше нечем заняться, то лучше уж помоги нам достать коренья, – предложила она и добавила, оборачиваясь к молодой женщине: – Пойдем с нами, Эйла, посмотришь, где мы храним их. Великая Мут была на редкость щедрой в этом году, лето простояло жаркое, и мы смогли накопать множество разных корнеплодов.

Обойдя одну из лежанок, они подошли к следующему занавешенному сводчатому проему.

– Съедобные коренья, плоды и ягоды мы храним не так глубоко, – сказал Талут гостям, поднимая очередной кожаный занавес и пропуская их в кладовую, где стояли корзины, заполненные шишковатыми, мучнистыми на вкус земляными орехами, покрытыми коричневой кожицей; в этой кладовой хранились также запасы бледно-желтой дикой моркови, мясистые нижние части стеблей рогоза и тростника и прочие дары земли, корзины с которыми стояли на земле вокруг глубокой ямы. – Они могут долго храниться здесь, на холоде, но если подмерзнут, то станут мягкими. В таких ямах мы держим также шкуры, пока кто-нибудь не возьмется за их выделку, а также кости для изготовления орудий и куски бивней для Ранека. Он говорит, что на морозе они лучше сохраняются и потом с ними легче работать. Излишки бивней и костей для топки очагов хранятся во входном помещении и в ямах, выкопанных вокруг жилой площадки.

– Да, кстати, о костях. Я вспомнила, что хотела добавить в наше варево голяшку мамонта, она придает соусу особый вкус и запах, – сказала Неззи, наполняя большую корзину различными овощами. – Вот незадача, никак не найду, куда я положила сушеные побеги лука...

– Мне всегда казалось, что от зимних ветров и бурь могут защитить только скалистые стены, – сказал Джондалар с оттенком восхищения в голосе. – Потому-то мы и устанавливаем наши жилища в пещерах, но в ваших краях нет больших пещер. Здесь нет даже лесов, чтобы построить крепкие деревянные укрытия. Но вы нашли отличный выход из положения, используя кости мамонтов!

– Да, именно поэтому мы так почитаем очаг Мамонта. Мамутой охотятся на разных животных, но наша жизнь зависит от этих гигантов, – сказал Талут.

– Как-то мне довелось побывать у Бреси на Ивовой стоянке, что расположена к югу отсюда. Но я не видел там подобных сооружений.

– Значит, ты знаком с Бреси? – прервал его Талут.

– Да, Бреси и несколько людей с ее стоянки вызволили нас с братом из зыбучих песков.

– Надо же, Бреси и моя сестра – давние подруги, – сказал Талут. – Они даже породнились благодаря первому избраннику Тули. Мы выросли вместе. Их летнее жилье действительно называется Ивовой стоянкой, но остальную часть года они живут на Лосиной стоянке. Летние жилища обычно более легкие, не такие, как наше. Львиная стоянка – постоянный зимний дом. В летний период Бреси со своими людьми, как правило, обосновываются у моря Беран, чтобы

наловить рыбы, улиток и прочих морских тварей. А кроме того, они добывают соль, чтобы торговать с другими племенами. Как же вы оказались в тех краях?

– Мы с Тоноланом блуждали в дельте реки Великой Матери. Бреси спасла нам жизнь...

– Ладно, потом ты расскажешь нам об этом подробнее. Всем нам интересно будет послушать историю, связанную с Бреси.

Так уж случилось, что Тонолан участвовал в большинстве приключений Джондалара. Волей-неволей ему приходилось упоминать о брате. Это вызывало горькие воспоминания, но надо было привыкать, ведь ему еще не раз придется рассказывать об их путешествии.

Поднявшись из кладовой, они вошли в просторное помещение очага Мамонта, сводчатые стены которого ограничивались мамонтовыми костями, а спальные места закрывались кожаными пологами, как в остальных жилых помещениях. Взгляд Талута упал на копьеметалку Джондалара.

– Кстати, вы оба прекрасно продемонстрировали возможности этого приспособления, – сказал Талут. – Огромный бизон свалился как подкошенный.

– Ты мог оценить далеко не все преимущества этого оружия, – возразил Джондалар. – С помощью копьеметалки можно бросить копье гораздо сильнее и дальше.

– Правда? Может, ты докажешь это на деле? – предложил Талут.

– С удовольствием, только для этого лучше подняться в степь, там легче оценить расстояние. Думаю, ты будешь очень удивлен, – сказал Джондалар и повернулся к Эйле: – Может быть, ты тоже продемонстрируешь свое искусство?

Когда они вышли из дома, Талут заметил Тули, и поскольку они как брат и сестра были равноправными вождями Львиной стоянки, то он решил, что ей тоже не помешает присутствовать на столь важной демонстрации нового оружия. Тули шла к реке, но Талут окликнул ее и пригласил присоединиться к ним, чтобы оценить изобретение Джондалара. Все четвером они начали подниматься по склону, и когда вышли в открытую степь, то к ним уже присоединилось большинство обитателей стоянки.

Вскоре они расчистили подходящее место, и Джондалар спросил:

– Талут, как далеко ты можешь бросить копье? Можешь ты показать мне свой самый дальний бросок?

– Конечно, а зачем?

– Затем что я хочу доказать тебе, что смогу бросить свое копье дальше! – решительно заявил Джондалар.

Общий хохот послужил ответом на его заявление.

– Ты, конечно, здоровый мужчина, Джондалар, и наверняка сильный, но никто еще не мог бросить копье дальше Талута. Лучше бы тебе выбрать другого соперника, – посоветовал Барзек. – Талут, почему бы тебе для начала просто не показать ему, на что ты способен. Надо дать ему возможность увидеть, кому он бросает вызов. Тогда, возможно, правильно оценив свои силы, он выберет другого соперника. Я мог бы участвовать в таком состязании, да и Дануг, вероятно, тоже.

– Нет, – сказал Джондалар, сверкнув глазами. Похоже, ему понравилась идея такого состязания. – Если Талут бросает копье дальше всех вас, то я выбираю именно Талута. И я готов биться об заклад, что брошу свое копье еще дальше... Правда, мне нечего предложить в качестве заклада. В сущности, я готов поспорить, что даже Эйла с помощью этого приспособления, – Джондалар поднял вверх плоскую дощечку, – сможет бросить копье дальше, сильнее и значительно точнее Талута.

Утверждение Джондалара обитатели стоянки встретили удивленным и насмешливым гулом. Тули оценивающе посмотрела на Эйлу и Джондалара. Оба они выглядели слишком спокойными, вполне уверенными в собственных силах. Ей казалось очевидным, что они не смогут победить ее брата. Она была почти уверена, что и сама вышла бы победительницей в таком

состязании. Тули была почти одного роста с этим светловолосым гостем и, возможно, даже сильнее его, хотя размах рук Джондалара был немного больше и это могло дать ему определенное преимущество.

– Я готова заключить с тобой пари, – сказала она. – Если ты выиграешь, то я предоставлю тебе право просить, чего пожелаешь. И я исполню твое требование, если оно будет в пределах моих возможностей.

– А если я проиграю?

– То ты исполнишь мое желание.

– Тули, ты уверена, что хочешь спорить на неизвестное желание? – спросил Барзек свою жену, обеспокоенно нахмутив брови. Такие неопределенные условия считались высокой ставкой и вполне могли стать причиной малоприятной неожиданности. Не столько потому, что победитель мог предъявить слишком высокое требование – хотя и такое случалось, – а потому, что проигравший не мог быть уверен в том, что сможет сразу исполнить требование победителя и что расплата не затянется на долгие годы. Кто знает, что может попросить этот чужеземец?

– Да, я спорю именно на неизвестное желание, – решительно ответила Тули.

Она не стала объяснять, что ее выигрыш в любом случае будет очень высок. Поскольку если Джондалар действительно бросит копье дальше, если он выиграет пари, то мамутой получат новое ценное оружие. А если же он проиграет, то уж она-то знает, о чем попросить его.

– Итак, что скажешь, Джондалар?

Практичная Тули хитро посмотрела на Джондалара, однако он спокойно улыбнулся ей в ответ. Ему уже приходилось держать пари на таких условиях; неизвестная ставка придавала состязанию особую остроту и повышала заинтересованность зрителей. Кроме того, ему хотелось поделиться секретом своего изобретения. Хотелось посмотреть, как оно будет принято и как будет действовать в случае большой загонной охоты. Это следующий логичный шаг в испытании нового охотничьего оружия. Немного попрактиковавшись, любой человек сможет сделать такую копьеметалку. Именно это и привлекало изобретателя. Естественно, чтобы овладеть этим новым оружием, понадобятся время и терпение, а для этого необходимо разжечь интерес охотников. И в этом ему поможет такое пари... Он знает, о чем стоит попросить Тули. Сомнений на этот счет у него не было.

– Согласен! – ответил Джондалар.

Эйла внимательно следила за этими переговорами. Она поняла, что ей придется участвовать в состязании, и почувствовала, что каждая из договаривающихся сторон имеет в этом деле свой интерес, хотя условия пари остались для нее не совсем ясными.

– Тогда давайте установим заметные мишени и хорошенько обозначим поле, – сказал Барзек, беря на себя заботу о проведении состязаний. – Друвец, принеси с Данугом несколько длинных костей для установки мишеней.

Подростки тут же помчались по тропе к дому. Он с улыбкой посмотрел вслед. Дануг, во всем походивший на Талута, сильно обогнал ростом второго юношу, хотя был всего лишь на год старше его. Однако тринадцатилетний Дануг уже стал крепким и мускулистым парнем, и его телосложение было таким же, как у Барзека.

Барзек точно знал, что этот парень и малышка Тузи были потомством его духа, точно так же как дух Дарнева, скорее всего, был избран для того, чтобы дать жизнь Диги и Тарнегу. Относительно Бринана у него пока не было такой уверенности. Младший мальчик родился восемь лет тому назад, но пока было непонятно, на кого он похож. В очаге Зубра раньше жили двое взрослых мужчин, с которыми Тули делила дары Радости, однако Великая Мут, должно быть, избрала для Бринана дух какого-то незнакомца. Мальчик имел своеобразную внешность, хотя немного походил на Тули и волосы у него были рыжими, как у ее брата. Барзек вдруг остро осознал отсутствие Дарнева, и к его горлу подступил комок. «Как хорошо нам жилось всем вместе», – печально подумал Барзек. Уже два года они с Тули горевали о Дарневе.

Вскоре была определена максимально возможная дальность броска и установлены мишени, которые представляли собой перевернутые корзины, сплетенные из выкрашенных в разные цвета трав. Когда эти мишени, украшенные рыжими лисьими хвостами, были насажены на шести из берцовых костей мамонта, то в воздухе уже витало ощущение праздника. От этих мишеней тянулась широкая полоса игрового поля, а его границы определял ряд связанных пучков травы, которая еще росла на этой степной равнине. Дети, приминая высокую траву, носились взад и вперед по этому незатейливому стрельбищу, и в результате игровое поле стало хорошо видно. Взрослые отправились за своими копьями, потом кому-то взбрела в голову идея набить травой и сухим мамонтовым навозом старый тюфяк и, нарисовав на нем очертания какого-нибудь зверя, использовать в качестве движущейся мишени.

Пока шли все эти приготовления, которые по не зависящим, казалось бы, от людей причинам становились все более сложными и трудоемкими, Эйла отправилась выяснить, не осталось ли какой-нибудь еды, чтобы позавтракать вместе с Джондаларом и Мамутом. Вскоре к их утренней трапезе подключился весь Львиный очаг, и Неззи занялась разделкой мяса для вечерней трапезы. Талут сказал, что ради такого события он достанет к ужину хмельной бузы, что также усилило ощущение праздника, поскольку он доставал свой напиток только по случаю приема гостей или по праздникам. Затем Ранек объявил, что собирается приготовить особое блюдо, чем очень удивил Эйлу, не подозревавшую, что он умеет готовить, и порадовал всех остальных. Торнек и Диги сказали, что раз уж затевается такое торжество, то они также приготовят нечто... Дальше было произнесено слово, которого Эйла не знала, но все восприняли это с таким воодушевлением, что кулинарные планы Ранека отступили на второй план.

После окончания утренней трапезы и мытья посуды земляное жилище быстро опустело. Эйла покидала его последней. Занавес сводчатого проема еще слабо покачивался за ее спиной; постояв немного перед домом, она вдохнула свежий полдневный воздух и посмотрела в сторону лошадей, которые уже не боялись подходить вплотную к стоянке. Заметив появление своей хозяйки, Уинни подняла голову, приветливо пофыркивая. Копья остались в степи на игровом поле, а пращу Эйла принесла обратно и сейчас держала ее в руках вместе с мешочком округлых галек, собранных на каменистом берегу у излучины реки. Если бы тяжелая парка была подпоясана, то Эйла могла бы засунуть пращу за ремень, однако и рубаха, и парка – свободная одежда, которая теперь была на ней, – не имели удобных складок или карманов, в которых можно было бы носить эти маленькие метательные снаряды.

Мамутой, собравшись на поле, с нетерпением ожидали начала соревнований. Эйла направилась в ту же сторону и вскоре увидела Ридага, терпеливо поджидавшего, когда кто-нибудь заметит его и донесет наверх. Однако те, кто обычно делал это, – Талут, Дануг или Джондалар – были уже в степи.

Улыбнувшись мальчику, Эйла подошла и взяла его на руки, и тут у нее созрел план. Обернувшись назад, она свистом подзвала Уинни. Кобыла и жеребенок быстро прискакали к ней, – казалось, они очень обрадовались этому зову. Эйла вдруг поняла, что последнее время она практически целыми днями общалась с людьми и уделяла животным слишком мало внимания. И она решила, что впредь будет каждое утро совершать верховые прогулки, по крайней мере пока погода окончательно не испортится. Затем она посадила Ридага на спину лошади, и вся компания стала подниматься по крутой тропе.

– Держись за гриву, чтобы не упасть, – предупредила мальчика Эйла.

Он понимающе кивнул, ухватившись за щетку густых темных волос, торчком стоявших на изогнутой шее золотистой лошади, и издал глубокий счастливый вздох.

Когда Эйла подошла к степному стрельбищу, сам воздух, казалось, уже звенел от напряжения, и ей стало понятно, что, несмотря на праздничное веселое настроение, подобное соревнование было очень серьезным делом. Это пари заключали не только ради простой демонстрации силы и меткости. Ридаг остался сидеть на спине Уинни, откуда он мог хорошо видеть все,

что происходило на поле, а Эйла стояла рядом с лошадьми, чтобы они не нервничали, присутствуя на таком шумном сборище. Конечно, животные уже попривыкли к этим людям, но Эйла знала, что кобыла ощущает это витающее в воздухе напряжение, а Удальцу всегда передаются ощущения его родительницы.

Люди толпились на поле; кто-то уже, не выдержав, метал копья, выйдя на хорошо утоптанную полосу, приготовленную для состязаний, время начала которых никто не оговаривал заранее. Однако внезапно все разговоры утихли, словно кто-то дал тайный сигнал, и люди, осознав, что настал решающий момент, расступились, давая дорогу основным участникам. Талут и Джондалар стояли между двумя столбиками, отмечавшими исходную линию броска, и пристально поглядывали на далекие мишени. Рядом с ними была и Тули. Хотя утром Джондалар готов был спорить, что даже Эйла может метнуть копье дальше Талута, это замечание показалось всем настолько невероятным, что на него никто не обратил внимания, и поэтому она с жадным интересом наблюдала за ними со стороны.

Копье Талута было более массивным и длинным, чем у всех остальных обитателей стоянки, словно его могучие мускулы требовали, чтобы этот метательный снаряд был как можно весомее и массивнее. Но Эйла вспомнила, что у мужчин клана копья были еще тяжелее и толще, хотя, возможно, немного покороче. Правда, имелись и другие отличия. Клан использовал копья для нанесения непосредственного удара, а мамутой, так же как и Джондалар, металы их на дальнее расстояние, и, кроме того, на конце древка обязательно имелось оперение; мамутой явно предпочитали оснащать тупой конец копья тремя перьями, а Джондалар обычно использовал только два. Когда Эйла жила одна в долине, то сама изготовляла копья, подобные тем, что видела в клане, закаляя их острые концы на огне. Джондалар всегда вырезал острый наконечник из кости и вставлял его в древко, а охотники на мамонтов отдавали предпочтение кремневым наконечникам.

Поглощенная сравнением копий, которые принесли с собой почти все обитатели стоянки, Эйла едва не пропустила первый бросок Талута. Вождь отступил немного от намеченной линии и, сделав несколько стремительных шагов, размахнулся и метнул копье. Оно со свистом пронеслось мимо наблюдателей и, описав дугу, приземлилось с глухим стуком, так что его наконечник почти полностью ушел в землю, а древко продолжало вибрировать от этого удара. Восхищение, написанное на лицах людей, не позволяло сомневаться в том, что они думают о мастерстве и силе рыжебородого вождя. Поражен был даже Джондалар. Он подозревал, что бросок Талута будет достаточно мощным, однако сила этого богатыря далеко превзошла все его ожидания. Понятно, почему мамутой не верили, что Джондалар выиграет пари.

Но он измерил шагами всю дистанцию, чтобы прикинуть силу этого броска, затем вернулся на исходную позицию. Держа копьеметалку горизонтально, он вложил копье в паз; на тупом конце древка имелось маленькое отверстие, которое насаживалось на штырек, находившийся в дальнем конце этой узкой метательной дощечки. От переднего конца тянулись две кожаные петли, позволявшие удерживать и копье, и копьеметалку в нужном положении. Прodeв в эти петли большой и указательный пальцы, Джондалар приготовился к броску. Он последний раз глянул на то место, где приземлилось копье Талута, затем отступил на шаг назад и метнул копье.

Положение, занимаемое копьем в момент броска, фактически увеличивало длину руки Джондалара на добрых пару футов, и благодаря этому появлялся дополнительный выигрыш в силе и дальности полета. Его копье просвистело мимо зрителей и, ко всеобщему удивлению, пролетело гораздо дальше торчавшего в земле копья, брошенного вождем. Плавно снизившись, легкое копье Джондалара наконец воткнулось в землю. Это приспособление, в сущности, позволило Джондалару удвоить обычную дальность его броска, и поскольку он был уверен, что Талут не настолько силен, чтобы метнуть копье в два раза дальше, чем раньше метал он сам, то, как и следовало ожидать, его легкое копье улетело значительно дальше.

Пораженные мамутой стояли затаив дыхание, никто пока даже не тронулся с места, чтобы заметить разницу между этими бросками; как вдруг в воздухе зазвенело третье копьё. Удивленная Тули быстро оглянулась назад и, увидев Эйлу, стоящую с копьёметалкой на исходной позиции, вновь повернула голову, чтобы не пропустить момента приземления третьего копьё. Хотя молодая женщина не могла соперничать с Джондаларом в дальности броска, но все-таки ей тоже удалось победить могучего Талута, и на лице Тули вновь появилось выражение, явно говорившее о том, что она не в силах поверить собственным глазам.

Глава 9

– Итак, Джондалар, ты выиграл пари, и мне придется выполнить твоё требование, – объявила Тули. – Я допускала, что, на худой конец, ты можешь победить Талута, но никогда бы не поверила, что это сможет сделать женщина. Мне хотелось бы лучше рассмотреть твоё... ну... Как ты там называешь это оружие?

– Копьеметалка. Мне не удалось придумать другого названия. Как-то раз я наблюдал, как Эйла орудует своей пращей, и мне пришла в голову одна мысль. Я подумал, хорошо было бы, если бы я смог метать копье так же далеко и сильно, как она бросает камни с помощью пращи. И тогда я начал размышлять, как это можно сделать, – сказал Джондалар.

– Да, ты уже говорил о её мастерстве. Неужели она действительно так замечательно бросает камни? – спросила Тули.

Джондалар усмехнулся:

– Эйла, может быть, ты возьмешь пращу и метнешь пару камней, чтобы у Тули не осталось никаких сомнений?

Эйла нахмурилась. Для неё были непривычны такие публичные демонстрации. Она совершенствовала своё мастерство втайне от всех, и после того, как ей с большим скрипом разрешили охотиться, она всегда делала это в одиночку. Члены клана испытывали смутную тревогу, видя её с охотничьим оружием, да и сама она чувствовала определенную неловкость. Джондалар был первым человеком, который стал охотиться вместе с ней, и первым, кто оценил те прекрасные результаты, которых она достигла упорным самосовершенствованием. Эйла задумчиво посмотрела на улыбающееся лицо Джондалара. Он был таким спокойным и уверенным. Она надеялась увидеть на его лице хотя бы тень беспокойства, которое позволило бы ей отказаться, но не заметила ничего подобного.

Кивнув, Эйла пошла за пращей и мешочком с камнями, которые вручила Ридагу, когда решила бросить копье. Мальчик, сидевший на спине лошади, улыбнулся Эйле, чувствуя особое волнение от того, что та стала центром всеобщего внимания.

Она оглянулась вокруг в поисках подходящей мишени. Для первых бросков она выбрала заборчик из ребер мамонта. Громкий, почти мелодичный звук, с которым камни ударяли по костям, не оставлял сомнений в том, что она попала в эти узкие кольца. Но это было совсем не сложно. Она опять оглянулась, пытаясь найти какую-нибудь более трудную цель. Обычно она не бросала камни в неподвижные мишени, поскольку охотилась на птиц или маленьких зверюшек.

Джондалар знал, что попасть в костяные кольца для неё сущий пустяк; он вдруг вспомнил об одном эпизоде минувшего лета, и улыбка на его лице сменилась озорной усмешкой. Пройдя в конец игрового поля, он нагнулся и, взяв пару комьев глинистой земли, окликнул Эйлу.

Оглянувшись, она посмотрела в его сторону. Джондалар стоял, широко расставив ноги, а на плечах его лежали два кома земли. Эйла недовольно нахмурилась. Он уже делал недавно нечто подобное с двумя булыжниками, однако ей не нравилось, что он с такой легкостью подвергает себя опасности. Удар пращи мог быть смертельным. Но, поразмыслив, она подумала, что эта опасность – кажущаяся, а не реальная. Для неё не составляло труда попасть в два неподвижных предмета. Подобных промахов у неё уже не было долгие годы. Почему же сейчас она должна промахнуться? Надо просто отбросить мысль о том, что эти предметы лежат на плечах любимого мужчины.

На мгновение закрыв глаза, она сделала глубокий вдох и махнула рукой Джондалару, показывая, что согласна. Достав из лежавшего у её ног мешочка два гольша, она соединила вместе ремни пращи и вложила один снаряд в специальный карман, находившийся посередине, а второй камень держала наготове. Затем Эйла посмотрела вперед, оценивая расстояние.

Зрители стояли вокруг нее в тревожной неподвижности ожидания. Люди боялись даже дышать. Казалось, еще немного, и сам степной воздух зазвенит от этой напряженной тишины.

Эйла сосредоточила свое внимание на комьях земли, покоившихся на плечах мужчины. Когда она слегка пошевелилась, все обитатели стоянки слегка подались вперед. Большой опыт охоты приучил ее действовать быстро и как можно менее заметно, ее движения отличались особой гибкостью и стремительностью. Молодая женщина резко взмахнула рукой и выпустила первый снаряд.

Затем, прежде чем первый камень достиг цели, она уже вложила в пращу второй снаряд. Твердый ком земли на правом плече Джондалара разлетелся от удара попавшего в него камня. Никто даже ахнуть не успел, как Эйла выпустила из пращи второй снаряд, разбивший в пыль ком светло-коричневой лессовой почвы, лежавший на левом плече добровольной живой мишени. Все это произошло так быстро, что у зрителей возникло ощущение, что они пропустили нечто самое главное или что это был своего рода ловкий трюк.

И это действительно был трюк, мастерский трюк, который мало кто смог бы повторить. Никто не учил Эйлу пользоваться пращой. Она тайно наблюдала, как это делают мужчины из клана Брана, и постепенно, методом проб и ошибок, в совершенстве овладела этим оружием. Такой стремительный двойной удар она начала осваивать для самозащиты, после того как однажды промахнулась и едва спаслась от нападения разъяренной рыси. Ей и в голову не приходило, что большинство людей сочли бы, что такой дуэт невозможен; она долго жила в одиночестве, и некому было убеждать ее в бесполезности подобных тренировок.

Эйла не сознавала того, что вряд ли ей удастся встретить когда-нибудь человека, который владел бы пращой столь же искусно, хотя это обстоятельство едва ли взволновало бы ее душу. Ее совершенно не интересовало, сможет ли кто-нибудь метнуть камень точнее, чем она. Она привыкла соревноваться только сама с собой, и ее единственным желанием было оттачивание собственного мастерства. Эйла знала свои возможности и, придумывая новые охотничьи приемы, такие как двойной бросок или охота на лошади, сначала делала несколько пробных попыток; если ей казалось, что задуманное вполне осуществимо, то она упорно тренировалась до тех пор, пока не осваивала новый способ в совершенстве.

Любая человеческая деятельность предполагает существование тех немногих людей, которые благодаря своему упорству, опыту и огромному желанию достичь высот мастерства становятся лучшими из лучших в своей области. И Эйла действительно мастерски владела пращой.

Притихшие мамутои облегченно вздохнули, а затем изумленный гул голосов разорвал тишину. Ранек вдруг начал хлопать себя по бедрам, и вскоре вся стоянка уже вторила такими же хлопками. Не совсем понимая, что бы это могло значить, Эйла глянула на подошедшего Джондалара. Его лицо сияло от восторга, и она догадалась, что этими жестами мамутои выражают восхищение.

Тули тоже рукоплескала, хотя немного более сдержанно, чем остальные, не желая показать, какое сильное впечатление произвело на нее мастерство гостя, хотя Джондалар был уверен, что она поражена до глубины души.

– Если вы думаете, что это был какой-то обман, то посмотрите на это! – воскликнул Джондалар, поднимая с земли еще два тяжелых глинистых кома.

Он видел, что Эйла уже заготовила два гольша. Размахнувшись, он одновременно подбросил в воздух оба кома. Эйла мгновенно сбила один, а следом и другой ком, так что на землю осели лишь два облачка пыли.

Глаза Талута заблестели от восхищения.

– Потрясающе! – воскликнул он.

– Давай теперь ты тоже возьми пару комьев, – предложил Джондалар, – и мы запустим в небо четырех птичек.

Перехватив взгляд Эйлы, он подобрал с земли новые комья и, подняв руки, показал их своей подруге. Она достала из мешочка четыре камня – по два в каждую руку. Нужна была исключительная точность и быстрота движений, чтобы последовательно заложить в пращу четыре камня и успеть бросить их, пока комья земли будут лететь по воздуху. Вот это, похоже, действительно будет проверкой ее мастерства. Джондалар услышал, как Барзек и Манув заключили пари; Манув безоговорочно верил в успех Эйлы: после того как она спасла жизнь маленькой Нуви, он не сомневался, что эта молодая женщина способна сделать все, что угодно.

Решив, что сейчас надо забросить комья повыше и подальше, Джондалар с силой послал их в небо один за другим, и Талут тоже подбросил свои комья как можно выше.

Первые две цели – одна Джондалара, а другая Талута – были сбиты почти одновременно. Дождь пыли летел к земле, однако теперь Эйле надо было перезарядить пращу. Вторая мишень, брошенная Джондаларом, уже начала падать, а ком Талута почти достиг наивысшей точки полета, когда Эйла наконец вставила новый снаряд. Прицелившись в нижнюю мишень и определив скорость полета, она выпустила камень. Она проследила за его полетом, даже несколько промедлив со следующим броском, хотя ей следовало поторопиться.

Плавным движением Эйла положила в пращу последний снаряд и молниеносно метнула его в цель, разбив вдребезги четвертую мишень прежде, чем та коснулась земли. Скорость полета последнего заряда была так велика, что зрители с трудом поверили собственным глазам.

Все мамутой оживленно зашумели, слышались громкие возгласы одобрения и восхищения, сопровождаемые, как и раньше, хлопками по бедрам.

– Да, это было потрясающее представление, – признала Тули потеплевшим голосом. – Я не ожидала, что увижу нечто подобное. Поздравляю, твое мастерство просто великолепно.

– Спасибо, – ответила Эйла, вспыхнув от удовольствия; она обрадовалась как признанию своего мастерства, так и искренней теплоте, проявившейся в голосе этой гордой и властной женщины.

Все мамутой обступили Эйлу, продолжая высказывать ей комплименты и поздравления. Смущенно улыбаясь, она поискала глазами Джондалара, испытывая неловкость от всеобщего внимания. С ним беседовали Уимез и Талут, на плечах которого сидела Руги, а рядом стояла Лэти. Он заметил смущенный взгляд Эйлы и ободряюще улыбнулся ей, не прерывая беседы.

– Эйла, как тебе удалось научиться так здорово метать камни из пращи? – спросила Диги.

– И где? Кто научил тебя? – поинтересовалась Крози.

– Мне тоже хочется научиться этому, – робко добавил Дануг.

Высокий юноша, стоявший позади остальных, смотрел на Эйлу глазами, полными обожания. Она была первой женщиной, пробудившей его юношеские чувства. Эйла понравилась ему с первого взгляда. Впервые приметив ее, Дануг подумал, что никогда не видел такой красивой женщины и что Джондалару, которым он тоже восхищался, очень повезло. Но после того, как он самостоятельно проехал на лошади, и теперь, после демонстрации ее мастерства, бутон его полудетской влюбленности вдруг расцвел полным цветом.

Эйла одарила его обнадеживающей улыбкой.

– Может быть, ты дашь нам несколько уроков после того, как вы с Джондаларом покажете, как действует копьеметалка, – предложила Тули.

– Да, хорошо бы, – добавил Торнек. – Мне и в голову не приходило, что пращу можно использовать подобным образом, но копьеметалка – это нечто совсем новое. Просто чудесное оружие, если, конечно, оно бьет без промаха.

Эйла отступила назад. Расспросы, люди, толпившиеся возле нее, – все это заставило ее нервничать.

– Копьеметалка бьет без промаха... если рука точная, – сказала она, вспомнив, как усердно тренировались они с Джондаларом, осваивая это новое приспособление. – Ни одно оружие не может быть точным само по себе.

– Да, Эйла, ты подтвердила общеизвестную истину: рука и глаз создают мастера, – сказал Ранек, беря ее за руку и глядя ей прямо в глаза. – Ты не представляешь, какое это было замечательное зрелище! Как ты была прекрасна и грациозна! Ты настоящий мастер!

Она не могла не заметить, какое тепло излучают его темные, устремленные на нее глаза; его чувственный взгляд проникал в самую сущность женской натуры, порождая ответное, древнее, как сама жизнь, желание. Но ее сердце дало предостерегающий толчок: это был не тот мужчина. Не тот мужчина, которого она полюбила всей душой. Ранек, бесспорно, пробудил в ней некое чувство, только оно было иной природы.

Она заставила себя отвести глаза, в отчаянии оглянувшись вокруг в поисках Джондалара... и нашла его. Он пристально смотрел в их сторону, его яркие синие глаза, исполненные затаенной боли, полыхали холодным ледяным огнем.

Эйла вырвала руку у Ранека и, резко отвернувшись, пошла прочь. Нервы ее не выдержали подобного напряжения. Все эти беспокойные вопросы, шум толпы и неуправляемые чувства переполнили чашу ее терпения. Мышцы ее живота судорожно сжались, сердце бешено стучало, пересохшее горло саднило и болело; ей необходимо было успокоиться и прийти в себя. Она увидела Ридага, по-прежнему сидевшего на лошади, и, не раздумывая, подхватила мешочек с камнями и побежала к ним.

Взлетев на спину Уинни, Эйла крепко обхватила мальчика и резко подалась вперед. Этот сигнал был хорошо знаком лошади, но их общение шло и на более тонком, необъяснимом уровне, и сейчас Уинни, почувствовав, что всадница отчаянно хочет сбежать от этой толпы народа, взбрыкнула передними ногами и, резко сорвавшись с места, умчалась в степную даль. Удалец с веселым ржанием последовал за ними, попросту радуясь возможности поразмяться.

Обитатели Львиной стоянки пораженно смотрели им вслед. Большинство из них совершенно не понимали, почему вдруг Эйла побежала к лошади, они впервые видели такую стремительную скачку. Молодая женщина с развевающимися за спиной длинными золотистыми волосами, казалось, слилась в единое целое с лошадью, летевшей бешеным галопом, – зрелище было поистине потрясающим, оно порождало благоговейный страх. Однако среди наблюдавших явно нашлись бы охотники, готовые поменяться местами с Ридагом. Неззи сначала с тревогой наблюдала за этой скачкой, но быстро успокоилась, решив, что Эйла знает, что делает, и ее мальчику ничего не грозит.

Ридаг не понимал, за что ему привалило такое счастье, но глаза его восторженно сияли. Чувствуя уверенную руку Эйлы, он не испытывал страха, только сердце его колотилось от волнения, и он изумленно хватал ртом воздух, летя навстречу ветру.

Бегство от шумной толпы, от непонятной ярости Джондалара, а также приятное ощущение, вызванное быстрой ездой, ослабили напряжение Эйлы. Немного успокоившись, она почувствовала, как странно, слабо и неравномерно бьется под ее рукой сердце Ридага, и встревоженно подумала о том, что поступила глупо, взяв мальчика с собой. Однако чуть позже Эйла поняла, что эта скачка не повредила мальчику и сердцебиение его почти нормальное.

Замедлив бег лошади и сделав широкий круг по степи, она повернула назад. Когда они подъезжали к месту состязаний, то потревожили пару прятавшихся в высокой траве куропаatok, их крапчатое летнее оперение еще не полностью сменилось белым зимним нарядом. Стук лошадиных копыт спугнул их. И когда птицы поднялись в небо, Эйла по привычке схватилась за пращу. Опустив глаза, она заметила, что Ридаг, державший ее мешочек, уже достал для нее пару камней. Она взяла их и, слегка сжав ногами бока Уинни, метким двойным броском сбила сначала одну жирную, отъевшуюся за лето птицу, а затем и другую – ту, что летела повыше.

Эйла остановила Уинни и соскользнула с ее спины, держа на руках Ридага. Поставив мальчика на землю, она отыскивала в траве упавших птиц, свернула им шеи и перетянула их оперенные лапки волокнистыми стеблями травы. Куропатки не улетали на юг с наступлением холодного сезона, хотя при желании могли совершать большие перелеты. К зиме у них отрас-

тало густое белое оперение, защищавшее от холода их тела, а на лапках появлялись пушистые белоснежные чулочки; эти птицы спокойно переносили суровый сезон, питаясь семенами и маленькими веточками, а когда начинались метели, выкапывали в снегу маленькие пещерки и жили в них в ожидании лучших дней.

Эйла вновь посадила Ридага на Уинни.

– Ты поддержишь куропаток? – спросила она мальчика, переходя на язык клана.

– Если ты доверишь их мне, – жестами ответил Ридаг, но его сияющее, довольное лицо сказало больше, чем ручные знаки.

Ему не суждено было узнать радость быстрого бега, но сегодня впервые испытал он нечто подобное. Он никогда не участвовал в охоте и не мог понять тех сложных чувств, которые рождаются от тренировок охотничьих способностей и от осознания того, что ты добываешь пищу для себя и своего племени. А сейчас он соприкоснулся с этим почти вплотную; у Ридага было такое ощущение, словно он сам принял участие в охоте на этих куропаток.

Эйла с улыбкой положила птиц на спину лошади перед Ридагом и, повернувшись, медленно пошла к месту состязания. Уинни последовала за ней. Эйла намеренно не спешила с возвращением, она все еще огорченно вспоминала гневный взгляд Джондалара. Что могло так рассердить его? Ведь сначала, когда она стояла, окруженная людьми, он ободряюще улыбался ей и выглядел таким довольным... Но потом Ранек... Она вспыхнула, вспомнив темные глаза, мягкий, ласкающий голос. «Да, они – Другие! – подумала Эйла и резко встряхнула головой, точно хотела привести в порядок свои мысли. – Похоже, я никогда не пойму этих Других!»

Ветер подгонял Эйлу в спину, он взметнул ее золотистые волосы и уронил несколько волнистых прядей на лицо. Она раздраженно откинула их рукой. Уже не раз Эйла жалела о том, что теперь ей приходится ходить с распущенными волосами, потому что это нравилось Джондалару. Раньше, живя одна в долине, она заплетала косы, и это было гораздо удобнее. Потом с оттенком досады Эйла заметила, что все еще держит в руках пращу, потому что на этой новой одежде не было удобного пояса, за который можно было бы засунуть оружие. А ведь все эти вещи она надевала тоже ради Джондалара, отказавшись даже от возможности носить с собой свою лекарскую сумку, которая прежде висела на ремне, стягивавшем ее незатейливую кожаную накидку.

Подняв руку, она вновь отвела упавшие на глаза волосы и, прищурившись, посмотрела на длинную пращу. Затем она остановилась и, отбросив назад волосы, обвязала голову гибкими ремнями пращи. Спрятав свободные концы под массой волос, Эйла улыбнулась, вполне довольная собой. Отличная идея. Волосы по-прежнему свободно рассыпались по спине, но благодаря кожаному ободку не лезли в глаза, и, более того, теперь ей не придется вечно таскать пращу в руках.

Мамутой подумали, что эта быстрая скачка, завершившаяся удачной охотой, была продолжением демонстрации мастерства Эйлы. И она не стала разубеждать их, однако избегала взглядов Джондалара и Ранека.

Когда Эйла вдруг неожиданно убежала к лошадям, Джондалар понял, что она расстроилась, и не сомневался, что в этом виноват именно он. Он сожалел о случившемся, мысленно ругая себя, но ему было трудно совладать с незнакомыми чувствами, тревожившими его душу, и он не знал, как объяснить ей все это. Ранек не догадывался, как сильно расстроилась Эйла. Он понял только, что вызвал у нее некое ответное чувство, и подозревал, что мог стать причиной ее смущения и бегства, однако такое поведение он объяснил очаровательным простодушием ее натуры. Эта молодая женщина все больше нравилась ему, и он задавал себе лишь один мучительный вопрос: насколько сильны ее чувства к светловолосому гостю?

Вновь оказавшись среди обитателей Львиной стоянки, Эйла обратила внимание на детей, которые, играя, носились взад и вперед по длинному утопанному полю. Неззи подошла к Ридагу и сняла его со спины Уинни, при этом куропаток он с гордостью держал в руках. Эйла

отпустила лошадей, и они, отойдя на некоторое расстояние, начали жевать суховатую осеннюю траву. Затем лицо Эйлы стало вдруг задумчивым, она окинула отстраненным взглядом собравшихся в степи людей, размышляя о дружелюбном споре, породившем эти состязания, а они, в свою очередь, стали причиной необычных действий, которые были выше ее понимания. Эти взрослые люди играли как дети. Эйла сознавала, что соперничество или состязание необходимо для проверки мастерства, для проверки человеческих возможностей и способностей, — естественно, можно было проверить быстроту бега или дальность полета копья, однако она с удивлением видела, что сейчас они прыгают и резвятся просто ради удовольствия. Хотя при этом, возможно, тоже проверяются и развиваются определенные физические способности.

Кто-то принес из дома несколько обручей, размер которых примерно соответствовал окружности бедра. Они были сделаны из специальных узких полосок влажной сыромятной кожи, которые после сушки становятся жесткими, и тогда их туго обматывают медвежьей травой. Кроме обручей в игре были задействованы легкие оперенные копья или легкие дротики, которые не имели ни костяных, ни кремневых наконечников.

Обручи катали по земле, а в них бросали дротики. Когда дротик одного из игравших попадал в дырку катившегося обруча и он падал на землю, зрители дружно выражали одобрение, хлопая себя по бедрам. Эта игра также сопровождалась счетными словами и заключением пари, что усиливало заинтересованность и волнение как состязавшейся пары, так и болельщиков. Эйла как зачарованная наблюдала за этим странным занятием. Играли и мужчины, и женщины, они по очереди катали обручи и бросали дротики, как будто соперничая друг с другом.

В итоге, дождавшись определенного результата игры, несколько человек направились в сторону дома. Среди них была и Диги, вся раскрасневшаяся от возбуждения. И Эйла поспешила за ней.

— Похоже, день превращается в чудесный праздник, — заметила Диги. — Состязания, игры... все это создает такое впечатление, будто у нас сегодня действительно большое торжество. И Неззи готовит свое замечательное тушеное мясо. Талут обещал бражку, Ранек — сладости. А ты собираешься делать что-нибудь со своими куропатками?

— Вообще-то, я умею готовить их особым способом. Ты думаешь, стоит заняться ими?

— А почему бы и нет? Пусть у нас на праздничном ужине будет еще одно особое блюдо.

То, что подготовка к празднику идет полным ходом, ощущалось уже у входа в жилище: в воздухе носились восхитительные ароматы готовящейся пищи, дразнившие обоняние соблазнительными обещаниями. Главным виновником этого было тушившееся мясо. Оно тихо булькало в большом кожаном котле под присмотром Лэти и Бринана. А в общем, приготовление праздничных блюд шло полным ходом, и в него был вовлечен едва ли не каждый. Эйла внимательно и заинтересованно следила за действиями Неззи и Диги.

В земле возле очага была выкопана котловина, дно которой покрывали горячие угли и пепел, сохранившие хороший жар. На эти угли был положен слой сухого мамонтового навоза, а на него установлен кожаный котел, вставленный в костяной каркас. Тлеющие под навозом угли подогревали жидкость, но к тому времени, когда навоз загорался, нижний слой углей уже прогорал, и вся масса топлива несколько проседала, а кожаный котел оставался на прежней высоте. Кипящая жидкость медленно просачивалась сквозь кожаное дно, гася случайные языки пламени. Когда все угли под этой кожаной посудиною прогорали, в нее начинали добавлять речные камни, докрасна раскаленные в очаге, что позволяло поддерживать варево в состоянии кипения, — такой подсобной работой обычно занимались дети.

Ощипав куропаток, Эйла выпотрошила их специальным ножиком. Он был сделан целиком из кремня, о притупленную зазубринами рукоятку нельзя было порезаться, а лезвие отделялось от ручки двумя зарубками. Эти зарубки позволяли фиксировать положение большого и указательного пальца, поэтому манипулировать таким орудием было довольно легко. Правда, его использовали не для грубых работ, а только для разрезания мяса или кожи. Эйла уже успела

оценить достоинство такого ножа, хотя впервые взяла его в руки, когда они прибыли на Львиную стоянку.

Обычно Эйла готовила куропаток в яме, выложенной камнями, на которых разводился костер; когда дрова прогорали, дичь укладывалась на раскаленные камни и плотно укрывалась. Однако в этих краях трудно было найти подходящие камни, поэтому она решила воспользоваться уже имевшейся ямкой с углями, над которой тушилось мясо. К сожалению, в это время года уже не было молодой зелени – мать-и-мачехи, крапивы и амаранта, в листьях которых она любила запекать дичь вместе с яйцами куропаток. Правда, в лекарской сумке Эйлы имелся небольшой запас трав, которые можно было использовать как для лечебных целей, так и в качестве приправы к пище. Кроме того, пучок сухих трав, в которые она решила завернуть птиц, также должен был придать мясу особый тонкий аромат. Возможно, получится не совсем то блюдо, которое так любил Креб, но тем не менее оно тоже будет довольно вкусным.

Закончив ошипывать птиц, Эйла зашла в дом и увидела Неззи, разводившую огонь в центральном кухонном очаге.

– Я бы хотела приготовить куропаток в ямке, там, где ты готовила мясо. Можно мне взять еще углей? – спросила Эйла.

– Конечно. Может быть, тебе еще что-нибудь нужно?

– У меня есть немного сушеных приправ. Хотя я люблю готовить птиц со свежей зеленью. Но сейчас неподходящее время.

– Ты можешь заглянуть в кладовую. Вдруг тебе пригодятся кое-какие овощи. А еще у нас есть соль, – сказала Неззи.

– Соль... – Эйла подумала, что ей пришлось обходиться без соли, с тех пор как она покинула клан. – Да, пожалуй, я возьму немного соли и овощей. Надо посмотреть. А где можно взять угли?

– Я дам их тебе, как только огонь прогорит.

Эйла сначала не обратила внимания на то, как Неззи разводит костер, но потом заинтересовалась. Она знала, что в этих местах мало деревьев, хотя не задумывалась о том, какие это может иметь последствия. Мамутой использовали в качестве топлива кости, а они разгорались довольно трудно. Неззи взяла немного тлеющих углей из соседнего очага и, добавив сухой травы для растопки, положила на нее слой высушенного навоза, который давал жар и сильное пламя. Затем она бросила в костер мелкие осколки костей, однако кость воспламенялась далеко не сразу.

Чтобы раздуть пламя, Неззи отодвинула маленькую рукоятку, которую Эйла раньше не замечала. Она вдруг услышала тихий свист ветра и заметила, как взметнулся пепел и ярко разгорелся костер. Объятые языками пламени кости сначала стали обугливаться по краям и затем наконец загорелись. И Эйла вдруг поняла, с чем было для нее связано то непонятное раздражение, которое она испытывала с тех самых пор, как они прибыли на Львиную стоянку, – странное, едва осознанное беспокойство вызывал непривычный запах дыма.

Ей приходилось жечь сухой навоз, и она знала сильный и резкий запах этого дыма, однако в основном Эйла использовала топливо растительного происхождения и больше привыкла к запаху древесного дыма. Мамутой использовали топливо животного происхождения. Запах горящих костей был совсем другим – так обычно пахнет горелое жаркое, которое забыли на огне. А в сочетании с сушеным навозом, который добавляли в большом количестве, костяной дым приобретал особо едкий специфический запах, распространявшийся по всей стоянке. Не то чтобы он был очень неприятным, скорее просто незнакомым, и именно это слегка беспокоило Эйлу. А сейчас, когда она поняла происхождение этого запаха, бывшее безотчетное напряжение сразу исчезло.

Эйла с удивленной улыбкой наблюдала, как Неззи добавила в костер очередную порцию костей и опять пошевелила рукоятку, благодаря которой ярче разгорался огонь.

– Как тебе удастся так ловко усиливать огонь? – спросила Эйла.

– Огонь тоже должен дышать, а дыхание огня – это ветер. Великая Мут научила нас этому, поскольку Она назначила женщинам быть хранительницами очага... Ты сама можешь легко убедиться в этом. Если дунуть на костер, то огонь разгорится сильнее. От ямы очага мы прокопали траншею, она заканчивается за стеной дома, по ней может поступать свежий воздух. По дну этой траншеи проложен длинный кишечник какого-то животного, который надули воздухом, чтобы он не съезжился. Сверху этот кишечник закрыли перевернутым костяным желобом, а потом засыпали землей. Траншея из этого очага уходит вон под те циновки. Видишь?

Взглянув, куда указывала Неззи, Эйла понимающе кивнула.

– А начинается траншея вот здесь, – продолжала женщина, показывая на кусок полового бизоньего рога, конец которого торчал в стенке очажной ямы ниже уровня пола. – Но поступление воздуха обычно надо регулировать. Необходимо учитывать и силу ветра, и силу огня, который ты хочешь получить. С помощью этого приспособления можно открывать и закрывать поддувало, – пояснила Неззи, показывая на рукоятку, присоединенную к заслонке, сделанной из лопаточной кости.

В сущности, все оказалось достаточно просто, и все же это было хитроумное приспособление, настоящее техническое изобретение, необходимое для выживания. Без него, при всем изобилии дичи, охотники на мамонтов в этих субарктических степях смогли бы выжить разве что в нескольких изолированных районах. В лучшем случае они могли бы наведываться сюда в теплые сезоны. В этих краях почти не было деревьев, а близость ледников способствовала суровым долгим зимам. Специально устроенные очаги являлись насущной необходимостью, поскольку в них можно было сжигать кости – единственное топливо, которого было достаточно для постоянного проживания.

Посмотрев, как Неззи разводит костер, Эйла отправилась в кладовую поискать приправ для своих куропаток. Можно было использовать дикую морковь или горох из молочных стручков вики, но, подумав немного, Эйла решила, что обойдется без них. Затем ее взгляд остановился на плотном плетеном сосуде с остатками каши с овощами, которую она сварила сегодня утром с помощью раскаленных камней. Эта размазня была убрана до поры до времени и уже изрядно загустела в ожидании того момента, когда найдутся желающие утолить чувство голода. Эйла попробовала это застывшее кушанье. Когда недоставало соли, люди обычно использовали больше ароматных приправ и кореньев, поэтому и она сдобрила сегодня эту ячменно-ржаную размазную шалфеем и мятой, хреном, луком и морковью.

«Надо взять немного соли, – думала она, – семян подсолнуха, что хранятся во входном помещении, и еще немного сушеной смородины... Возможно, еще стоит добавить плоды шиповника и листья мать-и-мачехи из моей лекарской сумки. Если начинить куропаток такой смесью, то вкус у них потом будет весьма необычный». Эйла приготовила и начинила птиц, завернула в свежесрезанную траву и положила в ямку на угли, а сверху засыпала все слоем золы. После этого она направилась посмотреть, чем занимаются другие.

Самым оживленным местом оказалась жилая площадка перед входом в дом, там собралось большинство обитателей стоянки. Подойдя поближе, Эйла увидела снопы колосьев, лежавшие на земле. Часть людей молотила, топтала и била связанные пучки колосьев, чтобы отделить зерно от мякины. Другие убирали отходы, оставшиеся после молочения зерна, подбрасывая его на плоском решете, сплетенном из ивовых прутьев. Ранек заложил зерно в ступу, сделанную из полой ножной кости мамонта, завершавшейся ступней. Взяв кусок обрезанного мамонтового бивня и используя его как пест, Ранек начал толочь зерно в ступе.

Вскоре Барзек, скинув верхнюю парку, пришел на подмогу Ранеку, и они стали поочередно наносить удары этим массивным пестом. Торнек начал хлопать в ладоши в ритме их ударов, и Манув поддержал его, затянув ритмичный монотонный припев:

Ай да сила, йо-хо-хо! Ранек наш толчет зерно!
Хорошо толчет зерно, ай да сила, йо-хо-хо!

Затем с очередным ударом вступила Диги, в том же ритме пропев похвалу Барзеку:

Барзек тоже разошелся не на шутку, йо-хо-хо!
Ай да Барзек, как легко толчет зерно!

Через некоторое время уже все мамутой хлопали себя по бедрам и напевали незамысловатые слова припева, причем мужские голоса поддерживали Манува, а женские – Диги. Увлеченная этим четким ритмом Эйла тоже начала подпевать; ей понравился этот припев, правда, она была не уверена в своих певческих способностях.

Немного погодя Уимез, также сбросивший парку, подошел к Ранеку и быстро сменил его у ступы, вовремя перехватив пест, отпущенный Барзеком. Манув мгновенно отреагировал на эту замену и с очередным ударом начал новый припев:

Уимез взялся за дробилку, бум-ба-ку, бум-ба-ку!

Когда Барзек начал заметно уставать, его сменил Друвец, и Диги тоже пропела новую строчку, затем настал черед Фребека. Наконец дробильщики остановились, чтобы проверить результаты работы; они ссыпали дробленое зерно и просеяли его через сито, сплетенное из листьев рогоза. Затем в костяную ступу засыпали новую порцию зерна, но на сей раз к ней встали Тули и Диги, и Мануву пришлось придумывать куплеты за двоих, но женскую партию он пропевал фальцетом, вызывая взрывы смеха у слушателей. Неззи перехватила пест у Тули, а Диги, улыбнувшись, кивнула Эйле, которая порывисто шагнула к ней.

Сделав последний удар, Диги быстро отступила, и, пока Неззи поднимала пест, Эйла заняла место подруги. Когда костяная дробилка опустилась вниз, послышался возглас: «Ай да раз!» – и Эйла схватилась за этот толстый, чуть изогнутый кусок мамонтового бивня. Пест показался ей неожиданно тяжелым, но она подняла его под новый запев Манува:

Ай да раз, ай да два, рады Эйле мы всегда!

Эйла, не ожидавшая такого искреннего проявления дружелюбия, едва не выронила бивень, и, когда на следующий удар вся стоянка, и мужчины и женщины, подхватила приветствие Манува, она совсем растрогалась и заморгала глазами, пытаясь сдержать подступившие слезы. Это были не просто дружелюбные или вежливые слова, это было подлинное признание. Она нашла Других, и они с радостью приняли ее.

Трони заняла место Неззи, и немного погодя Фрали сделала шаг в сторону Эйлы, но та отрицательно мотнула головой, и беременная женщина, с готовностью согласившись, отступила в сторону. Эйла обрадовалась такому послушанию, однако оно лишней раз подтвердило ее подозрение, что Фрали чувствует себя неважно. Процесс дробления шел своим чередом, потом Неззи остановила женщин и, ссыпав дробленое зерно в сито, вновь наполнила ступу.

Теперь за эту нудную и тяжелую работу взялся Джондалар. Трудно было дробить зерно таким способом, и дело лучше спорилось, когда люди, объединив усилия, сопровождали этот процесс веселыми шутками. Однако, заметив, что с другой стороны к ступе встал Ранек, Джондалар нахмурился. Натянутые отношения, сложившиеся между темнокожим резчиком и светловолосым гостем, невольно омрачили дружескую атмосферу еле уловимым ощущением враждебности.

Все окружающие почувствовали это, когда дробильщики начали обмениваться массивным бивнем, постепенно ускоряя темп. Скорость ударов неуклонно продолжала нарастать, и ритмичная песня умолкла, однако часть наблюдавших за ними зрителей начала топтать ногами, и этот поддерживающий ритм ударов топот становился все громче и быстрее. Вскоре Джондалар и Ранек начали увеличивать и силу ударов; и в итоге вместо дружеской совместной работы у них получилось нечто вроде состязания в силе и упрямстве. Один упрямец опускал пест с такой ожесточенностью, что он ударялся о дно ступы и подскакивал вверх, а другой, на лету подхватывая бивень, с еще большей силой всаживал его в костяную ступу.

Мужчины уже изрядно вспотели. Пот заливал им глаза, пропитывал рубахи, но они продолжали свое состязание, неуклонно убыстряя темп и утяжеляя удары. Казалось, еще немного, и ступа расколется пополам, – похоже, каждый из них решил биться до конца, не желая смирить свой нор. Их дыхание стало тяжелым и отрывистым; соперники явно перенапряглись и устали, но никто не хотел сдаваться. Никто из этих двоих не желал оказаться побежденным; соперничество шло не на жизнь, а на смерть.

Эйла была вне себя. Мужчины уже достигли предела своих возможностей. Она с отчаянием и мольбой в глазах посмотрела на Талута. Он кивнул Данугу, и они вдвоем встали рядом с этими упрямыми, решившими уморить друг друга.

– Не пора ли уступить нам место! – пророкотал Талут своим густым басом, оттесняя Джондалара в сторону и перехватывая тяжелый бивень.

После отскока его подхватил Дануг, сменивший Ранека.

Судорожно глотая воздух и пошатываясь, Джондалар и Ранек разошлись в разные стороны, похоже не осознавая, что их соперничество уже закончилось. Эйла хотела было броситься им на помощь, да так и не решилась. Догадываясь, что причиной этой борьбы была она сама, Эйла понимала, что если она подойдет к одному из них, то второй будет считаться проигравшим. Мамутой тоже были обеспокоены их состоянием, но не спешили предлагать помощь. Они боялись проявить повышенное внимание к этим упрямым, поскольку это означало бы, что за их состязанием скрывается нечто большее, нежели игра. Однако никто из мамутой не был готов всерьез отнестись к их соперничеству.

Когда Джондалар и Ранек немного пришли в себя, внимание людей уже переключилось на Талута и Дануга, продолжавших толочь зерно. Похоже, они заразились духом соревнования. Дружеского соревнования, которое, однако, было не менее напряженным. С усмешкой поглядывая на свою молодую копию, Талут резко опускал бивень в костяную ступу. А Дануг без тени улыбки подхватывал отскочивший пест и с мрачной решимостью всаживал его обратно.

– Молодец, Дануг, так держать! – воскликнул Торнек.

– У него нет шансов, – возразил Барзек.

– Ну почему это? Дануг ведь моложе, – сказала Диги. – Талут выдохнется первым.

– Но у него нет выносливости Талута, – заметил Фребек.

– Конечно, сил у него пока меньше, чем у Талута, но выносливости ему не занимать, – сказал Ранек. Он уже успел окончательно восстановить дыхание и присоединился к этим зрительским комментариям. Его перенапряженные мускулы еще болели, однако это не мешало ему понять, что новое состязание затеяно с целью понизить значение предыдущего. Слишком уж суровая и серьезная схватка завязалась у них с Джондаларом.

– Давай, Дануг, не отступай! – кричал Друвец.

– Ты сможешь выстоять! – с воодушевлением добавила Лэти, хотя сама толком не знала, к кому обращены ее слова, к Данугу или к Талуту.

И вдруг после очередного удара Дануга костяная ступа треснула.

– Ну вот, доигрались! – сердито воскликнула Неззи. – Ваши медвежьи удары все-таки раскололи ступу. Теперь нам придется делать новую. И мне кажется, что этим следует заняться тебе, Талут.

– Да, видимо, ты права! – сказал Талут, счастливо улыбаясь. – Это был отличный поединок. Мой мальчик, – заметил он, обращаясь к Данугу, – год странствий явно пошел тебе на пользу. Ты стал гораздо сильнее. Как тебе твой малыш, а, Неззи?

– Посмотри-ка лучше сюда! – сказала Неззи, вытряхивая из ступы содержимое. – У вас получилась настоящая мука. А мне надо было, чтобы вы сделали обычную дробленку. Я собиралась немного подсушить ее и убрать на хранение. А такую муку уже не подсушишь.

– Мне кажется, в племени моей матери делали что-то из такой зерновой муки, но надо уточнить у Уимеза, – сказал Ранек. – Я могу взять немного этой муки, если никто больше не желает. Какое это было зерно, Неззи?

– Это была смесь, в основном пшеница, но к ней добавлено немного ржи и овса. Тули уже сделала запас такой муки для маленьких булочек, которые все так любят. По-моему, она даже успела испечь их к сегодняшнему вечеру. Еще Талут хотел взять немного зерна и смешать его с крахмалистыми корнями рогоза, из которого он делает свою бражку. Но если хочешь, можешь забирать себе все. Ты ведь сам дробил это зерно.

– Талут тоже принимал участие. И если ему надо, пусть забирает часть муки, – сказал Ранек.

– Да бери ты сколько надо, Ранек, а я возьму то, что останется, – великодушно предложил Талут. – Я уже залил водой корни рогоза, и они начали бродить. Даже не знаю, что получится, если я добавлю туда эту муку. Но стоит попробовать, – возможно, выйдет неплохой напиток.

Эйла посматривала то на Джондалара, то на Ранека, пока не убедилась, что с ними все в порядке. Джондалар снял пропитанную влагой рубаху и, протерев блестящее от пота тело, ушел в земляное жилище. Эйла поняла, что это состязание не причинило ему никакого вреда, и подумала, что с ее стороны было очень глупо так беспокоиться за него. В конце концов, он сильный и здоровый мужчина, и небольшое перенапряжение, естественно, не может повредить ему, да и Ранеку тоже. Однако Эйла избегала разговаривать с ними. Их действия привели ее в замешательство, и ей необходимо было время, чтобы успокоиться.

Занавес сводчатого входа приподнялся, и из дома вышла измученная Трони. Одной рукой она придерживала Хартала, а другой – неглубокое костяное блюдо с корзинками и разной хозяйственной утварью. Эйла поспешила ей навстречу.

– Давай помогу. Хочешь, я подержу Хартала? – предложила она.

– О, пожалуйста, если ты не занята, – ответила молодая женщина, протягивая ребенка Эйле. – Сегодня все готовят что-то вкусное, и я тоже хотела сделать праздничное лакомство, но меня постоянно отвлекают от дела. А тут еще Хартал проснулся. Я его покормила, но он так разгулялся, что сейчас явно не будет спать.

Трони пристроилась возле большого центрального очага. Держа на коленях малыша, Эйла наблюдала, как Трони взяла одну корзинку и высыпала в неглубокую чашу очищенные семечки подсолнуха. Небольшим пестиком – Эйле показалось, что он напоминает часть голяшки шерстистого носорога, – Трони растирала эти семена в кашницу. Когда она растерла достаточное количество семечек, то наполнила водой другой сосуд. Затем взяла две прямые костяные лопаточки, вырезанные таким образом, чтобы ими было удобно доставать разогретые в костре камни. Привычными ловкими движениями она поднимала раскаленные камни и опускала их в сосуд с холодной водой. Облако пара поднялось над поверхностью зашипевшей воды. Трони быстро заменяла остывшие камни на раскаленные, пока вода не закипела. Тогда она добавила туда кашницу из семечек подсолнуха. Эйла была заинтригована.

Выделившееся из семечек масло поднялось на поверхность воды, Трони снимала его большой ложкой и сливала в туюсок, сделанный из березовой коры. Сняв довольно много масла, она добавила в воду разные дробленые зерна: черные семена амаранта, душистые приправы – и вновь довела всю эту смесь до кипения с помощью раскаленных камней. Березовый туюсок

был отставлен в сторону для охлаждения, и вскоре подсолнечное масло застыло. Трони дала Эйле попробовать его на кончике ложки, и гостья сказала, что получилось очень вкусно.

– Лучше всего намазывать его на булочки, которые делает Тули, – пояснила Трони. – Поэтому мне и хотелось сделать его. Но раз уж я вскипятила воду, то решила, что можно приготовить еду на утро. После сегодняшнего празднества завтра найдется не много желающих готовить, но дети уж точно захотят позавтракать. Большое спасибо, Эйла, что ты помогла мне с Харталом.

– Не стоит благодарности. Мне это только в радость. Я так давно не возилась с малышами, – сказала Эйла, действительно испытывая радостное волнение.

Она поймала себя на том, что пристально разглядывает Хартала, мысленно сравнивая его с малышами клана. У Хартала не было сильно развитых надбровных дуг, но у младенцев клана они тоже были еще мало заметны. Его лоб был более высоким, а голова – более круглой формы. «Да, в таком раннем возрасте все эти отличия почти незаметны, – подумала она, – если не считать того, что Хартал смеется, гукает и аукает, а младенцы клана издают очень мало звуков».

Ребенок слегка забеспокоился, увидев, что его мать ушла мыть посуду. Эйла покачала его, посадив на колено, а потом развернула малыша лицом к себе и начала разговаривать с ним. На его лице отразилась явная заинтересованность. Это отвлекло его, но ненадолго. Видя, что Хартал опять готов заплакать, Эйла слабо свистнула. Этот звук удивил его; малыш раздумал плакать и напряг слух. Она опять засвистела, на этот раз подражая птичьей трели.

Живя в своей долине, Эйла порой целыми днями слушала голоса птиц и пыталась подражать им. В конце концов она стала так ловко насвистывать песенки своих пернатых друзей, что они даже прилетали на ее свист, а в речной долине, где жили мамутой, водились те же виды птиц.

Пока она развлекала малыша свистом, поблизости приземлилось несколько маленьких пташек, которые тут же начали поклевывать зерна и семечки, высыпавшиеся из корзинок Трони. Эйла заметила их, посвистела и протянула к ним руку. Поосторожничав для начала, один храбрый зяблик перелетел на ее палец. Не торопя события, Эйла продолжала тихо посвистывать, чтобы успокоить и заинтересовать это маленькое крылатое создание. Потом она согнула руку и поднесла птицу к малышу, чтобы он мог хорошо разглядеть ее. Ребенок залился счастливым смехом и, протянув к зяблику пухлый кулачок, спугнул его.

И тут, к своему удивлению, Эйла услышала одобрительные возгласы и рукоплескания. Эти звуки заставили ее поднять голову, и она увидела вокруг улыбающиеся лица обитателей Львиной стоянки.

– Как тебе это удается, Эйла? Я знаю людей, которые научились подражать голосам птиц и животных, но ты делаешь это так хорошо, что можешь обмануть их. Надо же, этот зяблик с готовностью пришел на твой зов! – сказала Трони. – Я никогда не встречала человека, который имел бы такую власть над животными.

Эйла смущенно вспыхнула, как будто ее застали за каким-то занятием... не совсем подобающим, что ли?.. Ведь это занятие отличало ее от обычных людей. Несмотря на все улыбки и похвалы, она испытывала странную неловкость. Эйла не знала, что ответить на вопрос Трони. Не знала, как объяснить, что пока она жила в полном одиночестве, то часто развлекалась, пытаясь подражать птичьему пению. Когда человеку не с кем общаться, то он готов искать друзей среди лошадей или даже среди львов. Когда ты не знаешь, есть ли еще в этом мире люди, похожие на тебя, то ищешь общения с теми живыми существами, которые находятся рядом.

Глава 10

После полудня на Львиной стоянке наступило некоторое затишье. Обычно дневная трапеза мамутой была самой обильной, но сегодня большинство людей пропустили ее, а самые голодные лишь слегка подкрепились остатками утренней еды, поскольку все берегли животы для чудесных блюд, приготовленных для вечерних посиделок; этот незапланированный праздник обещал быть замечательным во всех отношениях. Пока люди спокойно отдыхали: одни просто дремали, другие слонялись туда-сюда, снимая пробу с различных блюд, а третьи тихо беседовали, – но в воздухе витало предпраздничное настроение, и все с нетерпением ждали этого особого вечера.

Эйла и Трони сидели возле одного из очагов в земляном жилище и слушали Диги, рассказывавшую им подробности своего визита на стоянку Бранага и о том, какие приготовления делались к их Брачному ритуалу. Сначала Эйла слушала с интересом, но, когда разговор перешел на обсуждение поведения незнакомых ей людей, сородичей этих молодых женщин, она встала и, сославшись на то, что ей надо проверить, как запекаются куропатки, направилась к выходу из дома. Рассказ Диги о том, что они с Бранагом вскоре пройдут Брачный ритуал, заставил Эйлу задуматься о будущем, которое ждет ее саму и Джондалара. Он говорил, что любит ее, но никогда не упоминал о том, что они создадут свой очаг или пройдут Брачный ритуал, и это вдруг обеспокоило ее.

Подойдя к ямке, где готовились птицы, она убедилась, что жар от углей еще достаточно силен; затем, оглянувшись вокруг, заметила Джондалара, Уимеза и Дануга. Мужчины сидели в стороне от протоптанной тропинки, там они обычно работали с кремнем. Она знала, о чем может идти их разговор, а если бы и не знала, то догадаться было несложно. Возле этих трех мастеров лежало несколько крупных желваков кремня, а вся земля вокруг них была усыпана осколками и острыми отщепами этого поделочного камня. Эйла часто удивлялась тому, что они могли часами разговаривать о своих кремневых делах. О чем можно было так долго говорить? Казалось, они уже давно должны были исчерпать все возможные вопросы.

До встречи с Джондаларом Эйла сама изготавливала каменные орудия, которые вполне устраивали ее, хотя она и не считала себя мастером этого дела. Живя в клане, она часто следила за оружейным мастером Друком и, копируя его движения, постепенно сама научилась раскалывать кремень. Но, увидев, как это делает Джондалар, Эйла сразу поняла, что он значительно превосходит ее мастерством. Изготовленные им орудия были гораздо лучше, чем у Друка, хотя отношение их обоих к этому ремеслу, а возможно даже, и способности были почти одинаковыми. Эйла заинтересовалась тем, как Уимез раскалывает кремень, и хотела при случае попросить разрешения понаблюдать за его работой. А сейчас, похоже, случай был вполне подходящий.

Джондалар заметил ее, как только она вышла из дома, но виду не подал. Он был уверен, что Эйла избегает его с тех пор, как закончилось испытание с пращой. Считая, что она все еще сердится на него, он не хотел докучать ей своим вниманием. Когда Эйла направилась в их сторону, Джондалар весь сжался от внутреннего напряжения, боясь, что она может изменить свое намерение или, возможно, просто пройдет мимо них.

– Я не помешаю, если понаблюдаю за вашей работой? – спросила Эйла.

– Конечно нет. Присаживайся, – приветливо улыбнувшись, ответил Уимез.

Джондалар вздохнул с облегчением; его нахмуренный лоб разгладился и напряженно сжатые челюсти разомкнулись. Дануг хотел сказать что-то, когда Эйла села рядом с ним, но ее присутствие опять на время лишило его дара речи. Перехватив его восхищенный взгляд, Джондалар подавил снисходительную улыбку. Он испытывал к этому парню искреннюю сим-

патию и знал, что нечего бояться этого пылкого юношеского увлечения. Поэтому в данном случае Джондалар мог позволить себе выступить в роли покровительствующего старшего брата.

– А ты раскалываешь кремень обычным способом? – спросил Уимез, очевидно продолжая разговор, прерванный появлением Эйлы.

– В общем-то, да. Большинство наших мастеров, сделав заготовку, отделяют от нее ножевидные пластины, которые идут на изготовление стамесок, резцов, скребков или наконечников для маленьких копий.

– А большие наконечники вы делаете? Ваше племя охотится на мамонтов?

– Редко, – сказал Джондалар. – Зеландонии в отличие от вас предпочитают охотиться на других животных. А наконечники для больших копий у нас обычно изготавливают из кости. По-моему, лучше всего подходит для этого кость передней ноги оленя. Стамеской делается черновая форма, намечаются желобки – в общем, снимается все лишнее. А потом эта заготовка обрабатывается более тщательно с помощью скребка, сделанного на кремневой пластине. Такие копия, отшлифованные влажным песчаником, можно сделать очень острыми.

Как-то раз Эйла помогала ему делать такие костяные наконечники для копий и успела убедиться, насколько они хороши на охоте. Копье с этим длинным смертоносным наконечником глубоко входило в тело животного, конечно, если бросок был достаточно сильный, а лучше всего, если оно было пущено из копьеметалки. Прежде Эйла пользовалась более тяжелыми копьями, подобными тем, которые изготавливали охотники клана, но легкие копия Джондалара предназначались не для непосредственного колющего удара, а для метания.

– Ты прав, костяные наконечники проникают глубоко, – заметил Уимез. – Если попасть в жизненно важное место, то удар может быть смертельным, однако это довольно трудно, когда ты имеешь дело с мамонтом или носорогом. У них густая шерсть и толстая шкура. Хорошо, если удар придется между ребрами, но ведь есть еще толстый слой жира и мышцы, которые надо пробить. Конечно, лучше всего целиться в глаз, да только в такую маленькую движущуюся точку очень трудно попасть. Еще мамонта можно свалить, пронзив копьем его горло, но это опасно, поскольку для этого нужно подойти очень близко. Но наш кремневый наконечник имеет острые края. Он легче пронзает толстую шкуру, и истекающее кровью животное постепенно слабеет и теряет силы. Если хочешь пустить ему кровь, то надо целиться в живот или мочевого пузыря. Конечно, смерть наступит далеко не сразу, но такой способ гораздо безопаснее.

Эйла слушала затаив дыхание. Изготовление орудий, безусловно, было интересным делом, но разговор об охоте на мамонтов был куда интереснее, поскольку ей никогда не приходилось охотиться на этих гигантов.

– Это я понимаю, – сказал Джондалар, – но удастся ли тебе сделать прямым такой большой кремневый наконечник? Каким бы способом ты ни откалывал пластины, они всегда будут немного изогнутыми. Таковы природные свойства этого камня. Бросая копье с изогнутым наконечником, ты проигрываешь в меткости и в глубине проникновения. Мне кажется, сила удара уменьшается примерно вдвое. Вот почему хороши только маленькие кремневые наконечники. Даже если взять самую длинную и массивную пластину, то из нее может получиться только короткое острие.

Уимез, усмехаясь, согласно кивнул:

– Все верно, Джондалар, но позволь, я покажу тебе кое-что.

Пожилой мастер достал тяжелый кожаный сверток и развернул его. Там оказался здоровенный кремневый топор, или ручное рубило, размером с настоящую кувалду, которое было изготовлено из целого желвака. Нижний конец его был округлым и толстым, и это мощное орудие довольно резко сходилось к заостренному верхнему концу.

– Я не сомневаюсь, что тебе случалось видеть нечто подобное.

Джондалар улыбнулся:

– Да, я изготавливал топоры, но не такие огромные. Этот подойдет разве что Талуту.

– Да-да, именно для Талута я и сделал его, осталось только подобрать длинную костяную рукоятку... Думаю, этим сможет заняться Дануг, – сказал Уимез, улыбнувшись своему молодому подмастерью. – Таким орудием обычно разбивают кости мамонта или раскалывают бивни. Для этого требуется недюжинная сила и сноровка. А Талут с легкостью орудует таким рубилом. Вероятно, и Дануг теперь сможет овладеть им.

– Точно сможет. Он срубал деревья для волокуши, – сказала Эйла, одобрительно глянув на Дануга, который тут же вспыхнул и смущенно улыбнулся. Ей тоже приходилось делать и использовать подобные ручные рубила, но, конечно, не таких больших размеров.

– А скажи, как бы ты стал делать такой топор? – продолжал Уимез, обращаясь к Джондалару.

– Ну, обычно я начинаю с того, что делаю отбойником массивный скол, а потом обтачиваю его с двух сторон, придавая соответствующую форму.

– Племя атерианов, к которому принадлежала мать Ранека, делает наконечники копий, применяя двухстороннюю ретушь.

– Двухстороннюю ретушь? То есть оббивая с двух сторон, как рубило? Но ведь чтобы он получился прямым, нужно взять массивную, а не тонкую пластину. А если в результате наконечник выйдет слишком громоздким?

– Возможно, такой наконечник будет несколько толще и тяжелее обычного, но определенно изящнее и меньше любого рубила. И он отлично подходит для тех животных, на которых охотятся те племена. Однако верно и то, что для мамонта или носорога необходим прямой и тонкий наконечник, и, кроме того, он должен быть очень длинным и острым. Как бы ты стал делать его? – спросил Уимез.

– Да, наверное, тоже двухсторонней обработкой. Это единственный метод. Взял бы массивный кремневый скол и постепенно обработал его с обеих сторон, – задумчиво сказал Джондалар, пытаясь представить себе процесс изготовления такого орудия. – Но это очень сложная и точная работа, трудно угадать, как поведет себя кремень.

– Верно. Тут нужен кремень самого лучшего качества, и опытный глаз, и рука мастера.

– Да, желвак лучше откалывать прямо перед обработкой. Даланар, тот мастер, что учил меня, живет возле известковых скал, в которых достаточно много кремня. Возможно, там следовало бы подыскать кремень, подходящий для такого наконечника. Но все равно такое орудие очень сложно сделать. У нас с ним получались отличные рубила, однако не уверен, удастся ли таким же способом изготовить приличный наконечник.

Уимез достал второй сверток из мягкой кожи и, развернув его, показал Джондалару несколько кремневых наконечников.

Изумленно распахнув глаза, Джондалар взглянул сначала на Уимеза, а потом на сияющее лицо Дануга, который явно гордился своим наставником. Немного придя в себя, Джондалар осторожно взял в руки один из наконечников и тщательно рассмотрел его, почти с нежностью поглаживая прекрасно обработанные поверхности камня.

Орудие было гладким на ощупь и поблескивало, как будто было смазано маслом; многочисленные грани сияли, отражая солнечный свет. Это изделие, по форме напоминавшее лист ивы, было почти идеально симметричным во всех направлениях. Длина его точно соответствовала длине ладони Джондалара от основания до кончиков пальцев, оба конца были острыми и постепенно расширялись к середине, где похожее на лист ивы острие достигало примерно ширины четырех сложенных вместе пальцев. Посмотрев на острие в профиль, Джондалар заметил, что у этого изделия совершенно отсутствует изгиб, характерный для орудий, изготовленных на пластинах. Оно было идеально прямым и ровным, и максимальная толщина в поперечнике была не больше толщины мизинца.

Джондалар со знанием дела потрогал острую кромку. Она была очень острой и лишь слегка притупленной мелкой ретушью. Его чуткие пальцы пробежали по поверхности изделия, ощущая все те крошечные всхолмления и впадины, которые получились в результате последовательного удаления кремневых чешуек, что позволило придать этому острию столь прекрасную симметричную форму.

– Оно слишком красиво, чтобы использовать его в качестве оружия, – с восхищенным вздохом сказал Джондалар. – Настоящее произведение искусства!

– Да, пожалуй, этот экземпляр я не отдам охотникам, – сказал Уимез, обрадованный высокой оценкой собрата по ремеслу. – Я сделал его как образец для демонстрации нового способа обработки.

Эйла, вытянув шею, разглядывала искусно сделанные орудия, покоившиеся на земле в мягких складках кожи, и не смела даже дотронуться до них. Она никогда еще не видела таких красивых и изящных наконечников и такого разнообразия форм и размеров. Кроме иволистного остряка там были еще асимметричные орудия с выемкой: с одной стороны у них была острая режущая кромка, а с другой – узкий ровный выступ, который можно было, вероятно, вставить в рукоятку, чтобы использовать это орудие в качестве ножа. Еще несколько изделий напоминали наконечники для копий или особого вида ножи – это были более симметричные, постепенно сужающиеся к концу орудия с плоскими обоюдоострыми лезвиями.

– Если хочешь, можешь взять и рассмотреть их получше, – сказал Уимез, заметив интерес Эйлы.

Восхищенно сверкнув глазами, она начала перебирать эти изящные орудия, словно они были сокровищами. Хотя, возможно, именно таковыми они и являлись.

– Кремень... такой гладкий... словно живой, – сказала Эйла. – Я даже не представляла, что бывает такой замечательный кремень.

Уимез улыбнулся.

– Ты почти угадала секрет, Эйла, – сказал он. – Именно такие качества позволяют изготовить подобные остряки.

– Вы нашли такой кремень где-то поблизости? – недоверчиво спросил Джондалар. – Я тоже никогда не видел таких камней.

– Нет, боюсь, такого кремня в месторождениях просто не бывает. Но конечно, мы знаем, где можно раздобыть достаточное количество кремня отличного качества. К северу от нас есть одна большая стоянка, она расположена рядом с кремневым месторождением. Мы с Данугом как раз недавно вернулись оттуда. Однако для этих орудий мы специально обработали кремень... в огне.

– В огне?! – воскликнул Джондалар.

– Да-да, в огне. При прокаливании камень изменяется. Именно поэтому он и становится таким гладким на ощупь... – Уимез взглянул на Эйлу, – таким живым... Короче, после прокаливании он приобретает особые свойства. – Чтобы его объяснения были более понятными, он показал им кремневый желвак, явно побывавший в очаге. Камень был покрыт сажей и слегка обожжен, и когда Уимез ударом отбойника отколол от него кусок, то оказалось, что внешняя известковая корка тоже стала более темного цвета. – Мы случайно сделали это открытие. Просто как-то раз я случайно уронил кусок кремня в очаг, где был разожжен хороший жаркий костер. Ну, вы и сами знаете, какой жар дают горящие кости.

Эйла понимающе кивнула. Джондалар пожал плечами, он не обратил на это особого внимания, но поскольку Эйла согласилась с Уимезом, то он тоже не стал возражать.

– Я было собрался выкатить камень обратно, – продолжал Уимез, – но Неззи решила, что раз уж этот камень попал туда, то ему суждено стать подставкой для чаши, в которую стекал сок с ее жаркого. Упав в очаг, мой камень разбил костяную чашу, и я подвинул его так, чтобы хоть как-то исправить последствия этого случайного падения, оказавшегося в итоге

подарком судьбы. Правда, тогда я считал, что этот кремьнь уже вряд ли на что-то сойдется. Он был изрядно обгоревшим, таким же как этот, и я не использовал его до тех пор, пока у меня был другой материал. И даже когда я первый раз ударил по нему, сняв кусок корки, то решил, что работать с ним нельзя. Взгляните сюда, и вы сами поймете, почему я так подумал, – сказал Уимез, протягивая им два кремневых отщепа.

– Да, кремьнь изменился, он стал каким-то темным... – заметил Джондалар, – и непривычно гладким на ощупь.

– Так уж вышло, что я как раз начинал тогда делать атерианские наконечники, пытаюсь усовершенствовать свои методы обработки. И поскольку я еще только проверял свои новые идеи, то решил, что для таких экспериментов сойдет и этот обгоревший желвак. Но как только я начал обрабатывать его, то сразу заметил разницу. Все это произошло вскоре после моего возвращения из путешествия, Ранек тогда был еще совсем ребенком. И с тех пор я постоянно работаю с обожженным кремнем, стараясь понять все тонкости этого процесса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.